

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ МАКСИМА ТАНКА»

На правах рукописи

УДК 811'255.4:811.161.3:811.161.1:811'246.2

НИКИТИНА
Надежда Евгеньевна

**АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД С БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ:
БИЛИНГВАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Трофимович Т.Г.

Минск, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.....	6
ГЛАВА 1 АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД КАК ОСОБЫЙ ВИД РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	10
1.1 Авторский перевод в теории и практике перевода.....	10
1.1.1 Коммуникативная сущность перевода.....	10
1.1.2 Авторский перевод как вид художественного перевода.....	12
1.1.3 История и современность авторского перевода с белорусского языка.....	16
1.2 Авторский перевод как результат речевой деятельности билингвальной языковой личности.....	18
1.2.1 Понятие <i>языковая личность</i> в междисциплинарном аспекте.....	18
1.2.2 Билингвальная языковая личность и создание авторского перевода.....	21
1.2.3 Авторский перевод в контексте близкородственных языков.....	28
1.3 Способы достижения смысловой и эмоционально-художественной эквивалентности при авторском переводе.....	31
1.3.1 Проблема изменения исходного текста в процессе перевода.....	31
1.3.2 Сущность теории эквивалентности в переводоведении.....	34
1.3.3 Типология переводческих трансформаций в теории перевода.....	38
1.4 Пути и способы выявления типичных языковых особенностей взаимодействия русского и белорусского языков при авторском переводе.....	42
Выводы по главе 1.....	46
ГЛАВА 2 ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКИХ ПЕРЕВОДОВ.....	50
2.1 Лексико-фразеологические трансформации при авторском переводе.....	50
2.1.1 Анализ собственно лексических эквивалентов в авторских переводах.....	51
2.1.2 Функционально-стилевые различия в авторских переводах.....	53
2.1.3 Способы передачи имён собственных в авторских переводах.....	56
2.1.4 Фразеология в авторских переводах.....	61
2.1.5 Индекс языковых нарушений на лексико-фразеологическом уровне.....	65
2.2 Словообразовательные и морфологические трансформации при авторском переводе.....	72
2.2.1 Причастные и деепричастные конструкции в авторских переводах.....	72
2.2.2 Соотношение видо-временных форм глаголов при авторском переводе.....	85
2.2.3 Композитная деривация в условиях авторского перевода.....	90

2.2.4 Реализация грамматической категории числа имени существительного при авторском переводе.....	96
2.2.5 Индекс языковых нарушений на словообразовательном и морфологическом уровнях.....	98
2.3 Синтаксическое членение художественного текста при авторском переводе.....	103
2.3.1 Синтаксические трансформации на уровне предложения.....	103
2.3.2 Трансформация словосочетаний и сочетаний слов при авторском переводе.....	110
2.3.3 Специфика актантных трансформаций при авторском переводе.....	123
2.3.4 Индекс языковых нарушений на синтаксическом уровне.....	144
2.4 Общий индекс языковых нарушений при авторском переводе.....	148
Выводы по главе 2.....	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	156
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	159
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	176

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире, вовлечённом в процесс глобализации, особое значение приобрели межкультурные коммуникации. Стремление народов познать и понять друг друга неизбежно приводит к необходимости обеспечивать основы межкультурного взаимодействия, совершенствовать его условия и пути дальнейшего развития.

Социально-политические условия существования народов и государств, изменения в их истории сопровождаются возникновением языковых ситуаций билингвизма и полилингвизма и появлением билингвальных и полилингвальных языковых личностей. По последним данным, примерно половина мирового населения – это люди, владеющие двумя и более языками и использующие их в общении.

Подобные процессы не должны приводить и пока не приводят к утрате национальной специфики народов, хотя необходимость сохранения языкового и этнического многообразия обществом осознана. Одной из проблем современного социума является поиск разумного сочетания, взаимодействия в культурном пространстве глобального и национального. Свою роль в этих процессах, без сомнений, играет художественный перевод, в том числе и авторский, то есть выполненный самим создателем литературного произведения, который справедливо стремится расширить свою читательскую аудиторию, сделать свой жизненный опыт и творческие достижения достоянием как можно большего числа читателей.

Таким образом, авторский перевод как особый вид художественного перевода осуществляет и фиксирует взаимосвязь двух языков и культур, мобилизуя билингвальные способности автора-переводчика, его межкультурную компетенцию.

Авторским переводом (далее – АП) можно назвать речевую деятельность автора исходного текста по его перекодированию средствами другого языка, а также результат этой деятельности. Тот факт, что у оригинального текста и его перевода один и тот же автор, не означает, что они абсолютно идентичны. Это невозможно в принципе, поскольку речь идет о разных языках и культурах, а также об особом виде творческой речевой деятельности билингвальной языковой личности.

Автор-переводчик по сравнению с просто профессиональным переводчиком находится в более выгодном положении, поскольку имеет право в процессе перевода изменять исходный текст, по своему усмотрению совершенствовать его, создаёт условия для того, чтобы изменить традиционное оценочное ранжирование,

при котором априори оригинал ставится выше перевода. При авторском переводе только сам автор может определить ценность оригинала и перевода.

Распространено ошибочное мнение, что авторские переводы встречаются редко. В теории перевода их долгое время не рассматривали как самостоятельное явление. В последние годы наблюдается рост интереса к феномену АП и его представителям в западной и постсоветской науке. Э. Гентес из университета Генриха Гейне в Дюссельдорфе (Германия) опубликовала 28 редакций библиографического списка по теме «Авторский перевод», последняя из которых вышла в апреле 2017 г. Он содержит выходные данные около 2000 монографий, статей, сборников, диссертаций на английском, немецком, французском, испанском и других языках [161]. На примере творчества различных авторов исследуются теоретические аспекты АП, а также его особенности [159; 160; 167; 173; 174 и др.]. В Республике Беларусь рассмотрение АП ограничено характеристикой закономерностей его исторического развития и изучением его литературно-художественных особенностей [51]. Лингвистический подход к изучению АП пока осуществляется фрагментарно [42; 121] и не рассматривался до сих пор в аспекте деятельности билингвальной языковой личности.

Исследование языковых особенностей АП с белорусского языка на русский целесообразно проводить на материале художественных произведений, созданных авторами-переводчиками из числа классиков белорусской литературы, поскольку время доказало их роль в становлении и развитии национального языка.

В современной славистике в числе актуальных продолжают оставаться проблемы контактирования близкородственных языков, общие проблемы переводоведения, проблемы деятельности языковой личности. Языковой личностью можно считать любого носителя того или иного языка, охарактеризованного на основе анализа произведённых им текстов, которые подвергаются комплексному лингвистическому анализу.

В условиях белорусско-русского двуязычия особого внимания заслуживает анализ речевой деятельности билингвальной языковой личности. Такая речевая деятельность как раз и осуществляется в процессе создания АП с белорусского языка на русский. При создании таких переводов включаются лингвистические механизмы межкультурной коммуникации, которые использует двуязычная личность. Результаты такой деятельности представляют несомненный интерес, поскольку позволяют судить о том, как реализуются возможности белорусского и русского языков при создании АП художественных текстов, что руководит языковой личностью в выборе языковых средств, как связаны эквивалентность перевода и языковая компетентность переводящего. Этим и обусловлена **актуальность** настоящего диссертационного исследования.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с научными программами (проектами), темами.

Диссертационное исследование выполнялось в рамках тем научно-исследовательской работы кафедры белорусского и русского языкознания УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»: «Белорусский и русский языки в диахронии, синхронии, взаимодействии и в современном образовательном пространстве» (сроки выполнения – 2011–2015 гг.; № ГР 20120309) и «Разработка механизмов и способов модернизации лингвометодического обеспечения общего среднего и высшего педагогического образования в условиях реализации компетентностного подхода» (сроки выполнения – 2016–2020 гг.).

Цель и задачи исследования.

Цель исследования – установить языковые особенности АП с белорусского языка на русский, рассмотреть их как проявление билингвальной языковой личности.

Для достижения цели необходимо решить ряд **задач**:

- установить лингвистическую сущность и коммуникативную значимость АП на близкородственный язык как особого вида художественного билингвизма;
- выявить и описать историю АП с белорусского языка на русский в контексте мировой практики АП;
- систематизировать языковые средства экспликации волеизъявлений переводчика в процессе создания АП;
- определить приоритетные направления авторских трансформаций оригинальных текстов при переводе;
- установить особенности взаимодействия белорусского и русского языков при АП;
- определить индекс языковых нарушений, обусловленных билингвизмом авторов-переводчиков.

Объектом исследования являются белорусскоязычные художественные тексты В. Быкова («Сотнікаў»), В. Козько («Суд у Слабадзе») и И. Мележа («Мінскі напрамак») и их авторские переводы на русский язык.

Предметом исследования выступают языковые средства установления эквивалентных отношений между текстом оригинала и текстом авторского перевода.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые комплексному изучению в сравнительном аспекте подвергнуты языковые особенности белорусскоязычных произведений В. Быкова, В. Козько и И. Мележа и их

авторских переводов на русский язык. Впервые авторский перевод художественного текста исследован всесторонне как результат речевой деятельности билингвальной языковой личности.

Впервые в белорусском переводоведении освещены лингвистические и коммуникативные аспекты АП на близкородственный язык. Впервые описана история АП с белорусского языка на русский в контексте мировой практики АП; исследованы проблемы межязыкового взаимодействия близкородственных языков в АП.

Впервые в диссертационном исследовании предложена созданная по оригинальной методике типология переводческих трансформаций при АП, охватывающая все языковые уровни текстов, установлены виды основных приёмов перевода, соответствующих каждому типу, и иерархия их продуктивности.

Впервые в переводоведении обоснована и реализована авторская модель вычисления индекса языковых нарушений в исходных текстах и их авторских переводах с учётом близкородственности языков.

Положения, выносимые на защиту.

1. Авторский перевод художественного текста является результатом речевой деятельности билингвальной языковой личности, которая обладает двумя типами языкового и когнитивного сознания, а также межкультурной компетентностью. При осуществлении авторского перевода используются механизмы автокоммуникации, позволяющие создать аналог оригинального текста, совместить в рамках одного индивидуума роли автора исходного текста, его читателя и переводчика. Авторский перевод можно считать репрезентацией одного из типов художественного билингвизма.

2. Перевод художественного текста с белорусского языка на русский, осуществлённый его автором, следует считать специфическим коммуникативным событием, в котором взаимодействуют близкородственные языки. Схожесть их систем способствует созданию максимально приближенного к оригинальному тексту аналога, однако не подразумевает полного и беспрепятственного их совпадения. Близкородственные русский и белорусский языки остаются самостоятельными языками, а их носители – представителями схожих, но разных менталитетов и культур.

3. Стремление автора-переводчика к эквивалентности переводимого и переводного текстов реализуется с помощью различных лексических и грамматических трансформаций, которые можно не только выявить, но и классифицировать, установив иерархию их распространённости. При авторском переводе осуществляются также различные изменения оригинального текста, обусловленные как правом создателя модифицировать написанное, так и следствием интерференции и интеркаляции.

4. Переводческие трансформации при авторском переводе проявляются на всех языковых уровнях, но в разной степени. Большинство преобразований осуществляется на лексико-фразеологическом уровне и связано с изменением состава, семантики и стилистической окраски слов и фразеологизмов, что позволяет осуществлять эмоционально-экспрессивные и содержательные модификации переводного текста. Многочисленными являются также трансформации на морфологическом уровне, однако касаются они лишь причастий и деепричастий. На синтаксическом уровне трансформации наименее многочисленны.

5. При авторском переводе художественного текста с белорусского языка на русский взаимодействуют две близкородственные языковые системы. Результатами этого взаимодействия могут становиться явления интеркаляции (влияния Я2 на Я1) и интерференции (влияния Я1 на Я2), которые чаще всего проявляются на лексическом уровне и характеризуются, как интерференция, спонтанностью или, как интеркаляция, намеренностью. Есть возможность установить индекс языковых нарушений, возникающих при авторском переводе.

Личный вклад соискателя учёной степени.

Диссертация представляет собой самостоятельное исследование, выполненное лично автором. Основные положения и выводы, изложенные в работе, являются результатом анализа самостоятельно собранного и систематизированного автором языкового материала.

Апробация диссертации и информация об использовании её результатов.

Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры белорусского и русского языкознания БГПУ. Основные положения диссертационного исследования представлены в докладах на международных и республиканских научных и научно-практических конференциях: IX Карповские чтения (Минск, 13–14 марта 2015 г.); XVII республиканская научно-практическая конференция молодых учёных (Брест, 15 мая 2015 г.); Международная научно-практическая конференция «Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире» (Минск, 23–24 октября 2015 г.); Международная научная конференция «Белорусский язык в XXI веке: основные тенденции развития (к 80-летию академика А. И. Подлужного)» (Минск, 28–29 октября 2015 г.); VII Международная научная конференция «Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования» (Брест, 26–27 ноября 2015 г.); Международная интернет-конференция «Динамические процессы в лексике и грамматике славянских языков» (Умань, Украина, 30–31 декабря 2015 г.); Международная научная конференция «Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования» (Витебск, 18–19 февраля 2016 г.); Международная научно-практическая конференция молодых филологов «Слово в

языке, речи, тексте» (Брест, 22 марта 2016 г.); Международная научная конференция «Кулешовские чтения» (Могилёв, 21 апреля 2016 г.); VIII Международная научная конференция «Язык – литература – культура» (Минск, 15–16 сентября 2016 г.); II Международная научно-практическая конференция «Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире» (Минск, 17–18 ноября 2016 г.); I Республиканская научно-практическая конференция с международным участием «Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития» (Минск, 23–24 февраля 2017 г.); Международная студенческая научно-практическая конференция «Слово в языке, речи, тексте» (Брест, 19–20 мая 2017 г.).

Результаты исследования используются при подготовке лекционных курсов по сравнительной стилистике и лингвокультурологии на кафедре белорусского и русского языкознания УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» (1 акт внедрения).

Опубликование результатов диссертации.

Основные положения диссертации нашли отражение в 17 публикациях. Из них 4 статьи в научных изданиях, включённых в перечень научных изданий Республики Беларусь и Российской Федерации для опубликования результатов диссертационных исследований, 5 статей в журналах и сборниках научных трудов, 8 – в сборниках материалов конференций. Общий объём публикаций составляет 6,5 авт. л.

Структура и объём диссертации.

Диссертация состоит из введения, общей характеристики работы, двух глав, заключения, библиографического списка и одного приложения. Полный объём диссертации составляет 177 страниц. Основной текст диссертации занимает 123 страницы. В диссертации имеются 23 таблицы и 21 рисунок общим объёмом 35 страниц. Библиография включает список использованных источников (175 наименований на русском, белорусском, английском, испанском, польском и французском языках), список источников иллюстративного материала (6 наименований) и список публикаций соискателя (17 наименований) – всего 17 страниц. Приложение занимает 2 страницы.

ГЛАВА 1

АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД КАК ОСОБЫЙ ВИД РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1.1 Авторский перевод в теории и практике перевода

1.1.1 Коммуникативная сущность перевода

В современной лингвистике особое внимание уделяется речевому взаимодействию языковых личностей, которые репрезентируют знания и ценности, свойственные разным культурно-языковым сообществам. Подобная коммуникация была бы невозможна без перевода как «вида языкового посредничества, при котором содержание иноязычного текста оригинала передаётся на другой язык путём создания на этом языке коммуникативно равноценного текста» [81, с. 248]. По мнению Е. А. Огневой, структура переводческого коммуникативного акта усложняется за счёт участия в нём третьего лица – переводчика, задача которого состоит в перекодировании содержательного и прагматического компонентов текста [109, с. 10].

И. С. Алексеева видит суть процесса перевода в «вариативном перевыражении, перекодировании» исходного текста, при этом не исключая творческую составляющую деятельности переводчика по выбору варианта перевода [2, с. 7]. О необходимости сохранения неизменного плана выражения речевого произведения в процессе его перевода писал и Л. С. Бархударов [11, с. 11].

А. Д. Швейцер, сторонник коммуникативного подхода к процессу перевода, рассматривает его как «однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создаётся вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде» [153, с. 75]. Этот процесс, по мнению учёного, характеризуется установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируется различиями между двумя языками, культурами и коммуникативными ситуациями» [153, с. 75]. Это определение, на наш взгляд, является наиболее полным и затрагивает все основные аспекты перевода как акта коммуникации.

Процесс художественной коммуникации представляет собой систему и проходит по схеме «Автор – Текст – Читатель»: автор, опираясь на лингвокультурную традицию и объективную реальность, с помощью кода (языка) создаёт текст, который читатель воспринимает через призму традиций и современной ему реальности. В случае межкультурной художественной коммуникации в качестве читателя оригинального текста выступает переводчик, который, перекодируя данный текст в рамках другой культурной традиции и временной реальности, становится автором вторичного сообщения (метатекста).

Несколько изменив схему межкультурной коммуникации, предложенную В. Г. Зинченко, В. Г. Зусманом и З. И. Кирнозе [60, с. 111], представим процесс АП в виде рисунка 1.1, согласно которому исходный текст и АП создаются под влиянием разных культурных традиций и в разных условиях объективной реальности. Однако специфика АП как акта межкультурной коммуникации и результата речевой деятельности творческой билингвальной языковой личности состоит в том, что он происходит в рамках единого сознания. Включая механизмы билингвизма и автокоммуникации, автор сначала становится читателем собственного текста, а затем перекодирует его. При АП «Автор 1», «Читатель 1», «Автор 2» – это различные варианты проявления одной и той же творческой билингвальной языковой личности (ЯЛ 1-1, ЯЛ 1-2, ЯЛ 1-3) в зависимости от коммуникативной установки и кода сообщения. Всё это приводит к тому, что исходный текст и АП (метатекст) оказывают взаимное влияние друг на друга в пределах единого сознания.

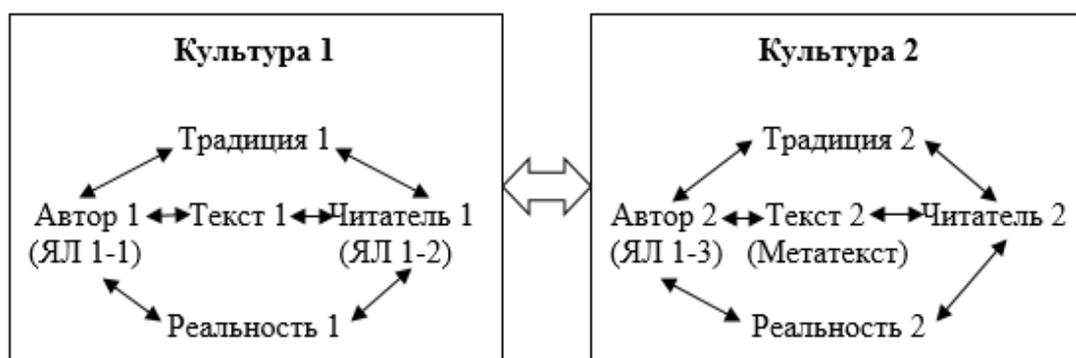

Рисунок 1.1. – Авторский перевод как акт межкультурной коммуникации

Многоаспектность переводов обуславливает существование нескольких классификаций их видов. В. Н. Комиссаров разделяет переводы на основании характера переводимых текстов и характера речевых действий переводчика в процессе перевода. Согласно жанрово-стилистической классификации, выделяют художественный (литературный) и информативный (специальный) перевод. Психолингвистическая классификация переводов учитывает способ восприятия

оригинала и создания текста перевода и включает письменный и устный перевод [81, с. 94–97].

Достаточно распространённой является типология переводов А. Н. Паршина, которая осуществляется по различным параметрам:

- 1) по соотношению типов языка перевода и языка оригинала;
- 2) по характеру субъекта переводческой деятельности и его отношению к автору переводимого текста;
- 3) по типу переводческой сегментации и способу переработки переводимого материала;
- 4) по форме презентации текста перевода и текста оригинала;
- 5) по характеру соответствия текста перевода тексту оригинала и т. д. [113].

С точки зрения общей характеристики субъекта переводческой деятельности и его отношения к автору переводимого текста переводы подразделяются на следующие виды:

- традиционный (человеческий, ручной);
- машинный (автоматический);
- смешанный.

Видами традиционного перевода являются:

- перевод, выполненный переводчиком, не являющимся одновременно автором переводимого текста;
- авторский (авто-) перевод, выполненный автором оригинального текста;
- авторизованный перевод – перевод оригинального текста, апробированный автором [113].

Из сказанного выше следует, что особенность АП заключается в его синкретичности: это художественный, письменный, традиционный вид перевода, предполагающий учёт жанрово-стилистического, психолингвистического, социолингвистического, социокультурного и других факторов.

1.1.2 Авторский перевод как вид художественного перевода

Традиционно авторским принято считать перевод, выполненный самим автором оригинального текста [106, с. 12]. Наряду с термином *авторский перевод* в научной литературе употребляются термины *автоперевод* и *самоперевод* в том же значении. Термин *автоперевод* представляется нам двусмысленным, поскольку ассоциируется с автоматическим, машинным переводом. В настоящем исследовании использование данного термина будет ограничено цитатами. Термин

самоперевод в русскоязычных публикациях употребляется довольно редко и является калькой распространённого английского термина *self-translation*.

Следует отдельно оговорить необходимость разграничения понятий «авторский перевод» и «авторизованный перевод». Авторизованный перевод, в отличие от авторского, представляет собой перевод, выполненный профессиональным переводчиком и лишь согласованный с автором исходного текста.

В современном многонациональном и мультиязычном обществе АП получает всё большее распространение и обретает определённые специфические черты, изучение которых способствует повышению эффективности межличностного и межкультурного общения.

Белорусский литературовед, критик, переводчик И. А. Черота отмечает, что «наличие автопереводов, которого в таком масштабе ни одна литература мира не знает», является одной из особенностей белорусского перевода [68]. Проведённый нами анализ отечественных и зарубежных источников, связанных с темой исследования, позволил обнаружить на всех континентах около 80 стран, в которых развиваются практика (рисунок 1.2) и теория (рисунок 1.3) авторского перевода.

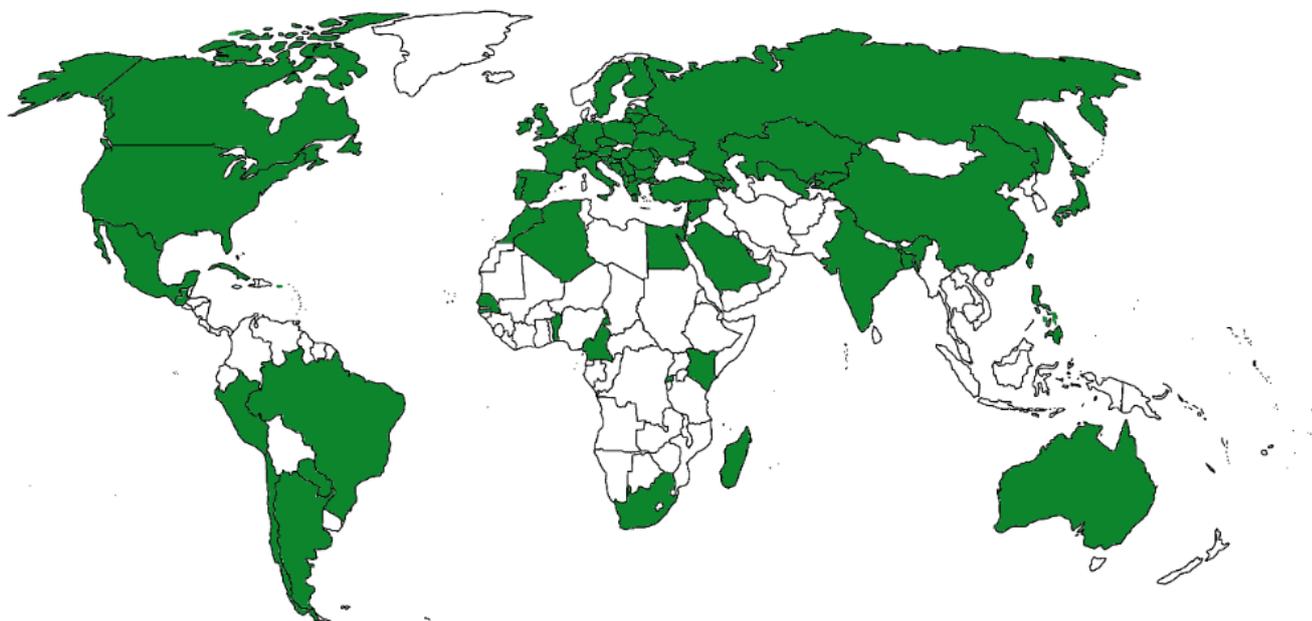

Рисунок 1.2. – Страны, в которых развивается практика авторского перевода

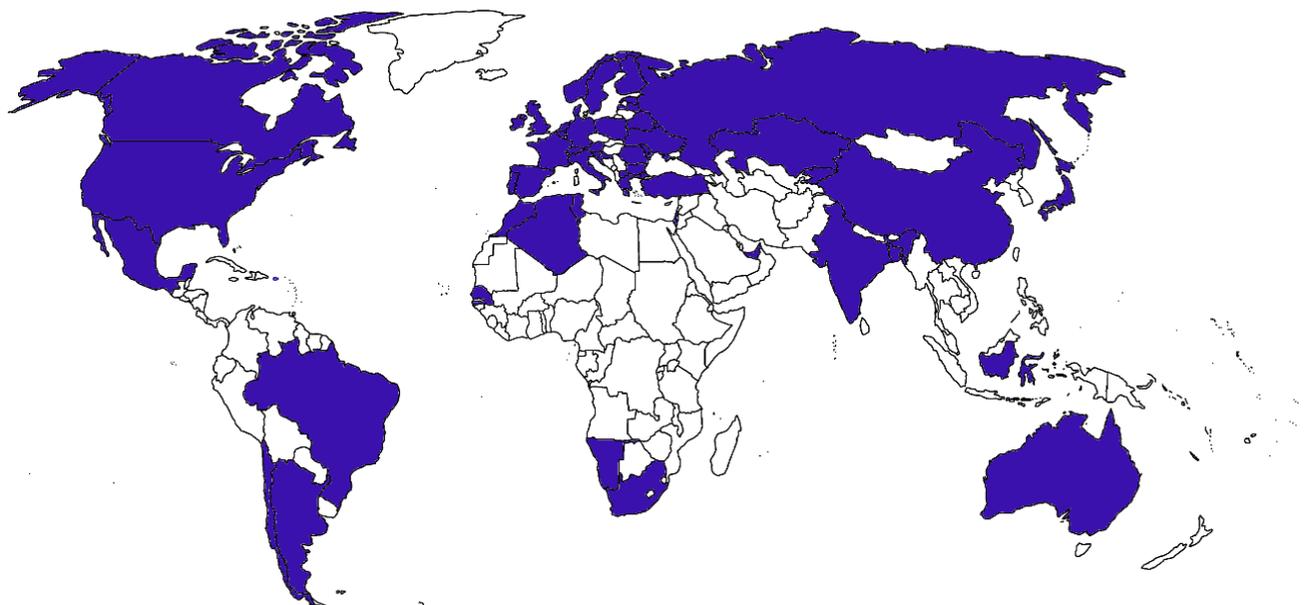

Рисунок 1.3. – Страны, в которых развивается теория авторского перевода

На основании проведённого анализа можно условно разделить АП на две группы – западную и восточную.

К **западной группе** относятся переводы на западноевропейские языки, в основном – на английский. Это связано с широким распространением английского языка в современном мире (в том числе, в литературно-художественной сфере) и вызвано естественным стремлением автора расширить свою читательскую аудиторию либо социально-политическими причинами (изгнание, цензура и т. д.). Кроме того, возможны АП с языка меньшинства населения страны на язык большинства: например, с галисийского на испанский в Испании, с африкаанс на английский в ЮАР и т. п.

По нашим подсчётам, наиболее изучаемыми авторами-переводчиками западной группы являются С. Беккет (S. Beckett – Ирландия, Франция), Н. Хьюстон (N. Huston – Канада), В. Набоков (Россия, США), Р. Ферре (R. Ferré – Пуэрто-Рико), В. Алексакис (V. Alexakis – Греция, Франция), Ж. Убалду Рибейру (J. Ubaldo Ribeiro – Бразилия), А. Чжан (E. Chang – Китай, США), П. Истрати (P. Istrati – Румыния), А. Кункейро (A. Cunqueiro – Галисия, Испания), К. Риера (C. Riera – Каталония, Испания), И. Бродский (Россия, США), Л. Пиранделло (L. Pirandello – Италия), Дж. Джойс (J. Joyce – Ирландия), Х. Семпрун (J. Semprún – Франция, Испания), К. Коччоли (C. Caccioli – Италия), Р. Федерман (R. Federman – Франция, США) и др.

Изучением АП данной группы наиболее активно занимаются в следующих странах:

- Испании: Х.-С. Сантойо (J.-C. Santoyo), Х. М. Дасилва (X. M. Dasilva), П. Лопес Лопес-Гай (P. López López-Gay), Э. Танкейро (H. Tanqueiro) и др.;

- Бразилии: М. А. Гончалвес Антунес (M. A. Gonçalves Antunes), Д. Кардосо де Камарго (D. Cardoso de Camargo) и др.;
- США: Э. Божур Клости (E. Beaujour Klosty), Р. Грутман (R. Grutman,) и др.;
- Италии: К. Монтини (C. Montini), П. Пуччини (P. Puccini) и др.;
- Франции: Я. Мохдеб (Y. Mohdeb), С. Дубински (S. Doubinsky) и др.;
- Германии: Б. Бенерт (B. Benert), Э. Гентес (E. Gentes) и др.;
- Великобритании: К. Уайт (C. Whyte) и др.;
- Румынии: Т. Чебан (T. Ceban), М. Константинеску (M. Constantinescu) и др.;
- Китае: Ч. Джиронг (Chen Jirong), А. Сиу Вай-фан (A. Siu Wai-fun) и др.;
- России: Г. Ю. Смирнова, В. А. Разумовская, Б. М. Носик и др.

В восточную группу входят АП на русский с национальных языков государств и народностей бывшего СССР:

- Беларуси (И. Мележ, В. Быков, В. Козько, А. Карпюк, О. Ипатова, Л. Рублевская, К. Крапива, А. Макаёнок, М. Рыльский, М. Богданович и др.);
- Украины (П. Кулиш, И. Франко, Г. Ф. Квитка-Основьяненко и др.);
- Азербайджана (Анар, Ч. Гусейнов и др.);
- Кыргызстана (Ч. Айтматов, М. Байджиев и др.);
- Казахстана (А. Ким и др.);
- Грузии (Ч. Амирэджиби и др.);
- Армении (Н. Зарьян и др.);
- Осетии (Т. Бесаев, С. Бритаев, К. Дзесов, Г. Хугаев, Н. Джусойты, М. Басиев, С. Марзойты, М. Цагараев и др.);
- Удмуртии (Ф. Васильев и др.);
- Республики Марий Эл (К. Васин и др.) и др.

АП восточной группы являются объектом изучения филологов из:

- России (Ю. И. Сикалюк (АП в украинской литературе), Е. Б. Дзапарова (АП в осетинской литературе), А. В. Камитова (АП в удмуртской поэзии), Н. С. Майнагашева (АП в хакасской литературе) и др.);
- Беларуси (Н. В. Денисова (Яковенко), В. П. Рагойша, А. А. Гируцкий и др.);
- Украины (С. Бук, О. П. Погинайко и др.);
- Кыргызстана (М. А. Апышев) и других стран.

Отличительной особенностью этой группы является то, что автор осуществляет перевод с национального языка на русский, чтобы тот стал «оригиналом» для переводов на другие мировые языки. Переводить собственные произведения авторов чаще всего побуждает недостаток специалистов, способных выполнить перевод с национального языка на другие мировые без посредничества русского языка [5, с. 112].

1.1.3 История и современность авторского перевода с белорусского языка

В настоящее время выход белорусской литературы на международный уровень затруднён тем, что всё меньше произведений переводится с белорусского языка на русский (язык-посредник). Кроме того, издание книги на одном из государственных языков Республики Беларусь с последующим переводом на второй воспринимается авторами как «единственный способ достучаться до земляка-читателя, с его языковым <...> и мировоззренческим расколом субъекта» [95]. Решение данных проблем многие писатели видят в АП.

Предпосылкой для обращения белорусских писателей к АП на русский язык под влиянием определённых условий стал исторически сложившийся белорусско-русский билингвизм.

Согласно утверждению исследователя проблем АП белорусской прозы XX века Н. В. Денисовой (Яковенко), белорусско-русский билингвизм писателей стал условием создания АП в довоенный период, поскольку белорусские авторы владели русским языком лучше, чем многие переводчики того времени владели белорусским [51, с. 31]. В первой половине XX века свои произведения переводили М. Горецкий («Виленские коммунары»), А. Кулешов («Похороны»), Я. Колас (отрывок из повести «Адшчапенец»), К. Крапива (отрывок из романа «Мядзведзічы») и др.

Развитию АП в послевоенный период, наряду с билингвизмом и благоприятными социально-политическими условиями, способствовали желание писателей донести идеи своего творчества до русскоязычного читателя, стремление попробовать свои силы в новом виде творчества. Свою роль сыграло и развитие теории художественного перевода [51, с. 54]. Во второй половине XX века появились АП В. Быкова («Знак беды», «Круглянский мост», «Пойти и не вернуться», «Сотников», «Его батальон», «Карьер» и др.), И. Мележа («Минское направление», сборник «В горах дожди» и др.), В. Козько («Судный день», «Хроника детдомовского сада» и др.), О. Ипатовой («Узелок Святогора» и др.), А. Карпюка («Вершалинский рай», «Реквием») и других писателей.

В настоящее время широко распространён АП белорусскоязычной прозы на русский язык. Обращает на себя внимание тот факт, что писатели переводят в основном произведения малых прозаических жанров. В течение последнего десятилетия опубликованы АП рассказов Р. Боровиковой («Кофе для домашнего», «Уши», «Роман не роман, а приятно»), В. Гапеева («Однажды в Почутове»), Р. Дейкун («Копец»), З. Дудюк («Зона»), О. Ждана («Собачий бог», «Кошелёк»), А. Жука («Женщина на пляже», «Дачный туман»), Ю. Зарецкой (рассказы из цикла

«Дуниловичские были»), В. Кадетовой («Котя», «Тетрадь в чёрной обложке»), И. Капыловича («Не в деньгах счастье»), Л. Левановича («Колесо жизни», «Конверт», «Пассажир из Копенгагена»), Т. Мушинской («Верочка», «Здравствуй, Грушевка»), М. Позднякова («От судьбы не уходят...», «На полдороге»), В. Ткачёва («Дрова», «Суд») и др.

Из произведений более крупных жанров опубликованы повести А. Браво «Прощение», Н. Маевской «Холод донной войны», В. Саламахи «...И нет пути чужого». Отдельными изданиями вышли повесть А. Браво «Комендантский час для ласточек» (2010 г.), роман Л. Рублевской «Пляски смерти» (2011 г.).

Необходимо отметить также интерес авторов-переводчиков к детской литературе. Так, в 2000 г. издана книга А. Федоренко «Три талера» (АП повести «Шчарбаты талер»), в 2012 г. – «Приключения маленькой Машинки» Н. Бучинской.

Обращение белорусских писателей к АП условно делится на 3 этапа (довоенный, послевоенный (2-я половина XX века) и современный), каждый из которых имеет свои особенности. Наблюдения над АП с белорусского языка в современный период позволяют определить основные особенности этого этапа:

1) преимущественное обращение к малым прозаическим жанрам, перевод которых требует меньше времени и усилий по сравнению с переводом повести или романа, что косвенно свидетельствует о сложности АП как вида творческой деятельности;

2) возможность публикации в российских либо русскоязычных белорусских изданиях, что позволяет расширить читательскую аудиторию;

3) обращение к детской литературе, адресаты которой не всегда в достаточной степени владеют белорусским языком.

Отсутствие в современный период АП с русского языка на белорусский, на наш взгляд, подчёркивает сложность данного вида переводческой деятельности, а также, возможно, его нецелесообразность с точки зрения авторов.

Таким образом, полноценное межъязыковое и межкультурное взаимодействие социумов возможно лишь при наличии эффективного перевода, учитывающего различия между двумя языками, культурами и коммуникативными ситуациями. АП является синкретичным, многоаспектным видом перевода, поскольку учитывает социокультурные, жанрово-стилистические, психолингвистические, социолингвистические и другие факторы общественной жизни.

1.2 Авторский перевод как результат речевой деятельности билингвальной языковой личности

1.2.1 Понятие *языковая личность* в междисциплинарном аспекте

Термин *языковая личность* в русистике впервые встречается в работе В. В. Виноградова «О языке художественной прозы» (1930 г.), посвящённой изучению личности автора и персонажа художественного произведения. Учёный неоднократно пользуется этим словосочетанием, однако не толкует его смысл и не даёт определения названному явлению. При этом содержание исследования указывает на то, что речь идет о связи языка и личности [32].

Проблему взаимосвязи языка и личности пытались осмыслить и ранее, ей посвящены работы различных учёных. Так, Й. Л. Вайсгербер первым в зарубежной лингвистике употребил словосочетание «языковая личность» в книге «Родной язык и формирование духа» (1927 г.) [27]. В. фон Гумбольдт изучал влияние языка на культуру отдельной личности, а также народа в целом [46]. К. Фосслер рассматривал индивидуальный авторский язык с позиций эстетики [155, с. 117]. Ф. де Соссюр представлял язык своеобразным инструментом, обеспечивающим взаимодействие человека и окружающего мира [71]. Э. Сепира интересовали аспекты воздействия культуры на личность, а также взаимосвязь языка и мышления [131]. М. М. Бахтин, исследовавший особенности диалога культур, рассматривал личность как «говорящее сознание», которое является участником коммуникации [13, с. 361]. А. А. Потебня обращал внимание на синтез индивидуального и социального в языке личности: «Языковая индивидуальность выделяет человека как личность, и чем ярче эта личность, тем полнее она отражает языковые качества общества» [119, с. 98].

Заметный вклад в установление сущности языковой личности внесли работы Ю. Н. Караулова. Он рассматривает языковую личность как «...совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определённой целевой направленностью» [71, с. 245]. С другой стороны, он утверждает, что «<...> языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [71, с. 38]. Очевидно, что первое определение

Ю. Н. Караулова ориентировано на языковые особенности личности, второе – на конкретного говорящего или пишущего.

По мнению некоторых лингвистов, «перспективы использования термина *языковая личность* связаны с обозначением конкретного носителя языка, с тем определением Ю. Н. Караулова, которое пока осталось почти не замеченным в лингвистике» [64, с. 29]. Д. Н. Мурзин, Е. В. Иванцова также рассматривают языковую личность с позиции индивидуальности: «Языковая личность есть индивид, представленный через посредство своего речевого воплощения» [103, с. 11]; «Личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отражённая в созданных ею текстах» [65, с. 10]. С точки зрения Г. И. Богина, языковая личность есть «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [19, с. 1].

Заметим, что понятие «языковая личность» не является бесспорным. Так, В. А. Чудинов, например, отмечает его избыточность, поскольку «личность может стать личностью только в процессе социализации, а без овладения национальным языком это невозможно» [151]. Кроме того, он подчёркивает более тесную связь личности с речью, чем с языком.

В свою очередь И. А. Синица в монографии «Языковая личность учёного-гуманитария XIX века» утверждает, что «личность определяется языковой прежде всего потому, что язык является главным средством выражения индивидуально-личностных черт человека в целом», поэтому правомерно говорить о существовании «языковой, правовой, экономической, актёрской и т. д. личности» [134, с. 38].

Изучение феномена языковой личности в русистике идёт по двум основным направлениям. С одной стороны, оно связано с характеристикой авторских идиостилей и речевой характеристикой персонажа как типа личности [34, с. 28]. Других исследователей интересует «человек говорящий» с его языковой компетентностью, проявляемой в разных видах речевой деятельности [92, с. 113].

При сопоставлении основных определений термина *языковая личность* закономерно обнаруживается ряд положений, общих для всех дефиниций. Так, все исследователи определяют языковую личность как человека (личность, индивида), воспринимаемого сквозь призму его языковых проявлений (текстов, языковых средств, речевых поступков) в ходе коммуникации. При этом понятия «язык» и «речь» не имеют чёткого разграничения, хотя в теории языковой личности разрабатывается идея, сторонники которой разделяют языковую и речевую личность (В. В. Красных, В. А. Маслова и др.).

Языковая личность не может существовать вне общества и его культурного пространства, и данная особенность отражена лишь в определении В. И. Карасика. Поскольку восприятие языковой личности В. И. Карасиком представляется нам наиболее полным и всеобъемлющим, мы будем придерживаться его, считая, что

«языковая личность – обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [70, с. 363].

С целью выявления основных направлений исследования феномена языковой личности нами были проанализированы публикации по этой проблеме, размещённые в электронной библиотеке «КиберЛенинка»¹ (<http://cyberleninka.ru/>). По запросу «языковая личность» было найдено **15458** результатов, что свидетельствует об устойчивом интересе к этому явлению в современной лингвистике, психологии, социологии, педагогике и других отраслях знаний.

Было проанализировано содержание **167** работ, созданных в период 2009–2014 гг. и имеющих лингвистическую направленность. В результате анализа можно сделать следующие выводы.

1. Большинство публикаций (**36,5%**) посвящены характеристике языковой личности (ЯЛ) различных *социальных групп*, объединённых профессиональной принадлежностью (ЯЛ переводчика, политика, юриста, учителя, филолога, музыканта, актёра, художника, врача, бизнесмена, ведущего радиостанции, футбольного комментатора, геймера и др.), *национальных* (русская, немецкая, американская, англо-американская ЯЛ, ЯЛ современного россиянина, ЯЛ диалектоносителя и др.), *возрастных* (ЯЛ ребёнка, подростка, взрослого, младшего школьника, старшеклассника и др.), конфессиональной, гендерной принадлежностью и др. (А. Б. Бушев, С. А. Голубцов, С. А. Гюль-Балаевна, М. Я. Добря, Ю. А. Карпова, Д. С. Лапенков и др.).

2. **30%** работ касаются полемики вокруг термина *языковая личность*, а также содержат разработку теории изучения языковой личности. Особый интерес у учёных вызывают вопросы, связанные с характеристикой отдельных *типов языковой личности* (интолерантная, экстравертная и интровертная, виртуальная, профессиональная, национальная, элитарная и народная, конфликтная, синтетическая, публичная, развитая, тендерная, коллективная, историческая, вторичная, билингвальная и др.) и различными *аспектами изучения* данного явления (ментально-психологический, лингвосоциокультурный, психосоциальный, когнитивный, когнитивно-стилистический, исторические, методологические и другие аспекты (О. Л. Арискина, А. А. Ашева, Е. В. Иванцова, И. В. Коноваленко, Т. В. Кыштымова, О. В. Михалевич, О. В. Эфтор и др.).

3. **19%** работ посвящены более частным вопросам изучения языковой личности (языковая личность в личностно-ориентированном конфликтном

¹КиберЛенинка – единственная в России электронная библиотека, входящая в топ-100 мировых электронных хранилищ научных публикаций (по данным Webometrics: TheRankingWebofRepositories), лауреат Премии Рунета 2014 в номинации «Наука и образование».

дискурсе; пути формализации сознания языковой личности; лингвокреативность языковой личности и дискурсивные маркеры лексических инноваций и др.).

4. **11,5%** исследований связаны с художественной литературой и репрезентируют наблюдения, касающиеся языковой личности автора либо персонажа художественного текста (А. С. Авксентьева, И. Г. Паршина, Г. Г. Хисамова и др.).

5. **6%** работ (А. М. Кусаинова, А. М. Нехорошева, Д. В. Киселёва и др.) рассматривают языковую личность различных персоналий: как современников, так и представителей минувших исторических эпох (Г. Бельгера, А. Меркель, Б. Обамы, Я. Хамматова; Ивана Грозного, Екатерины II, В. Муратовского, Л. Н. Толстого, К. Д. Ушинского, М. А. Шолохова и др.).

Как отмечалось выше, языковая личность автора художественного произведения изучается довольно активно; в значимом проценте публикаций рассматриваются особенности языковой личности переводчика (**5%**), вторичной языковой личности (**5%**), поликультурной языковой личности (**2%**).

Таким образом, анализ публикаций, посвящённых различным аспектам изучения языковой личности, демонстрирует интерес учёных к данному явлению в силу его значимости и многомерности. Заметно и возрастающее внимание к особенностям поликультурной языковой личности, обусловленное современными реалиями, в которых владение несколькими языками и, как следствие, ассимиляция нескольких культур становятся нормой.

1.2.2 Билингвальная языковая личность и создание авторского перевода

Современные лингвисты сходятся во мнении, что понятие языковой личности является родовым и включает в себя широкий спектр видовых универсалий, в число которых входит и **билингвальная языковая личность** [84; 122]. Укажем, что в лингвистике для обозначения человека, владеющего двумя языками, существует несколько терминов. Так, наряду с самым распространённым – *билингвальная языковая личность* – используются термины *билингв*, *билингвальная личность* [9; 12; 17], *социокультурная билингвальная личность* [1; 122] либо *билингвальная социокультурная личность* [76]. А. А. Сардарова проводит параллели между билингвальной и вторичной языковой личностью [129].

По мнению У. М. Бахтикиреевой, билингвальная личность – это личность, усвоившая типовые способы осмысления действительности как в родной («первичной»), так и в новой («вторичной») языковой культуре [12].

Л. Я. Комарова определяет билингвальную социокультурную личность как «сложный социокультурный феномен, характеризующийся знанием второго языка, проявляющий способности к нему, умеющий интегрироваться во вторичный социум благодаря приобретению социального опыта путём познания культуры, ценностей культуры другого народа, образа его жизни» [76, с. 7].

Для классификации социокультурной билингвальной языковой личности принципиальное значение имеют исполняемая ей социальная роль, тип поведения в условиях межкультурной коммуникации и уровень овладения языковой компетентностью [122].

Мы придерживаемся наиболее распространённого термина *билингвальная языковая личность*, которая определяется как *личность, владеющая двумя разными языковыми системами, двумя типами когнитивного и языкового сознания и обладающая межкультурной компетентностью, что проявляется в способности интегрировать ценности и нормы первичной и приобретённой культур*.

Главной особенностью билингвальной языковой личности является **двуязычие (билингвизм)**. Теория билингвизма достаточно разработана в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Однако это явление представляет собой многоаспектную проблему, выступает объектом изучения ряда научных дисциплин, вследствие чего не имеет единой дефиниции.

Классическим считается определение У. Вайнрайха, который называет билингвизмом «владение двумя языками и попеременное их использование в зависимости от условий речевого общения» [26, с. 22]. Очевидно, что при таких условиях владение обоими языками должно быть достаточно свободным, чтобы участники коммуникации могли достичь взаимопонимания. Однако в большинстве известных определений билингвизма эта особенность не оговаривается.

В. П. Рагойша понимает под двуязычием «такую степень активного владения индивидом, кроме основного, вторым языком, которая обеспечивает ему полноценное восприятие художественного произведения, написанного на этом (втором) языке. Полноценно воспринимать – это значит не только понимать смысл произведения, но и получать от прочитанного эстетическое удовлетворение» [121, с. 38]. Это определение может быть дополнено ссылкой на способность билингва не только воспринимать, но и создавать художественные тексты на двух языках. В таком случае уместно говорить о художественном билингвизме, одним из типов которого является АП [47, с. 314–315].

Чётких границ между понятиями «авторский перевод» и «билингвальное творчество» не существует, как не существует общепринятого понимания статуса

АП. Теоретики и практики перевода не смогли пока прийти к единому мнению в отношении сущности АП.

Во-первых, большинство лингвистов и мастеров слова (М. А. Апышев (Кыргызстан), Э. Бандин Фуэртес (E. Bandín Fuertes – Испания), С. Дубински (Франция), О. П. Погинайко (Украина), В. П. Рагойша (Беларусь); галисийский прозаик Э. Бланко Амор (E. Blanco Amor), канадская писательница Н. Хьюстон и др.) воспринимают АП как *новую редакцию* оригинального произведения, процесс и результат его творческого *переосмысления, воссоздания*. В пользу этой точки зрения говорит возможность автора, в отличие от профессионального переводчика, вносить в текст оригинала изменения и дополнения, порой весьма существенно меняющие его внешнюю и внутреннюю форму.

Во-вторых, можно рассматривать процесс АП как *оригинальное творчество*, а его результат – как *вариант* художественного произведения, равнозначный оригиналу. Сторонники этого подхода (М. А. Дадян (Россия), Н. Дун Дэнби (N. Doone Danby – Канада), С. Коннор (S. Connor – Великобритания); франко-американский прозаик Р. Федерман и др.) считают, что каждая версия текста имеет силу и должна быть включена в читательскую оценку и интерпретацию работы, поскольку они обе произведены одним автором. Сами авторы-переводчики (южноафриканский прозаик А. Бринк, каталонско-французский писатель Ж.-И. Казанова и др.) полагали, что не переводят свои произведения, а пишут одно произведение дважды на двух языках, и в итоге не могли определить, какой из вариантов является оригиналом, а какой – АП. В связи с этим возможно считать АП частью «двуязычного текста», которая не является завершённой без другой части, выполненной на втором языке.

Ещё один подход связан с отождествлением АП с обычным переводом. А. А. Гируцкий (Беларусь), А. Попович (Словакия), А. Сиу Вай-фан (Китай), Э. Танкейро (Испания) и др. считают, что авторы-переводчики действуют больше как переводчики, чем как авторы. Они находятся в привилегированном положении, но их истинные намерения уже определены в оригинале, они неизменны. Поэтому АП «с точки зрения процесса творчества представляет собой *разновидность перевода*, а не оригинального творчества» [42, с. 77].

Синкретичного подхода к определению статуса АП придерживаются М. Устинофф (M. Oustinoff – Франция), Т. Чебан (Румыния), Н. В. Денисова (Яковенко) из Беларуси. По их мнению, АП одновременно является *видом литературного творчества и формой художественного перевода*.

В. Коллер (W. Koller – Германия), Я. Мохдеб (Франция) выступают за придание АП *уникального статуса*, поскольку это «ни перевод, ни переписывание» [167]. Французский переводчик Я. Мохдеб при определении статуса АП основывается на их типологии по времени создания. Он сравнивает одновременный АП с сиаемскими близнецами, а отложенный во времени – с

обычными близнецами. «Сиа́мские» тексты дополняют друг друга, их нельзя разделить без нанесения ущерба. Что касается текстов-близнецов, их разделение не вредит их пониманию. Родство между ними бесспорно, но разница во времени обуславливает то, что второй текст кажется дубликатом первого, чьи различные аспекты были изменены со временем [167].

Азербайджанский и российский писатель, переводчик и учёный Ч. Г. Гусейнов, в свою очередь, опирается на типологию АП по степени соответствия оригиналу. С его точки зрения, адекватный² АП идентичен профессиональному, а в результате вольного перевода появляется новый оригинал на другом языке [101, с. 145].

Итак, несмотря на неоднозначный статус АП, в основе данного явления, безусловно, лежит билингвизм. Степень владения двумя языками – это лишь один из многочисленных аспектов билингвизма [26, с. 27], раскрыть которые лингвистика может при условии сотрудничества с другими науками: психологией, социологией, психолингвистикой, логопедией, методикой преподавания иностранных языков и т. д.

Например, психологический аспект билингвизма включает изучение механизмов производства и восприятия речи. Доказано, что у билингвальной языковой личности существует единая система восприятия и две отдельные системы речепроизводства на родном и неродном языках [4, с. 36].

Что касается связи языка и мышления, то, по мнению У. Вайнрайха, «когда между семантемами контактирующих языков устанавливается межъязыковая идентификация, двуязычный человек получает возможность интерпретировать те два знака, семантемы (означаемые), которые он отождествляет как один составной знак, имеющий одно обозначаемое и два обозначающих – в каждом языке своё» [26, с. 46].

Принимая во внимание социолингвистический аспект изучения двуязычия можно допустить, что билингв, свободно владея двумя языками, рассматривает второй язык как метаязык [17, с. 51], и данное утверждение представляется особенно верным в отношении двуязычного писателя, который выступает носителем художественного билингвизма.

Как сказано выше, писатели-билингвы обладают своеобразным мышлением, синтезирующим в себе черты национальной картины мира обоих языков, которыми они владеют. По свидетельствам ряда авторов (азербайджанский прозаик Анар, марийский писатель К. Васин, Н. Хьюстон), билингвы испытывают затруднения, связанные с образным, художественным мышлением на втором родном языке. При написании текстов публицистического или научного содержания подобных

²Мы рассматриваем понятия «адекватный перевод» и «эквивалентный перевод» как синонимичные.

трудностей не возникает. Н. Хьюстон предполагает, что зоны, отвечающие за владение каждым из языков, располагаются в разных полушариях головного мозга билингва: «Весь мой французский находится в левом полушарии моего мозга – его гипер-рациональной и структурированной части. В то время как правая часть – более целостная, художественная и эмоциональная – полностью английская³» [160, с. 57].

Ещё в 20-х гг. XX в. Л. С. Выготский, исследуя проблему многоязычия у детей, описывал наблюдения советского невропатолога Е. К. Сеппа над билингвами, которые при афазии (разрушении определённого участка коры головного мозга) теряют способность говорить на родном языке, однако свободно владеют вторым, употреблявшимся до болезни в меньшей степени. Л. С. Выготский делает вывод об относительной самостоятельности каждой из языковых систем, их непосредственной связи с мышлением и функциональной взаимной борьбе [36, с. 61].

Понятие соперничества (борьбы) также лежит в основе одной из моделей порождения речи у билингвов, разработанной американским психологом Б. МакУинни (В. MacWhinney) в начале XXI века. Эта своеобразная борьба происходит на уровнях фонологии, лексики, морфологии, синтаксиса и концептуализации, каждый из которых обслуживается разным сочетанием нейронных связей [94, с. 108].

Современные нейропсихологические исследования показывают, что «при конфликте между языками в ситуации лексического выбора в процессе порождения речи мозг билингва реагирует иначе, чем мозг монолингва. Для разрешения лексического конфликта активируется та система мозга, которая обычно специализируется на разрешении любых конфликтов, но не участвует в порождении речи» [14, с. 64].

Таким образом, в процессе порождения речи билингвальная языковая личность находится в состоянии внутреннего конфликта, связанного с необходимостью выбора корректного речевого поведения – одной из двух языковых систем, за работу которых отвечают разные зоны головного мозга.

Говоря о психологическом состоянии авторов-переводчиков, можно предположить, что причина их внутреннего конфликта кроется в недостаточности обоих языков. Недостаточность одного языка восполняется другим, следовательно, две языковые версии художественного произведения составляют цельный текст. Наличие гипотетического единого текста позволяет предположить, что писатель-переводчик объединяет две формы гипотетической единой личности, которые дополняют друг друга и составляют одну творческую литературную личность

³Английский – родной язык для Н. Хьюстон, французский она начала изучать лишь в студенческие годы.

[159]. В процессе внутренней борьбы двойственной языковой личности АП выполняет роль переговоров между двумя её сторонами, источника их примирения в виде литературного творчества [160, с. 58].

В творческой среде существуют писатели-билингвы и писатели-переводчики, но отнюдь не все они обращаются к переводу собственных произведений, рассматривая АП как отрицательную практику (осетинский поэт и прозаик Т. Бесаев, белорусский писатель Я. Брыль, алжирская писательница А. Джебар (A. Djébar), галисийский автор М. Ривас (M. Rivas), французский и испанский писатель Х. Семпрун и др.). Большинство ссылается при этом на нежелание проделывать дважды одну и ту же работу (канадская писательница М. Галлант (M. Gallant), С. Кенз Аль Фарах (S. Kenz Al Farah – палестинская писательница, живущая во Франции), итальянский писатель и переводчик А. Табукки (A. Tabucchi) и др.). Даже белорусский прозаик В. Козько, переводивший свои произведения только самостоятельно, считал, что «пересоздание идёт по уже вспаханному, хорошо ли, плохо ли, но обработанному уже» [101, с. 151].

По мнению большинства практиков АП, это «двуликий опыт», не всегда приносящий удовлетворение. Отсюда – метафорические ассоциации АП с «проигранной битвой» (ирландский писатель, поэт и драматург С. Беккет), «падением между двух стульев» (британский писатель индийского происхождения С. Рушди (S. Rushdie)), «историей разочарования», «перемыванием собственных внутренностей» (В. Набоков), «дуэлью, почти войной, упражнениями в страдании» (испанский писатель А. Гомес-Аркос (A. Gomez-Arcos)), «предательством» (галисийский автор Э. Бланко-Амор) и т. д.

Английский писатель, поэт и переводчик К. Уайт в статье «Против авторского перевода» («Against self-translation») настаивает, что для него подобная деятельность всегда связана с давлением, а не с удовольствием или удовлетворением [174, с. 67]. Он также обращает внимание на языковой аспект АП, при котором «один язык стремится занять место другого» [174, с. 69].

Почему же АП продолжает существовать, несмотря на очевидные затруднения, которые он приносит своим сторонникам? Исчерпывающий ответ на этот вопрос даёт канадская писательница Н. Хьюстон: «...когда работа окончена, я чувствую себя исцелённой, потому что это та же самая книга, она рассказывает ту же историю, вызывает те же эмоции, слышится та же музыка» [160, с. 57]. С позиций профессионализма АП ведёт «к совершенствованию стиля, к обогащению образности языка» [101, с. 139], заставляет по-новому, более критично взглянуть на своё творчество, перевести его на новый уровень [101, с. 152].

Причины обращения к АП многообразны и индивидуальны для каждого писателя. Существующие классификации данных факторов в одних случаях недостаточно раскрыты (М. А. Антунес (M.A. Antunes – Бразилия), М. А. Апышев,

Г. Рабаков (Молдавия), Ю. И. Сикалюк (Россия), Н. В. Денисова (Яковенко) и др.), а в других – слишком раздроблены (Е. С. Хованская и О. В. Праченко (Россия)), Проанализировав и обобщив их, мы составили собственную классификацию причин, по которым авторы переводят свои произведения самостоятельно.

В первую группу входят внешние факторы. Как правило, это социально-политические и идеологические причины (эмиграция писателей, смена культурно-языковой обстановки, длительное пребывание в чужой языковой среде, давление цензуры), которые способствовали появлению АП С. Аттара (S. Attar; Сирия – Канада – США – Алжир – Австралия), И. Бродского (Россия – США), А. Дорфмана (A. Dorfman; Аргентина – Чили – США), В. Козового (Россия – Франция), В. Набокова (Россия – США), Н. ва Тхионго (N. Wa Thiong'o; Кения – Англия) и др. Украинский писатель Г. Ф. Квитка-Основьяненко занимался АП с целью «утвердить гражданский статус украинского слова» [121, с. 94]. Кроме того, заняться переводом своих произведений писателей побуждают такие причины, как отсутствие переводчиков с определённой комбинацией языков, коммерческие интересы и проч.

Ко второй группе мы относим внутренние (индивидуальные) факторы.

Например, некоторые авторы желают сразу получить перевод оптимального качества, который полностью раскрывал бы идею оригинального текста, сохраняя его особенности. Об этом говорит азербайджанский писатель Анар: «Мои авторские переводы – отнюдь не самонадеянная попытка выразить адекватно на русском языке текст оригинала. Им лучше владеют мои переводчики. Но я лучше их владею языком оригинала, и моя попытка автоперевода все же в какой-то степени вызвана стремлением сохранить и передать особенности, нюансы оригинала» [101, с. 157]. Подобных убеждений придерживались И. Бродский, испанский переводчик Х. М. Рамис и др.

Нередко профессиональные переводы не отражают особенности авторского стиля (как в случае В. Быкова), что, возможно, подталкивает писателей заняться АП. Этот факт свидетельствует не только о стремлении получить качественный перевод, но и о неудовлетворённости уже существующими. Например, белорусский прозаик И. Мележ был недоволен авторизованными переводами Л. Шапиро и Л. Раковского, поэтому обратился к АП. Кроме того, недовольство качеством переводов, выполненных профессиональными переводчиками, сподвигло к АП И. Бродского, В. Набокова, а также армянского поэта и прозаика Н. Зарьяна и многих белорусских авторов (В. Быкова, В. Вербу, К. Крапиву, А. Макаёнка, М. Рыльского и др.) [121, с. 94–95].

Автор испытывает глубокое чувство ответственности за свои произведения и поэтому берётся за их перевод. Так, говоря о причинах самостоятельного перевода повести «Суд у Слабадзе», В. Козько отмечал: «Повесть о Белоруссии, на

белорусском материале, в какой-то степени и о моих истоках сама потребовала и языка. И никому, естественно, я не мог доверить её перевод» [101, с. 149].

Свойственное любому автору желание донести своё творчество до более широкого круга читателей, получить всеобщее признание отмечали в качестве причины АП русский и киргизский писатель Ч. Айтматов; баскский писатель Б. Ачага; киргизский автор М. Байджиев; азербайджанский и русский писатель, переводчик Ч. Г. Гусейнов; русский прозаик, драматург, переводчик А. Ким и др. [5; 101; 147].

В. Набоков, Ч. Айтматов рассматривали АП как средство творческого самосовершенствования [5; 147]. Необходимостью творческого самовыражения не только на первом, но и на «втором родном языке» объясняют АП, например, М. Байджиева [5, с. 106]. Кроме того, обращение к АП подразумевает чувства патриотизма, ностальгии, глубокой любви к родине [147]. Причиной АП может стать интерес автора к новой для него деятельности, разовый эксперимент (как в случае Анара) [5, с. 107].

Желание ознакомить со своими произведениями конкретных людей, не владеющих языком оригинала, обусловило появление АП Е. Баратынского, М. Богдановича [121, с. 94]. Французский и испанский писатель Х. Семпрун указывал в качестве причины обращения к АП неудовлетворённость первой версией произведения, желание изменить, дополнить исходный текст [166, с. 162].

Безусловно, автор может испытывать воздействие нескольких факторов одновременно, однако все они служат предпосылкой для появления такого перевода, который максимально согласуется с авторским замыслом и раскрывает идею, заложенную в оригинале.

1.2.3 Авторский перевод в контексте близкородственных языков

Авторские переводы очень распространены в странах, где сосуществуют два родственных языка. Однако некоторые исследователи предлагают рассматривать это явление как особое, так как авторы не только билингвальны, но и бикультурны. В подобных условиях функция переводчика приобретает почти абсолютную «невидимость», а сам АП читается как оригинал [173, с. 23].

Есть все основания считать, что большинство жителей Республики Беларусь являются билингвами, поскольку белорусско-русское двуязычие здесь имеет длительные традиции. Языковеды, литературоведы, социологи, культурологи безоговорочно признают, что «белорусская ментальность едва ли не является

национальной системой, это самобытный и уникальный синтез язычества и христианства, православия и католичества, западноевропейского и восточного, славянского и советского» [96, с. 41], что истоки взаимодействия белорусской и русской культур лежат в общности исторических судеб двух народов, а соответствующих языков – в генетическом родстве и близости языковых систем [42, с. 4].

Кроме того, уникальность художественного перевода на русский язык в Беларуси заключается ещё и в том, что билингвизм и бикультуризм присущи не только писателю, но и читателю, который может оценить качество перевода, а тем самым и повлиять на него [121, с. 41]. Такого «двужычного читателя-критика» нет ни у переводчиков с далёких европейских языков, ни у их коллег из числа представителей неславянских народов СССР [121, с. 43].

В. П. Рагойша придаёт особый статус белорусско-русскому билингвизму из-за уникальной близости двух народов на всех уровнях материальной и духовной жизни общества. Если процесс перевода затрагивает не слово, а его смысл, то, по мнению учёного, повышается возможность адекватного восстановления близкоязычного текста, а процесс перевода значительно облегчается [121, с. 35].

Белорусский поэт Н. Гилевич считал «преимуществом» перевода с близкородственного языка то, что «известные качества и свойства (морфологические, фонетические, синтаксические, словообразующие, фразеологические, интонационные и др.) присущи в какой-то степени и языку оригинала, и языку перевода» [138].

В советском языкознании существовали исследователи, отрицавшие своеобразие перевода с родственных языков. Например, с точки зрения Д. Е. Факторовича, «специфики в переводе с близких языков нет, если не считать бдительного предупреждения о мнимой лёгкости и тождестве» [54].

Однако Р. Калета (R. Kaleta) в работе «Белорусско-польская межъязыковая омонимия» («Białorusko-polska homonimia międzyjęzykowa») ссылается на рассуждения польского учёного З. Гросбарта⁴ (Z. Grosbart) о том, что сходство между языками не способствует, а препятствует переводу, потому что из-за тесной взаимосвязи языков возникают ловушки, которые не существуют в переводе с далёких языков [164, с. 101–102]. З. Гросбарт сравнивал далёкие языки с контрастными цветами, а родственные языки – с оттенками одного цвета, которые способен различить лишь художник. По мнению учёного, «переводчик с близких языков должен обладать обострённым «художественным» чутьём, потому что только оно может защитить его от «подводных рифов» языкового родства. Поэтому такой переводчик должен иметь некоторые психологические

⁴З. Гросбарт работал в Институте русистики Университета Лодзи и являлся основателем Межинститутской кафедры теории перевода – первого подобного научно-исследовательского подразделения в Польше.

предрасположенности, которые не являются обязательными в других случаях искусства перевода» [163, с. 113].

З. Гросбарт писал, что такие переводчики, как, например, М. Рыльский или Ю. Тувим, составляли двуязычные таблички со словами, схожими по звучанию, но различающимися с функциональной точки зрения. З. Гросбарт подчёркивал, что даже самые выдающиеся переводчики не застрахованы от ошибок, возникающих в результате языкового сходства, однако эти ошибки не принижают переводчика, «потому что он должен справиться с гораздо более важной задачей – воспроизвести стиль или идейное содержание переводимого произведения» [162, с. 41].

Оценивая работу Н. В. Берга по переводу произведений А. Мицкевича, Н. А. Некрасов писал, что «с близкого по духу языка переводить ещё труднее, – может быть, оттого, что ближе, нагляднее чувствуется недостижение подлинника. С итальянского, например, легче переводить иногда, чем с малороссийского. Невероятно, а между тем верно» [54].

Белорусский поэт А. Велюгин, занимавшийся переводами с русского и украинского языков, тоже считал, что «переводить с близких языков особенно трудно: попробуй сохранить вкус и запах слова, которое живёт, замены не имея, живёт самостоятельно, и каждый из нас, зная русский язык, видит и слышит это слово, – здесь уже не сделаешь вольного перевода, который с более далёкого языка зачастую звучит чересчур свободно и на котором всегда лежит отпечаток творческой манеры поэта-переводчика» [31].

Болгарская исследовательница Р. Станкевич в монографии «Янка Купала, Якуб Колас и Максим Богданович в Болгарии. Генезис рецепции» подчёркивает, что «от близости языков переводчикам не становится легче», поскольку «при всём родстве белорусский язык имеет свои фразеологические обороты, своеобразные грамматические формы и, наконец, свою лексику – иными словами, обладает специфическими закономерностями» [138].

Авторы-переводчики придерживаются схожего мнения. «Белорусскому языку, белорусской прозе при переводе её на русский больше, чем какой-либо другой, не повезло, не повезло именно из-за близости языков, родства их, – писал В. Козько. – Вообще, на родственные языки нужен особенно тонкий, почти музыкальный слух, чтобы чувствовать и родство, и расстояние» [101, с. 151].

Его поддерживал и В. Быков, который считал, что «переводить на русский язык должен по возможности сам автор», потому что «кажушаяся лёгкость перевода, значительное тождество белорусского и русского языков властно держат переводчика в плену приблизительности, порождая в итоге что-то третичное, усреднённое и лишённое цвета, что, хотя и написано по-русски, неистребимо несёт на себе все признаки сырого подстрочника» [101, с. 153].

Значит, перевод с близкородственных языков при кажущейся лёгкости требует от автора-переводчика более скрупулёзного и вдумчивого отношения.

1.3 Способы достижения смысловой и эмоционально-художественной эквивалентности при авторском переводе

1.3.1 Проблема изменения исходного текста в процессе перевода

С точки зрения теории и практики коммуникации, перевод – это двуязычная ситуация, не тождественная двуязычию по ряду причин. Во-первых, при переводе адресант и адресат нуждаются в помощи третьего лица (переводчика), который восстановит прерванный коммуникативный акт. Другое отличие состоит в том, что переводчик должен приложить сознательное усилие, чтобы воспроизвести сообщение на языке перевода, семантически и прагматически равнозначное сообщению на исходном языке.

Поскольку перевод является особой двуязычной коммуникативной ситуацией, становится очевидным, что лингвистической единицей такого коммуникативного взаимодействия является текст.

Основная цель художественного текста заключается в оказании определённого эмоционального и эстетического воздействия на читателя, что отличает художественную речь от других актов речевой коммуникации, для которых первично информативное содержание. Поэтому художественным переводом именуется вид переводческой деятельности, основная задача которого заключается в порождении на языке перевода речевого произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие на реципиента, владеющего данным языком [81, с. 95].

В силу семантических, грамматических, социокультурных различий между исходным языком и языком перевода невозможно избежать потерь и добавлений информации при переводе. Например, английский теоретик перевода С. Баснетт-МакГир (S. Basnett-McGuire) утверждает, что, соглашаясь с принципом «неодинаковости» двух языков, следует признать неизбежность потерь и добавлений в процессе перевода [157, с. 30]. Основатель теории динамической эквивалентности перевода Ю. Найда (E. Nida) придерживается аналогичной точки зрения: «все типы перевода включают в себя 1) потерю информации, 2) добавление информации и / или 3) искажение информации» [169, с. 27]. В. Н. Комиссаров отмечает, что «абсолютная тождественность перевода оригиналу недостижима, и это отнюдь не препятствует осуществлению межкультурной коммуникации» [80, с. 116].

В тех случаях, когда автор и переводчик художественного текста представлены одной языковой личностью, могут иметь место «правомерные» и «неправомерные» изменения, вносимые в текст перевода.

К первым мы относим, вслед за В. П. Рагойшей и другими лингвистами, «добавления», «улучшения», «украшения», на которые не имеет права профессиональный переводчик [121, с. 100–101]. В соответствии с теорией скопоса К. Райс и Х. Фермеера, апеллятивные тексты, ориентированные на обращение к читателю, должны не только передавать смысл, но и нести определённый экстралингвистический эффект. Верность оригиналу заключается в достижении эффекта, аналогичного эффекту оригинала, в другой культурно-языковой аудитории. При этом переводчик может отклоняться от содержания и формы оригинала [77, с. 80].

Я. Мохдеб составил схему соотношения оригинала и АП на основе схемы соотношения исходного и переводного текстов, представленной А. Берманом (A. Berman) [167]. В обобщённом варианте обе схемы можно представить в виде рисунка 1.4.

Рисунок 1.4. – Соотношение оригинала, профессионального перевода и авторского перевода

Как видно из рисунка 1.4, автор-переводчик, безусловно, обладает бóльшими возможностями вносить изменения и дополнения в исходный текст при АП, так как лучше других знает исходный замысел произведения. Профессиональный переводчик ограничен как возможностями Я2, так и необходимостью в точности следовать интенциям автора, что может сказаться на качестве перевода.

Словацкий лингвист А. Попович выделяет три формы отношений между переводчиком и читателем: читатель не владеет языком оригинала и воспринимает перевод как первичный текст (наиболее распространённый случай); читатель владеет языком оригинала, может оценить качество перевода, воспринимает перевод как вторичный текст, производный от оригинала; читатель выступает в роли активного участника процесса перевода, поскольку переводчик

ориентируется на его восприятие при выборе языковых и художественных средств [118, с. 69]. Несмотря на то что последняя форма отношений встречается, согласно А. Поповичу, реже всего, в случае АП она часто преобладает: потенциальный читатель навязывает автору-переводчику свои языковые, национальные, вкусовые особенности – всё то, что побуждает его к изменениям при переводе [133, с. 33].

Отличительная черта АП заключается в том, что данный процесс происходит в пределах единого сознания творческой билингвальной языковой личности, когда автор сознательно становится читателем собственного текста, активизируя механизмы билингвизма и автокоммуникации. Очевидно, те же механизмы способствуют проявлениям межъязыковой интерференции – явления, которое мы относим к числу «неправомерных» изменений в процессе АП. Следует, однако, уточнить, что интерференция может быть свойственна любому переводу, поскольку каждый переводчик, даже если он не является автором оригинального текста, представляет собой билингвальную языковую личность.

Под *интерференцией* понимают процесс и результат контакта языковых систем в речи билингва, при котором одна система является доминирующей, порождающей эффект воздействия во вторичной, приобретённой языковой системе [35, с. 24–25].

Результатом неверного выбора языковых средств становятся нарушения на фонетическом, лексико-семантическом, морфологическом, синтаксическом и стилистическом уровнях, которые соотносятся с лингвистическим аспектом двуязычия. Учёные видят языковую проблему билингвизма в том, чтобы «предсказать наиболее вероятные проявления интерференции <...> и указать отклонения от норм каждого из языков» [26, с. 144].

В. В. Алимов выделяет следующие типы интерференции: звуковая (фонетическая, фонологическая и звуковая-репродукционная); орфографическая; грамматическая (морфологическая⁵, синтаксическая и пунктуационная); лексическая; семантическая; стилистическая; внутриязыковая [3, с. 19].

Известный казахстанский учёный-лингвист А. Е. Карлинский, занимающийся вопросами теории языковых контактов и двуязычия, понимает под *интерференцией* «случаи отклонения от нормы в речи билингва на вторичном языке (Я2), возникшие под влиянием первичного (Я1)» [72, с. 153]. Обратное явление влияния Я2 на Я1 он называет *интеркаляцией* [72, с. 153].

Изучение особенностей интерференции и интеркаляции в условиях взаимодействия близкородственных языков на примере АП является значимым и перспективным этапом в исследовании феномена билингвизма.

⁵Морфологическая интерференция затрагивает уровни морфем и частей речи [3, с. 27].

1.3.2 Сущность теории эквивалентности в переводоведении

Не подлежит сомнению тот факт, что обнаружение примеров интерференции и интеркаляции в исходном художественном тексте и его переводе возможно лишь в процессе компаративного анализа. Сравнение же текстов на разных языках неизбежно связано с теорией эквивалентности. В. Н. Комиссаров понимает под эквивалентностью перевода «общность содержания (смысловую близость) оригинала и перевода» [81, с. 47].

В свою очередь, словацкий теоретик перевода А. Попович считает стилистической и содержательной эквивалентностью «функциональную равноценность элементов оригинала и перевода» [118, с. 197]. С коммуникативной точки зрения данное определение представляется нам наиболее полным.

Эквивалентность перевода является одним из основных принципов западной теории перевода. Как утверждает Дж. Кэтфорд (J. C. Catford), профессор в области лингвистики из США, автор книги «Лингвистическая теория перевода» («A Linguistic Theory of Translation»), «основной задачей теории перевода является определение природы и условий переводческой эквивалентности» [158, с. 21].

Изначально понятие эквивалентности использовалось, чтобы отличать свободный перевод от дословного. Р. Якобсон первым использовал этот термин в работе «Лингвистические аспекты перевода», опубликованной в 1959 г. С середины XX века многие выдающиеся теоретики, работающие в области теории перевода, включают понятие эквивалентности в свои исследования: Ю. Найда (E. Nida), В. Коллер (W. Koller), П. Ньюмарк (P. Newmark), М. Бэйкер (M. Baker), Д. Кенни (D. Kenny), Р. Белл (R. T. Bell), Дж. Мандей (J. Munday), Э. Пайм (A. Pym) и др.

Несмотря на то что в теории перевода эквивалентность является одной из центральных проблем, её сущность до сих пор не получила однозначную оценку. Понимание эквивалентности находится в прямой зависимости от отношения к процессу перевода. Учёные, рассматривающие перевод как лингвистический процесс, при котором одни и те же понятия передаются средствами другого языка, считают эквивалентным буквальный перевод каждого слова и являются сторонниками **формального подхода** к переводу. Другие лингвисты утверждают, что при переводе важно учитывать культурный контекст. По их мнению, эквивалентность в переводе должна касаться передачи смысла текста. Эти учёные представляют **семантический (функциональный) подход** к переводу. Третья группа исследователей занимает среднее положение и заявляет, что эквивалентность используется потому, что большинство переводчиков привыкли к этому, а не потому, что у неё есть какой-либо теоретический статус [165, с. 77].

Несмотря на различные подходы, эквивалентность является важным понятием в процессе перевода и помогает приблизиться к значению и ценности процесса перевода в целом.

Поскольку переводной текст никогда не может быть эквивалентен исходному тексту на всех уровнях, исследователи различают разные **типы эквивалентности**. Ю. Найда предлагает различать *формальную* и *динамическую (или функциональную)* эквивалентность. Формальная эквивалентность фокусирует внимание на самом сообщении, как в форме, так и в содержании. Это требует, чтобы сообщение на Я2 как можно больше соответствовало различным элементам Я1. Динамическая эквивалентность основана на принципе эквивалентного эффекта, когда связь между реципиентом и сообщением должна быть практически такой же, как та, которая существовала между исходными реципиентом и сообщением [170, с. 159].

Так, Дж. Кэтфорд различает *текстовую эквивалентность* и *формальное соответствие* [87, с. 98], представитель немецкой переводоведческой школы Г. Егер (G. Jäger) – *коммуникативную* и *функциональную* эквивалентность [78, с. 12].

Английский профессор в области обучения переводу Дж. Мандей (J. Munday) описывает 5 типов эквивалентности, выделенных швейцарским лингвистом В. Коллером (W. Koller):

1) *денотативная эквивалентность* связана с эквивалентностью экстралингвистического содержания текста;

2) *коннотативная эквивалентность* связана с лексическим выбором, особенно между близкими синонимами;

3) *текстуально-нормативная эквивалентность* связана с текстовыми типами, при этом тексты ведут себя по-разному;

4) *прагматическая эквивалентность (коммуникативная)* ориентирована на получателя текста или сообщения;

5) *формально-эстетическая эквивалентность* связана с формой и эстетикой текста, включает воспроизведение слов и индивидуальные стилистические особенности исходного текста [168, с. 47].

Профессор, Президент Европейского общества исследований перевода (2010–2016 гг.) Э. Пайм (A. Pym) различает *естественную* и *направленную* эквивалентность. Естественная эквивалентность существует между языками до акта перевода и не влияет на его направленность [171, с. 7]. Направленная эквивалентность позволяет переводчику выбирать между несколькими стратегиями перевода, которые сводятся к двум противоположным полюсам: один придерживается норм исходного языка, а другой – норм языка перевода. Направленной эквивалентности свойственна некоторая асимметрия, поскольку

выбор эквивалента при переводе с Я1 на Я2 не подразумевает выбор того же эквивалента при обратном переводе с Я2 на Я1 [171, с. 26].

В советском и российском языкознании изучением вопросов, касающихся переводческой эквивалентности, занимались В. Н. Комиссаров, Л. К. Латышев, А. Д. Швейцер, А. В. Фёдоров, Я. И. Рецкер, Л. С. Бархударов, В. Г. Гак и др.

Л. К. Латышев выделяет четыре основных концепции эквивалентности [89, с. 6–11].

1. *Концепция формального соответствия*. «Передаётся всё, что поддаётся передаче (в том числе по мере возможности и структура исходного текста). Трансформируются, заменяются, опускаются только те элементы исходного текста, которые вообще невозможно воспроизвести «напрямик» [89, с. 6].

2. *Концепция нормативно-содержательного соответствия*. Сторонники этого направления стремились выполнить два требования: передать все существенные элементы содержания исходного текста и соблюсти нормы языка перевода.

3. *Концепция полноценного (адекватного) перевода*. Авторы данной концепции А. В. Фёдоров и Я. И. Рецкер в стремлении отграничить перевод от точного пересказа определили следующие качества адекватного перевода: 1) исчерпывающая передача смыслового содержания текста; 2) передача содержания равноценными средствами (т. е. функциональная эквивалентность).

4. *Концепция динамической (функциональной) эквивалентности*. Понятие динамической эквивалентности, которое ввёл в лингвистику Ю. Найда, соответствует понятию функциональной эквивалентности у советского исследователя А. Д. Швейцера. «Переводя исходное сообщение на другой язык, переводчик соизмеряет внеязыковую реакцию на переведённое сообщение со стороны его получателя с реакцией на исходное сообщение получателя, воспринимающего его на исходном языке» [152, с. 65].

Л. К. Латышев различает два вида эквивалентности: *функциональную* (эквивалентность функции без эквивалентности смыслового содержания) и *функционально-содержательную* (эквивалентность как функции, так и смыслового содержания текста) [89, с. 33].

В. Г. Гак и Ю. П. Львин выделяют три вида эквивалентности: *формальную, смысловую и ситуационную* [40, с. 15].

Классической считается типология эквивалентности, предложенная В. Н. Комиссаровым, который ввёл термин *тип эквивалентности*. Учёный предлагает различать 5 типов эквивалентности в зависимости от типа передаваемой информации [80, с. 133; 81]:

- 1) *коммуникативная* – эквивалентность на уровне цели коммуникации;
- 2) *ситуативная* – эквивалентность на уровне описания ситуации;
- 3) *полная* – эквивалентность на уровне сообщения;

4) эквивалентность на уровне *структуры высказывания*;

5) *формально-семантическая* – эквивалентность на уровне языковых знаков.

Так, при каждом последующем типе эквивалентности передаются те же типы информации, что и на предыдущем, дополненные новой информацией.

Отсутствие у теоретиков перевода единого мнения относительно характера и типологии эквивалентности закономерно поднимает вопрос о необходимости её достижения. Сян Иньхуа (Xiang Yinhuа) в работе «Эквивалентность в переводе: черты и необходимость» («Equivalence in Translation: Features and Necessity») [175, с. 169–171] раскрывает 3 аспекта, обуславливающих **необходимость достижения эквивалентности** при переводе. Во-первых, необходимость эквивалентности подразумевается в определении перевода. Как отмечает австрийская переводчица, профессор Венского университета М. Снелл-Хорнби (M. Snell-Hornby), определения перевода могут рассматриваться как вариации понятия эквивалентности [172, с. 15]. Существование понятия эквивалентности в любом определении перевода наглядно демонстрирует её необходимость. Во-вторых, необходимость эквивалентности выступает в тесной взаимосвязи с необходимостью перевода. Поскольку перевод является актом коммуникации, эквивалентность исходного и переводного текстов становится существенным требованием. Наконец, необходимость эквивалентности обусловлена ограничениями переводимости и трудностями перевода. Если бы перевод не требовал эквивалентности, не было бы никаких ограничений в возможностях перевода и любой переводной текст можно было бы рассматривать как верный вариант исходного текста. Аналогично, трудности перевода часто возникают в силу необходимости соблюдения эквивалентности в переводе.

Итак, достичь абсолютной эквивалентности между оригиналом и переводом невозможно, поэтому эквивалентность в переводе следует рассматривать не как стремление к идентичности, а лишь как своеобразное уподобление или смысловое «приближение» к исходному тексту. Все описанные концепции и типы эквивалентности, по нашим наблюдениям, можно свести к двум основным типам:

1) *лингвистическая (формальная)* – эквивалентность языковых единиц разного уровня;

2) *прагматическая (функциональная)* – эквивалентность смысла исходного и переводного текстов и его воздействия на читателя.

Следовательно, можно установить эквивалентность между оригиналом и переводом на разных языковых уровнях: лексическом, стилистическом, морфологическом, синтаксическом и др.

1.3.3 Типология переводческих трансформаций в теории перевода

Соблюдению принципа эквивалентности в переводческой деятельности способствуют различные виды **трансформаций**.

А. Д. Швейцер понимает под переводческими трансформациями «межъязыковые операции перевыражения смысла» [153, с. 118]. Я. И. Рецкер считает трансформациями «приёмы логического мышления», позволяющие раскрыть значение исходного слова в контексте [124, с. 45]. Л. К. Латышев определяет переводческие трансформации как «отступление от структурного и семантического параллелизма между оригиналом и переводом в пользу их равноценности в плане воздействия» [89, с. 27]. Другими словами, «трансформации – суть профессии переводчика» [99, с. 58].

При условии совпадения семантико-стилистических характеристик Я1 и Я2 возможно полное сохранение языковых элементов оригинала при переводе, т. е. **нулевая трансформация**. В таком случае понятия «трансформация» и «эквивалентность» являются синонимичными.

Существующие классификации переводческих трансформаций можно условно разделить на следующие группы:

1) по типу переводческих преобразований (Л. С. Бархударов, И. С. Алексеева и др.): перестановка, замена, опущение, добавление;

2) по соотнесённости с уровнем эквивалентности (А. Д. Швейцер) [153, с. 123];

- трансформации на компонентном уровне семантической эквивалентности (замены);

- трансформации на прагматическом уровне (переводческие компенсации, замена тех или иных стилистических средств прочими, замена аллюзий (реалий) на аналогичные, интерпретирующий, поясняющий перевод);

- трансформации на референциальном уровне семантической эквивалентности (конкретизация, генерализация, замена реалий и др.);

- трансформации на стилистическом уровне (компрессия и расширение);

3) по соотнесённости с уровнем языковой системы (Я. И. Рецкер, Н. П. Серов, А. Б. Шевнин, Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман, Р. К. Миньяр-Белоручев, В. Е. Щетинкин, В. Н. Комиссаров, Л. К. Латышев и др.), классификационные группы представлены в **приложении А** и насчитывают от двух до шести видов.

Как следует из приложения А, все исследователи выделяют такие виды трансформации, как лексический и грамматический (у Л. К. Латышева вместо грамматического вида – морфологический и синтаксический). Стилистические

трансформации присутствуют в классификациях Т. Р. Левицкой и А. М. Фитерман, В. Е. Щетинкина, Л. К. Латышева. Р. К. Миньяр-Белоручев и Л. К. Латышев предлагают рассматривать семантический вид преобразований. В. Н. Комиссаров и Л. К. Латышев говорят о комплексном (смешанном) виде трансформаций.

Кроме того, разнятся и переводческие преобразования, относящиеся к каждому из видов. Например, Я. И. Рецкер, Н. П. Серов, А. Б. Шевнин и В. Н. Комиссаров относят модуляцию к трансформациям на лексическом уровне, В. Е. Щетинкин – на стилистическом, Р. К. Миньяр-Белоручев – на семантическом. Антонимический перевод также в различных классификациях относят к лексическому, семантическому либо комплексному виду трансформаций. Список различий можно продолжать, однако, на наш взгляд, все преобразования можно свести к двум основным видам – **лексическому (лексико-фразеологическому) и грамматическому** – в силу того, что семантические и стилистические преобразования также затрагивают лексический уровень языковой системы.

С позиций наполнения лексико-фразеологического вида трансформаций ни одна из рассмотренных классификаций не представляется нам оптимальной. Вследствие этого спецификой перевода на близкородственный язык обусловлено обращение к менее распространенным частным классификациям. Так, в процессе анализа стилистических преобразований использованы виды стилистических трансформаций, выделенные Е. А. Огневой и В. М. Проскуркиным [109, с. 42–43; 120, с. 61]. Анализ способов передачи имён собственных базируется на классификации Г. Н. Ключова [74, с. 38]. При характеристике особенностей передачи фразеологизмов удобнее опираться на классификацию эквивалентов, предложенную Э. М. Солодухо [136, с. 22].

Итак, характеризуя лексико-фразеологические трансформации в АП, мы придерживаемся следующего набора переводческих преобразований:

- 1) лексико-семантические замены (модуляция, конкретизация и генерализация) – при переводе основного объёма лексических единиц;
- 2) адекватная замена, стилистическая компенсация, смена коннотаций – при трансформации стилистической окраски слова;
- 3) транскрипция, транслитерация, трансплантация и субституция – при передаче безэквивалентной лексики (имён собственных);
- 4) тождественные эквиваленты, прямые эквиваленты, синонимические эквиваленты – при передаче фразеологических единиц.

Классификации грамматических трансформаций носят менее разобщённый характер по сравнению с лексическими, однако и в данной области необходимо внести определённые уточнения. Во-первых, мы разделяем грамматические преобразования на морфологические и синтаксические (вслед за Л. К. Латышевым), поскольку первые подразумевают изменения на уровне слова, а вторые – на уровне сочетания слов.

Во-вторых, в типологии переводческих трансформаций преобразования на словообразовательном уровне занимают особое положение. Одни исследователи считают их **видом грамматических трансформаций** наряду с морфологическими и синтаксическими (О. В. Занковец, С. А. Давыдова [55] и др.). Другие относят их к **морфологическим трансформациям** (К. М. Левитан [90] и др.). Третьи разделяют словообразовательные и грамматические преобразования, признавая их **самостоятельность** (М. А. Тарасова [141] и др.). Несмотря на множественность подходов к статусу словообразовательных трансформаций, нельзя отрицать их связь с морфологией и синтаксисом. Например, композитные дериваты при АП могут заменяться словами других частей речи или сочетаниями слов, демонстрируя взаимодействие единиц словообразовательного, морфологического и синтаксического уровней. Ошибки в образовании причастий, связанные с неправильным выбором суффикса, демонстрируют единство морфологических и словообразовательных явлений. Поэтому мы склонны рассматривать словообразовательные преобразования как *вид грамматических трансформаций*, к которому относятся: замена отдельных аффиксов; замена композитных дериватов.

В-третьих, мы выделяем такие морфологические трансформации, как замена грамматической категории числа имени существительного; замена глагольных грамматических категорий вида и времени; замена отдельных глагольных форм (причастие, деепричастие).

Наконец, к синтаксическим трансформациям мы, как и многие исследователи, относим перестановку (слов в словосочетании, частей сложного предложения, отдельных предложений); замену словосочетаний и предложений; опущение словосочетаний и предложений; добавление словосочетаний и предложений; объединение предложений; членение предложений.

Грамматические отличия эквивалентных текстов на белорусском и русском языках уже были классифицированы и описаны в конце XX века С. Ф. Ивановой [63]. Мы рассматриваем не только грамматический, но и лексический и словообразовательный уровни двух языковых систем, а наша классификация грамматических преобразований является более общей, чем в работах С. Ф. Ивановой.

Общая классификация переводческих трансформаций при АП с белорусского языка на русский представлена в виде рисунка 1.5.

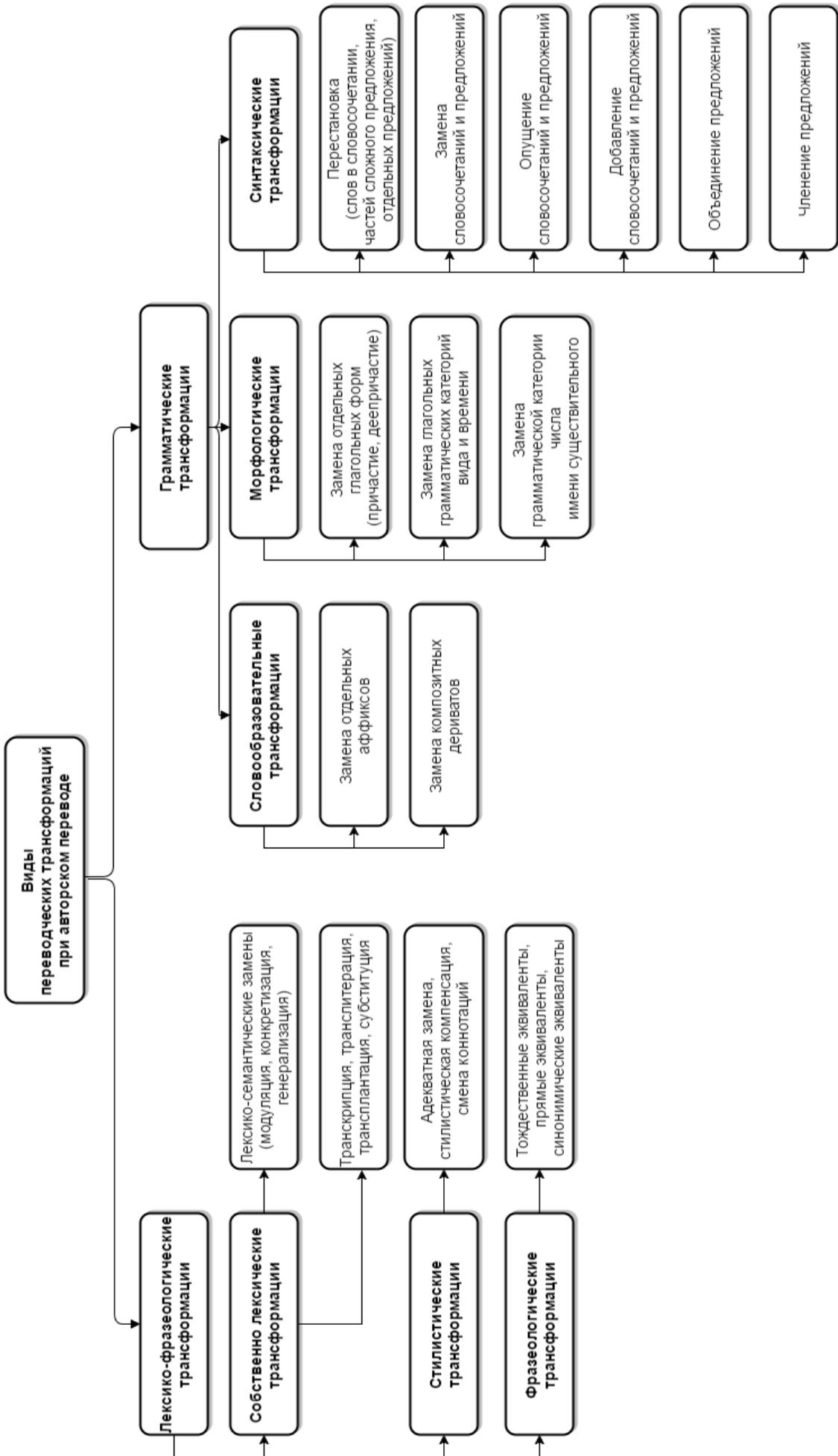

Рисунок 1.5. – Классификация переводческих трансформаций при авторском переводе

1.4 Пути и способы выявления типичных языковых особенностей взаимодействия русского и белорусского языков при авторском переводе

Итак, теоретико-методологическую основу исследования составляют: основные положения отечественной и зарубежной теории художественного перевода (И. С. Алексеева, Л. С. Бархударов, В. Г. Гак, В. Н. Комиссаров, Л. К. Латышев, Т. Р. Левицкая, Ю. И. Львин, Р. К. Миньяр-Белоручев, Е. А. Огнева, А. Н. Паршин, А. Попович, В. П. Рагойша, Я. И. Рецкер, Н. В. Серов, А. М. Фитерман, А. Д. Швейцер, А. Б. Шевнин, S. Bassnett-McGuire, J. C. Catford, E. Nida, A. Рум, M. Snell-Hornby и др.) [2; 11; 40; 77–81; 91; 99; 109; 113; 118; 121; 124; 132; 152–153; 157; 158; 169–172];

1) исследования в области АП как части общей теории художественного перевода (Н. В. Денисова (Яковенко), О. В. Праченко, Ю. И. Сикалюк, Е. С. Хованская, L. DeRoubaix, G. Falceri, Y. Mohdeb, H. Tanqueiro, C. Whyte и др.) [51; 133; 147; 159; 160; 167; 173; 174];

2) работы, раскрывающие специфику языковой личности автора и переводчика (Г. И. Богин, Е. В. Иванцова, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, В. А. Чудинов, О. В. Эфтор и др.) [19; 64; 65; 70; 71; 151; 155];

3) междисциплинарные наработки, посвящённые изучению феномена билингвизма (С. В. Андреева, М. А. Апышев, У. М. Бахтикиреева, И. С. Башкова, З. У. Блягоз, У. Вайнрайх, Г. М. Вишневская, Л. С. Выготский, А. А. Гируцкий, Ч. Г. Гусейнов, О. А. Марина и др.) [4; 5; 12; 14; 17; 26; 35; 36; 42; 47; 94];

4) научные работы в области межъязыковой интерференции (В. В. Алимов, Ж. Багана, Ю. А. Жлуктенко, А. Е. Карлинский, Е. В. Хапилина и др.) [3; 8; 53; 72];

5) теоретические и практические исследования особенностей функционирования и перевода лингвистических единиц, относящихся к различным уровням языковой системы:

- лексическому, в том числе, безэквивалентной лексики (Г. Н. Ключов, В. Н. Комиссаров, П. В. Сушкевич и др.) [74; 77–81; 139];

- фразеологическому (В. Н. Комиссаров, Э. М. Солодухо и др.) [77–81; 136];

- стилистическому (М. П. Брандес, Е. А. Огнева, В. М. Проскуркин и др.) [23; 109; 120];

- словообразовательному (О. В. Занковец, А. Д. Зверев и др.) [55; 58];

- морфологическому (А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, В. И. Дегтярёв, Г. А. Золотова, А. В. Исаченко, В. Мюллер, Е. В. Петрухина и др.) [20–22; 49; 62; 67; 104; 115];

- синтаксическому (В. Г. Гак, Е. В. Зарецкий, Е. Э. Свирская, Д. С. Станишева, А. П. Ушакова, С. Б. Фокин и др.) [37–39; 56; 130; 137; 145; 146].

Настоящее исследование проводилось в несколько этапов с применением методики сравнительного анализа оригинала и АП художественного текста.

Целью и задачами работы обусловлен выбор **методов** исследования, включающих анализ литературы по теме исследования, сравнительный и типологический переводческий анализ, трансформационный анализ, лингвокультурологический анализ, метод классификации и элементы количественного анализа.

Основными методами исследования являются *сравнительный* и *типологический переводческий анализ*, которые позволили выявить единицы АП для анализа и классифицировать переводческие соответствия. С помощью *сравнительного метода* были определены основные типы переводческих трансформаций на лексическом, фразеологическом, стилистическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом уровнях языковой системы. *Лингвокультурологический анализ* исходных текстов и их АП предоставил возможность выделить и охарактеризовать проявления межъязыковой интерференции. Применение элементов *количественного анализа* с использованием критерия абсолютной частоты употребления способствовало составлению иерархии переводческих приёмов, использованных при создании АП, а также определению индекса языковых нарушений в исходных текстах и АП.

На первом этапе производился отбор художественных произведений белорусской литературы, которые были самостоятельно переведены авторами на русский язык. **Материалом** исследования послужили произведения В. Быкова «Сотников», В. Козько «Судный день» («Суд у Слабадзе») и И. Мележа «Минское направление», изначально написанные на белорусском языке, и их АП на русский язык.

С целью обеспечения максимальной объективности исследования художественные тексты для анализа отобраны согласно следующим критериям.

1. *Время создания оригиналов и АП.* В. Быков написал повесть «Сотнікаў» на белорусском языке в 1970 г., в том же году создан и её АП. И. Мележ известен тем, что на протяжении 20 лет совершенствовал свой роман «Мінскі напрамак», написанный в 1952 г. Сравнению подверглись тексты оригинала в редакции 1970 г. и АП, изданный в 1973 г. Повесть В. Козько «Суд у Слабадзе» вышла в 1978 г., а её АП – в 1979 г. Таким образом, все исходные тексты и их АП созданы (отредактированы) в течение 70-х гг. XX в. Как свидетельствует Н. Б. Мечковская, исследовавшая языковую ситуацию в Беларуси, послевоенный период в развитии белорусско-русского билингвизма характеризуется социально-политическими особенностями, аналогичными современным [98]. Следовательно, изучение языковых особенностей АП может стать одним из этапов характеристики современного белорусско-русского билингвизма.

2. *Жанровая принадлежность.* Все тексты относятся к большим эпическим жанрам – повесть, роман.

3. *Тематика.* В избранных произведениях раскрывается тема Великой Отечественной войны либо её последствий.

Исследованы тексты на белорусском и русском языках общим объёмом около 1000 страниц.

Для сравнительного анализа двух языковых вариантов одного текста целесообразно привлечение программных средств. В данном исследовании для обработки текстов мы использовали программу MakeBiLingua, которая позволяет составлять такие параллельные тексты, где в таблице с одной стороны идёт текст на одном языке, а с другой стороны – на другом. При этом разбивка производится по предложениям. Однако в силу особенностей АП возможности программы оказались недостаточными, и автоматическое деление по предложениям не привело к полному соответствию коррелятов. В связи с этим потребовалось дорабатывать тексты вручную. В итоге было получено 3 параллельных текста общим объёмом более **15200** предложений.

Для того чтобы установить прогнозируемую частотность языковых трансформаций при АП, нами было принято решение выделить в трёх исходных текстах начальные отрывки, включающие **1000** слов, и на основе параллельных текстов сравнить их с соответствующими отрывками АП. Итак, в результате сравнения трёх параллельных отрывков общим объёмом около **6000** слов (3 отрывка по 1000 слов из белорусскоязычных оригиналов и их АП) были определены наиболее частотные языковые единицы, подвергшиеся трансформации при переводе. Анализ показал, что данные единицы можно объединить в следующие группы, соответствующие уровням языковой системы.

К лексико-фразеологическим эквивалентам относятся собственно лексические единицы; лексемы, обладающие функционально-стилевыми различиями, имена собственные и фразеологизмы.

Носители морфологических и словообразовательных трансформаций представлены причастными и деепричастными конструкциями, именами существительными с изменяющейся при АП грамматической категорией числа; видо-временными формами глаголов, а также сложными словами.

Особенности синтаксического членения художественного текста в АП связаны с изменением порядка слов и структуры предложений, актантными трансформациями и особенностями употребления словосочетаний и сочетаний слов.

Выявив основные направления языковых трансформаций, мы сравнили в сумме около **1000** страниц исходных текстов и их АП с целью обнаружить трансформации вышеперечисленных языковых единиц. В результате было выявлено и охарактеризовано около **9000** пар эквивалентов:

1) собственно лексические единицы (**188**); стилистические единицы (**766**); имена собственные (**261**); фразеологизмы (**235**).

Подчеркнём, что проведённый анализ показал наличие лексических трансформаций практически в каждом предложении. Их общее количество примерно равно общему количеству проанализированных предложений (**15200**). Однако в силу их многочисленности и разнообразия не всегда возможно однозначно классифицировать данные трансформации, поэтому методом сплошной выборки нами были выделены **188** примеров собственно лексических трансформаций, соответствующих большинству традиционных классификаций;

2) причастные и деепричастные конструкции (**3361**); соотношение видо-временных форм глаголов (**355**); трансформация сложных слов (**289**); изменение грамматической категории числа имён существительных (**184**);

3) изменения порядка слов и структуры предложений (**2432**); особенности употребления словосочетаний и сочетаний слов (**520**); актантные трансформации (**379**).

Классификация собранного языкового материала представлена в виде рисунка 1.6.

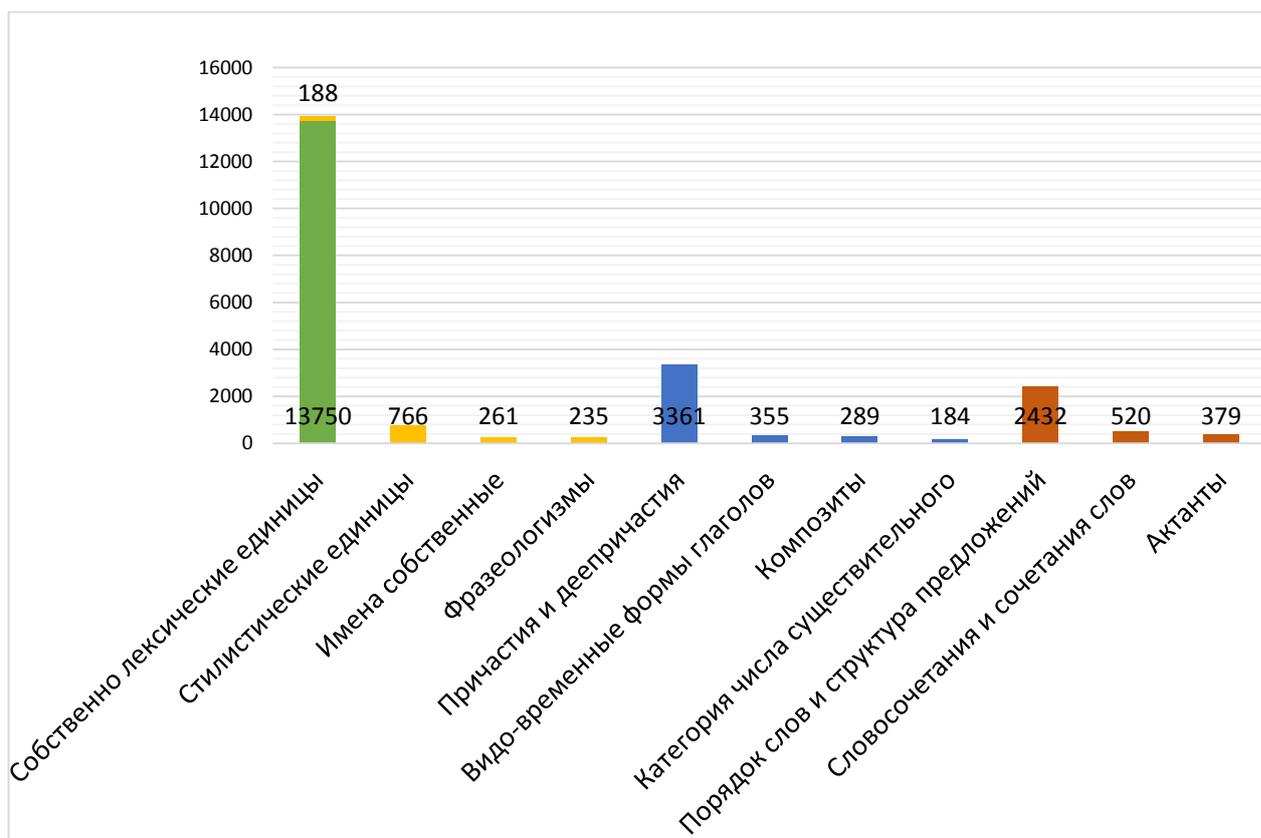

Рисунок 1.6. – Единицы и категории, подвергшиеся трансформации при авторском переводе

Как видно на рисунке 1.6, наиболее подверженным трансформации при АП является лексико-фразеологический уровень, на котором чаще всего встречаются преобразования собственно лексических единиц. На втором месте находится словообразовательно-морфологический уровень, где преобладают трансформации причастных и деепричастных конструкций. Третье место в количественном отношении занимают преобразования на синтаксическом уровне, преимущественно – изменения порядка слов и структуры предложений.

Отметим также, что включение ономастики, фразеологии, стилистики в данное исследование предполагает учёт не только лингвистических, но и лингвокультурных особенностей, обуславливающих характер переводческих трансформаций.

На заключительном этапе проводился анализ языковых нарушений, обусловленных билингвизмом авторов-переводчиков. Были охарактеризованы нарушения интерференционного и интеркаляционного характера на различных языковых уровнях. Показателем данных нарушений является **индекс**, который представляет собой соотношение количества нарушений на определённом уровне и общего количества переводческих трансформаций, умноженное на 100%. В итоге был выведен общий индекс языковых нарушений для всех уровней языковой системы, который позволяет судить о степени взаимовлияния белорусского и русского языков при создании АП писателями-билингвами.

Итак, сравнительно-сопоставительный анализ преобразований на основных уровнях двух языковых систем, выполненный на материале АП, позволит сделать выводы о специфике творческой билингвальной языковой личности, владеющей русским и белорусским языками, а также станет новым шагом в характеристике белорусско-русского билингвизма на современном этапе.

Выводы по главе 1

1. Суть перевода как акта коммуникации состоит в адекватной и полноценной передаче исходного текста. Переводчик, являясь читателем оригинального текста, перекодирует его с учётом другой культуры и временной реальности, в результате чего становится автором переводного сообщения. Специфика АП заключается в том, что он совершается в пределах единого сознания с привлечением механизмов билингвизма и автокоммуникации.

2. АП могут быть условно разделены на западную и восточную группы. **Западную группу** составляют переводы на западноевропейские языки (в

основном – на английский) либо АП с языка меньшинства населения государства на язык большинства. Наиболее исследуемые авторы-переводчики данной группы – С. Беккет, Н. Хьюстон, В. Набоков, Р. Ферре, В. Алексакис, Ж. Убалду Рибейру и др. Активное изучение АП западной группы ведется в Испании, Бразилии, США, Китае, России и других странах.

Восточная группа представлена авторскими переводами на русский с национальных языков государств и народностей бывшего СССР: Беларуси, Украины, Азербайджана, Кыргызстана, Казахстана (И. Мележ, В. Быков, В. Козько, А. Карпюк; И. Франко; Ч. Гусейнов; Ч. Айтматов; А. Ким и др.) и т. д. АП восточной группы являются объектом изучения филологов из России, Беларуси, Украины, Кыргызстана и других стран. АП с национального языка на русский является «оригиналом» для переводов на другие мировые языки.

3. История АП в Республике Беларусь насчитывает 3 периода: довоенный, послевоенный и современный. Предпосылкой для обращения белорусских писателей к АП в довоенный период стал исторически сложившийся белорусско-русский билингвизм (М. Горецкий, А. Кулешов, Я. Колас, К. Крапива и др.). Условиями развития АП в послевоенный период стали билингвизм, благоприятные социально-политические условия, стремление писателей популяризировать своё творчество среди русскоязычных читателей либо освоить новый вид творчества, а также развитие теории художественного перевода (В. Быков, И. Мележ, В. Козько, О. Ипатова и др.). К современному периоду создания АП относятся переводы Р. Боровиковой, В. Гапеева, Р. Дейкун, З. Дудюк, О. Ждана, А. Жука, Т. Мушинской, А. Браво, В. Саламахи, Л. Рублевской, А. Федоренко и др. Основные особенности АП данного периода: преимущественное обращение к малым прозаическим жанрам; публикация в российских либо русскоязычных белорусских изданиях; обращение к детской литературе; отсутствие АП с русского языка на белорусский.

4. Языковую личность понимают как совокупность языковых (речевых) способностей, а также как субъект, являющийся носителем культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей определённой социальной группы. Разнообразны и типы языковой личности: виртуальная, профессиональная, национальная, народная, публичная, историческая и др. В силу социально-культурных изменений в современном мире особый интерес вызывает направление «языковая личность → билингвальная языковая личность → творческая билингвальная языковая личность → языковая личность автора-переводчика».

5. **Билингвальная языковая личность** определяется как личность, владеющая двумя разными языковыми системами, двумя типами когнитивного и языкового сознания и обладающая межкультурной компетентностью. Отличительной чертой билингвальной языковой личности является **двуязычие (билингвизм)**. Билингвы обладают способностью воспринимать и создавать

художественные тексты на двух языках, что позволяет говорить о художественном билингвизме, одним из типов которого является АП.

6. Единого понимания статуса АП не существует. Одни учёные считают АП **новой редакцией** оригинального произведения, процессом и результатом его творческого **переосмысления, воссоздания** (М. А. Апышев, Э. Бандин Фуэртес, С. Дубински, О. П. Погинайко, В. П. Рагойша и др.). Другие воспринимают процесс АП как **оригинальное творчество**, а его результат – как равнозначный оригиналу **вариант** художественного произведения (М. А. Дадян, Н. Дун Дэнби, С. Коннор и др.). Третьи отождествляют АП с обычным **переводом** (А. А. Гируцкий, А. Попович, А. Сиу Вай-фан и др.). Четвертые полагают, что АП одновременно является **видом литературного творчества и формой художественного перевода** (М. Устинофф, Т. Чебан, Н. В. Денисова (Яковенко)). Некоторые исследователи (В. Коллер, Я. Мохдеб) придают АП **уникальный статус**.

7. Процесс порождения речи приводит билингвальную языковую личность в состояние внутреннего конфликта, который обусловлен необходимостью выбора корректного речевого поведения. Конфликт предполагает выбор одной из двух языковых систем, находящихся под влиянием разных зон головного мозга. Причиной внутреннего конфликта авторов-переводчиков является недостаточность обоих языков. Поскольку недостаточность одного языка восполняется другим, то оригинал и АП художественного произведения составляют единый текст, а две формы гипотетической единой личности писателя-переводчика, дополняя друг друга, составляют одну творческую литературную личность. В процессе внутренней борьбы двойственной языковой личности АП является источником примирения двух её сторон.

8. Причины обращения к АП можно разделить на 2 группы. В первую группу входят внешние факторы (социально-политические и идеологические причины: эмиграция писателей, смена культурно-языковой обстановки, длительное пребывание в чужой языковой среде, давление цензуры). Ко второй группе относятся внутренние (индивидуальные) факторы: желание получить перевод оптимального качества; недовольство существующими переводами; глубокое чувство ответственности автора за свои произведения; стремление расширить круг читателей; необходимость творческого самовыражения не только на первом, но и на «втором родном языке»; интерес автора к новой для него деятельности; желание изменить исходный текст и т. д.

9. Уникальность художественного, в том числе авторского, перевода на русский язык в Беларуси заключается в том, что читатель также выступает носителем билингвизма и бикультуризма, поэтому он может оценить качество перевода. Одни теоретики и практики перевода считают, что переводить с близкородственного языка легче в силу сходства языковых систем. Другие

отрицают наличие специфики перевода с близких языков. Третьи полагают, что сходство между языками препятствует переводу. Однако общепризнанным остается тот факт, что перевод с близкородственных языков требует от автора-переводчика скрупулезного и вдумчивого отношения.

10. Неизбежность потерь и добавлений информации при переводе обусловлена различиями между Я1 и Я2. В случае АП изменения, вносимые в текст перевода, могут быть «правомерными» и «неправомерными». К первым относятся «добавления», «улучшения», на которые не имеет права профессиональный переводчик. «Неправомерным» изменением в процессе АП являются межъязыковая **интерференция** (нарушения в речи билингва на Я2, возникшие под влиянием Я1) и **интеркаляция** (обратное явление влияния Я2 на Я1).

11. Сравнение текстов на разных языках неизбежно связано с теорией **эквивалентности**. Под эквивалентностью перевода понимается своеобразное уподобление или смысловое «приближение» перевода к исходному тексту, т. к. достичь абсолютной эквивалентности между оригиналом и переводом невозможно. Все существующие концепции и типы эквивалентности можно свести к двум основным типам: *лингвистическая (формальная)* – эквивалентность языковых единиц разного уровня; *прагматическая (функциональная)* – эквивалентность смысла оригинала и перевода и его воздействия на читателя.

12. Соблюдению принципа эквивалентности при переводе способствуют **трансформации** – «межъязыковые операции перевыражения смысла» [153, с. 118]. Переводческие трансформации классифицируются по типу переводческих преобразований; по соотносённости с уровнем эквивалентности; по соотносённости с уровнем языковой системы. Все преобразования могут быть сведены к двум основным видам – **лексическому** и **грамматическому**.

13. Ни одна из рассмотренных классификаций не учитывает специфику перевода на близкородственный язык, что обусловило обращение к частным классификациям, на основе которых составлена сводная типология, включающая лексические и грамматические (словообразовательные, морфологические и синтаксические) трансформации. Каждый из видов характеризуется определённым набором переводческих преобразований.

ГЛАВА 2

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКИХ ПЕРЕВОДОВ

2.1 Лексико-фразеологические трансформации при авторском переводе

Известно, что лексические составы русского и белорусского языков обладают значительным сходством, поэтому в процессе сравнения исходных текстов и их АП закономерным представляется обнаружение предложений, состоящих из полных лексических эквивалентов. Например: *Без асаблівай гатоўнасці Сотнікаў працяг руку, у якую Рыбак адсыпаў з свае жмені.* [176, с. 357] → *Без особой готовности Сотников протянул руку, в которую Рыбак отсыпал из своей горсти.* [177, с. 410] и др.

Тем не менее, такие факты являются скорее исключением, чем правилом. В подавляющем большинстве предложений встречаются различные виды трансформаций. Согласно нашим наблюдениям, трансформации на лексико-фразеологическом уровне являются наиболее распространённым видом переводческих преобразований, их общее количество примерно равно количеству предложений – **15200**. Большинство из них приходится на лексические единицы (**13750**). Однако они столь многочисленны и разнообразны, что с трудом поддаются выявлению и классификации. Многообразие лексических трансформаций попытаемся показать на следующих примерах.

Тхарыны (1) *тварык следчага зноў перасмыкнуўся, але, здаецца, ён умеў валодаць сабой.* [176, с. 448] → *Морщинистое* (1) *личико следователя опять передёрнулось, но, кажется, он умел владеть собой.* [177, с. 490].

– *Schweigen!* – *крыкнуў* (2) *Клянт* (3) *і вылаяўся* (4). [180, с. 84] → – *Schweigen!* – *велел* (2) *лейтенант* (3). [181, с. 91].

Тыталь падбіваў (5) *яго* (6) *некалі ў паліцыю, а Грэчка не паслухаўся* (7). [180, с. 89] → *Тыталь уговаривал* (5) *даже* (8) *когда-то идти* (9) *в полицию, но Гречка не согласился* (7). [181, с. 97].

Усё (10), *скончылася ціхае жыццё* (11) *ціхай Слабоды* (12). [178, с. 47] → *Кончилось тихое время* (11) *тихого небольшого* (13) *городка* (12). [179, с. 424].

Так, в примере (1) представлена демегафоризация семантики лексемы. Замена слова происходит в примерах (2), (3), (7), (11), (12), причём в примере (2) она является немотивированной. Опускание лексемы наблюдается в примерах (4), (6), (10), а добавление – в примерах (8), (9), (13). Пример (5) характеризуется заменой стиля.

Учесть все виды лексических трансформаций практически невозможно. Вследствие этого нами была выделена группа лексических трансформаций, которые, по мнению большинства исследователей, являются типичными при переводе художественных текстов. Эта группа составила **188** пар лексем.

Кроме того, преобразования на лексико-фразеологическом уровне включают функционально-стилевые различия (**766** пар эквивалентов), а также трансформации безэквивалентной лексики: имён собственных (**261** пара эквивалентов) и фразеологизмов (**235** пар эквивалентов). Всего же выявлено и проанализировано **1450** примеров трансформации.

2.1.1 Анализ собственно лексических эквивалентов в авторских переводах

В теории и практике переводоведения установлено, что в процессе АП часто используются лексемы, «значение которых не совпадает со значениями исходных единиц, но может быть выведено из них с помощью определённого типа логических преобразований» [82, с. 173]. В подобных случаях происходит то, что квалифицируется как конкретизация, генерализация и модуляция семантики лексем.

Наиболее распространённым приёмом перевода является **конкретизация** (**107** случаев). Это значит, что автор-переводчик исходное белорусское слово заменяет русским словом или словосочетанием с более конкретной семантикой. В таком случае русская лексема выступает гипонимом по отношению к белорусскому корреляту. В процессе АП писатели достигают конкретизации смысла различными способами:

1) путём добавления зависимых слов (**58**): *конь* → *гнедая лошадь*; *хляпчукі* → *с десяток пацанов*; *ішлі* → *шли навстречу друг другу*; *гарод* → *засыпанный золой и картофельной шелухой огород* и др.;

2) с помощью замены словом, которое в данном контексте имеет более конкретное значение (**28**): *не злічыць, колькі разоў* → *десятки раз*; *мёртвы партызан* → *убитый партизан*; *упраўляўся з дзвярамі* → *запирал дверь*; *нешта ўліў* → *влил воды* и др.;

3) путём замены словом с более конкретным значением (**21**): *дрэвы* → *вербы*; *лясок* → *роща*; *радаваўся* → *ликовал*; *кветкі* → *незабудки* и др.

В случае замены белорусской лексемы русским гиперонимом наблюдается явление генерализации, т. е. обобщения. **Генерализация** значения встречается в **65** случаях, для неё характерны следующие приёмы:

1) опущение зависимых слов (**30**): *у роспачы спытаў* → *спросил*; *густая іржавая твань* → *топь*; *вінтовачны стрэл* → *выстрел* и др.;

2) замена словом, которое в данном контексте имеет более общее значение (**22**): *цагляная дамоўка* → *каменный дом*; *здзівіўся* → *спросил*; *уцячы з роты* → *смотреться куда-нибудь* и др.;

3) замена словом с более общим значением (**21**): *суніцы* → *ягоды*; *пісталет* → *оружие*; *перабягалі* → *бежали* и др.

Наименее распространённым приёмом перевода лексических единиц является **модуляция** (**16** случаев). Модуляция (смысловое развитие) представляет собой такую замену исходного слова переводной единицей, при которой их значения соотносятся как причина и следствие. В АП модуляция имеет следующие типы:

1) причина в исходном тексте заменяется следствием в АП (**12**): *павязуць на могілкі* → *повезут хоронить*; *чалавек мой загінуў* → *человека своего схоронила* и др.;

2) следствие в исходном тексте заменяется причиной в АП (**4**): *цвёрдая сцежка* → *утоптанная в снегу тропинка*; *магчымасць урававацца* → *возможность потихоньку смыться к своим* и др.

Количественное соотношение проявлений приёмов лексической трансформации при АП представлено на рисунке 2.1.

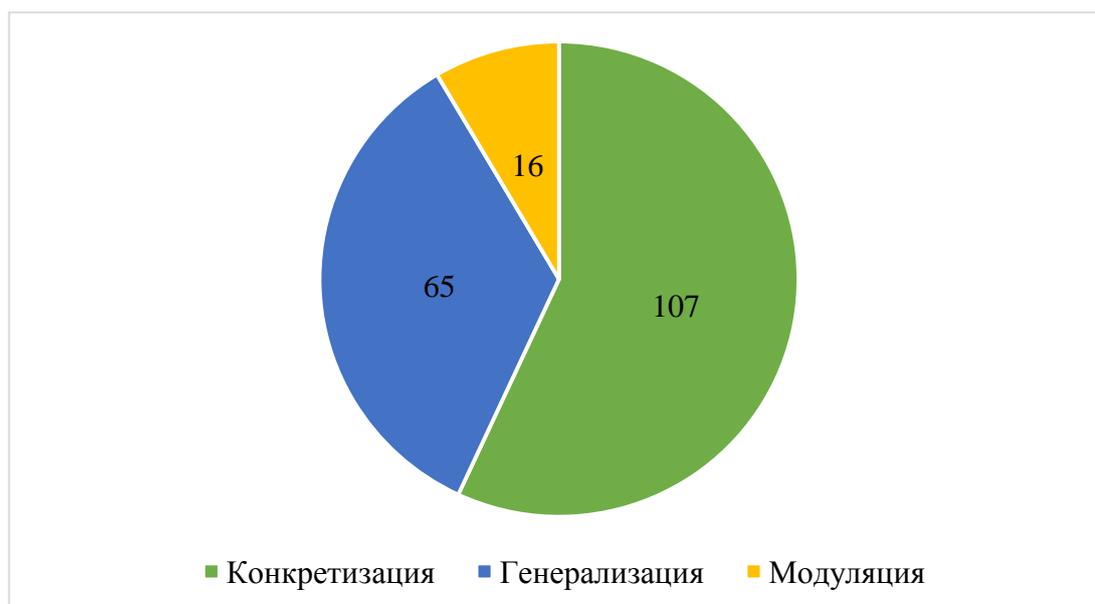

Рисунок 2.1. – Приёмы лексической трансформации при авторском переводе

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что лексические трансформации в процессе АП чаще направлены на конкретизацию семантики слова, чем на её генерализацию. Значительное употребление гипонимов является результатом стремления авторов-переводчиков внести в свои произведения новые художественные детали. Кроме того, в случае конкретизации «переводчик имеет возможность использовать более разнообразный в количественном отношении ряд лексических средств, обозначающих часть от целого или имеющих более узкое значение по отношению к <...> родовому слову» [128, с. 106].

2.1.2 Функционально-стилевые различия в авторских переводах

Адекватный перевод должен обладать коммуникативной равнозначностью оригиналу, поэтому выделяют несколько уровней адекватности. Советский и российский переводчик Ю. В. Ванников, говоря о семантико-стилистической адекватности, предлагает определять её «через оценку семантической и стилистической эквивалентности языковых единиц, составляющих текст перевода и текст оригинала» [29].

Нами было обнаружено **766** пар эквивалентов, позволяющих говорить о функционально-стилевых различиях при АП. При этом лишь в **107** парах эквивалентов наблюдаются такие виды **стилистических трансформаций** [109, с. 42–43; 120, с. 61], как стилистическая компенсация, адекватные замены и смена стилистических коннотаций (таблица 2.1).

Таблица 2.1. – Виды стилистических трансформаций при авторском переводе

Вид стилистической трансформации	Способ стилистической трансформации	Примеры
1	2	3
Стилистическая компенсация	Исходная нейтральная единица → стилистически окрашенная единица АП	<u>52 случая</u> <i>Хлопец</i> (нейтр.) → <i>хлопец</i> (разг.); <i>бацька</i> (нейтр.) → <i>бацька</i> (прост.); <i>глядзіць</i> (нейтр.) → <i>взирающей</i> (устар.); <i>закрычала</i> (нейтр.) → <i>заверецала</i> (разг. неодобр.) и др.

Продолжение 2.1

1	2	3
Стилистическая компенсация	Исходная стилистически окрашенная единица → нейтральная единица АП	<u>17 случаев</u> <i>Высачэзныя</i> (разг.) → <i>огромные</i> (нейтр.); <i>войкнула</i> (разг.) → <i>вскрикнула</i> (нейтр.); <i>кывуліна</i> (разг.) → <i>коридор</i> (нейтр.) и др.
Адекватные замены	–	<u>32 случая</u> <i>Прытвараецца</i> → <i>прикидывается</i> ; <i>сканаў</i> → <i>умер</i> ; <i>радаваўся</i> → <i>ликовал</i> (все – нейтр.); <i>датупаць</i> → <i>притащиться</i> ; <i>корпаецца</i> → <i>копается</i> (все – разг.) и др.
Смена стилистических коннотаций	–	<u>6 случаев</u> <i>Урэзаў</i> (разг.) → <i>нул</i> (прост.); <i>грукалі лыжкамі</i> (разг.) → <i>наяривали ложками</i> (прост.); <i>здараўканне</i> (разг.) → <i>здоровствования</i> (книжн.) и др.

Несмотря на определённые стилевые расхождения, эквиваленты в АП в целом обладают семантической и функциональной равнозначностью. Преобразование нейтральных языковых единиц в стилистически окрашенные (в основном, разговорный стиль), видимо, свидетельствует о стремлении автора-переводчика придать повествованию бóльшую эмоциональность и передать колорит белорусской речи. Значит, АП, как и перевод профессиональный, «представляет собой качественно определённое, относительно замкнутое целое, и вместе с тем это «открытая», «разомкнутая» система» [23, с. 37], допускающая уместные трансформации.

Показательным является перевод лексем, содержащих эмоционально-экспрессивную окраску. В оригиналах художественных текстов и их АП мы насчитали **659** пар слов с аффиксами, выражающими различные оттенки семантики. Данные слова можно разделить на группы, представленные в таблице 2.2.

Таблица 2.2. – Перевод лексем с аффиксами, выражающими оттенки семантики

Способ трансформации	Примеры
Эквивалент с аффиксом в исходном тексте → эквивалент с аффиксом в АП	<p style="text-align: center;"><u>420 пар</u></p> <p><i>Рачулка</i> → <i>речушка</i>; <i>агеньчык</i> → <i>огонёк</i>; <i>вёсачка</i> → <i>деревушка</i>; <i>лагчынка</i> → <i>лощинка</i>; <i>нізенькая</i> → <i>низенькая</i>; <i>лясок</i> → <i>лесок</i>; <i>масток</i> → <i>мостик</i>; <i>вулічка</i> → <i>улочка</i>; <i>лёганькае крэселка</i> → <i>лёгонький стульчик</i>; <i>велькаваты</i> → <i>великоватый</i>; <i>ціхенька</i> → <i>тихонько</i> и др.</p>
Эквивалент с аффиксом в исходном тексте → эквивалент без аффикса в АП	<p style="text-align: center;"><u>135 пар</u></p> <p><i>Бялуткі</i> → <i>белый</i>; <i>цесенька</i> → <i>тесно</i>; <i>дробенькая</i> → <i>мелкая</i>; <i>стараваты</i> → <i>пожилой</i>; <i>таўшчэзная кніжка</i> → <i>толстая книга</i> и др.</p>
Эквивалент без аффикса в исходном тексте → эквивалент с аффиксом в АП	<p style="text-align: center;"><u>104 пары</u></p> <p><i>Пагорак</i> → <i>холмик</i>; <i>роў</i> → <i>овражек</i>; <i>вёска</i> → <i>деревенька</i>; <i>сцяна</i> → <i>стенка</i>; <i>вада</i> → <i>водичка</i>; <i>боты</i> → <i>сапожки</i>; <i>дзеці</i> → <i>детушки</i> и др.</p>

Преобладание соответствий с равнозначной экспрессивностью является свидетельством стремления автора-переводчика создать перевод, близкий к тексту оригинала в семантико-стилистическом отношении.

Безусловно, на выбор стилистических средств, используемых авторами-переводчиками, оказывает влияние белорусско-русский билингвизм с его полярными стилевыми шкалами: русский литературный язык развивался на фундаменте церковнославянской книжности, а основой белорусского литературного языка стало устное диалектное слово [156, с. 152–153].

Таким образом, в процессе перевода собственных произведений с белорусского языка на русский авторы придерживаются принципа эквивалентности. При этом допускаются незначительные стилевые расхождения, которые являются следствием билингвизма писателя и используются для придания большей эмоциональности повествованию, а также для отражения колорита белорусской речи.

2.1.3 Способы передачи имён собственных в авторских переводах

Установлено, что особого внимания при художественном переводе требуют имена собственные. Д. И. Ермолович подчёркивает, что «любое использование иноязычного имени собственного в речи есть именно акт межъязыковой и межкультурной коммуникации и результатом его является взаимодействие двух языковых и речевых систем, двух культурно-психологических традиций» [52, с. 132].

Корпус исследованных имён собственных состоит из **261** единицы и включает **79** вариантов **58-и** личных имён, **92** фамилии, **82** топонима, **3** геортонима (названия праздников), **2** библионима (названия письменных произведений), **2** примера позывных, **1** гемероним (название газеты).

Известно, что антропонимы в произведениях художественной литературы нередко используются для характеристики персонажей. При этом, по мнению Ж. И. Дергилёвой, в процессе коммуникации в системе «писатель – читатель» антропонимы не только репрезентируют личность персонажа, но и позволяют воссоздать лингвоментальнокультурный образ автора – его языковую личность [50]. Значит, описание языковой личности мастера слова будет более исчерпывающим, если в поле зрения исследователя окажется антропонимическое пространство произведения. Когда речь идёт о билингвальной языковой личности, естественным и необходимым представляется рассмотрение антропонимикона оригинального текста произведения и его АП. Говоря об особенностях передачи онимов при АП, можно выделить следующие основные группы эквивалентов в зависимости от характера произведённых трансформаций.

1. Так как имена собственные являются объектами межъязыкового и межкультурного заимствования [52, с. 14], их передача при переводе художественного текста чаще всего осуществляется путём **транскрипции, транслитерации, трансплантации** либо **субституции** [74, с. 32]. Как справедливо замечает В. П. Сушкевич, при переводе с одного близкородственного языка на другой – например, с белорусского на русский – транскрипцию, транслитерацию и трансплантацию разграничить сложно [139, с. 209].

В АП на русский язык большинство антропонимов (**60%**) и топонимов (**75%**) передаются с помощью транскрипции. Передача антропонимов путём трансплантации наблюдается в **28%** случаев, топонимов – в **10%**. Транслитерация занимает третье место в процентном отношении: **11%** случаев – антропонимы, **15%** – топонимы. Субституция представлена всего одним примером. Наиболее частотные изменения при передаче онимов представлены в таблице 2.1.

Таблица 2.3. – Особенности передачи онимов в авторских переводах

Способ передачи онимов	Характерные трансформации	Примеры
1	2	3
Транскрипция	Утрата белорусского аканья и яканья под действием норм русской орфографии и орфоэпии	<i>Амяллян</i> → <i>Емельян</i> , <i>Нічыпар</i> → <i>Ничипор</i> , <i>Глушчанка</i> → <i>Глущенко</i> , <i>Хадаронак</i> → <i>Ходоронок</i> ; <i>Сялюцічы</i> → <i>Селютичи</i> , <i>Слабада</i> → <i>Слобода</i> , <i>Бярэзіна</i> → <i>Березина</i> и др.
	Замена <i>ў</i> (<i>у</i>) на <i>в</i>	<i>Аўгіння</i> → <i>Авгинья</i> , <i>Якаў</i> → <i>Яков</i> , <i>Каўрыжка</i> → <i>Коврижка</i> , <i>Сотнікаў</i> → <i>Сотников</i> ; <i>Сасноўка</i> → <i>Сосновка</i> , <i>Рылёўскі</i> → <i>Рылёвский (лес)</i> и др.
	Смягчение «затверделых» белорусских звуков [р], [ч]	<i>Ахрэм</i> → <i>Ахрем</i> , <i>Грыб</i> → <i>Гриб</i> , <i>Касцючэнка</i> → <i>Костюченко</i> , <i>Дзёмчыха</i> → <i>Дёмчиха</i> , <i>Рагачоў</i> → <i>Рогачёв</i> , <i>Брэст</i> → <i>Брест</i> и др.
	Замена аффрикаты <i>дз</i> на <i>д</i>	<i>Дзёмка</i> → <i>Дёмка</i> , <i>Будзіла</i> → <i>Будила</i> , <i>Рэдзькін</i> → <i>Редькин</i> , <i>Надзя</i> → <i>Надя</i> ; <i>Дзяцярня</i> → <i>Дегтярня</i> и др.
	Переход белорусского звука [ц'] в русский [т']	<i>Каця</i> → <i>Катя</i> , <i>Косцік</i> → <i>Костик</i> , <i>Лецечка</i> → <i>Летечка</i> , <i>Касцючэнка</i> → <i>Костюченко</i> ; <i>Трасцянец</i> → <i>Тростенец</i> и др.
	Произнесение сочетания звуков [шч] как [ш']	<i>Няпомняшчых</i> → <i>Непомнящих</i> , <i>Шчарбіна</i> → <i>Щербина</i> , <i>Шчарбацюк</i> → <i>Щербатюк</i> ; <i>Куричына</i> → <i>Курицина</i> и др.
	Замена долгого мягкого согласного звука комбинацией аналогичного короткого и [j]	<i>Уллян</i> → <i>Ульян</i> , <i>Малання</i> → <i>Маланья</i> ; <i>Стараселле</i> → <i>Староселье</i> и др.
	Восстановление усечённых двойных согласных	<i>Залеская</i> → <i>Залесская</i> , <i>Савіч</i> → <i>Саввич</i> , <i>Клямт</i> → <i>Клямт</i> , <i>Келер</i> → <i>Келлер</i> ; <i>Расія</i> → <i>Россия</i> и др.

Продолжение 2.3

1	2	3
Трансплантация	Точное воспроизведение графической формы имени	<i>Зоська</i> → <i>Зоська</i> , <i>Коля</i> → <i>Коля</i> , <i>Шабуня</i> → <i>Шабуня</i> , <i>Дрозд</i> → <i>Дрозд</i> ; <i>Драгуны</i> → <i>Драгуны</i> , <i>Днестр</i> → <i>Днестр</i> , <i>Азербайджан</i> → <i>Азербайджан</i> и др.
Транслитерация	Побуквенная замена графического состава слова	<i>Игналя</i> → <i>Игналя</i> , <i>Толік</i> → <i>Толик</i> , <i>Лагунович</i> → <i>Лагунович</i> , <i>Змітро</i> → <i>Змитро</i> ; <i>Гліняны</i> → <i>Глиняны</i> , <i>Іслянка</i> → <i>Ислянка</i> , <i>Ленінская</i> → <i>Ленинская</i> (улиця) и др.
Субституция	Замена имени другим, генетически близким, с общей этимологией	<i>Вокунь</i> → <i>Окунь</i>

2. При передаче имён собственных наблюдается ряд трансформаций, не относящихся ни к одной из известных классификаций и являющихся отличительной особенностью АП.

Нарушение единообразия (вариативность) перевода – имена, употреблённые в оригинале лишь в одном варианте, при переводе заменяются разными вариантами. Так, имя *Пётра* употреблено в оригинальной форме только при первом упоминании: – *А Пётра Качан*. [177, с. 423]. Далее в тексте оно заменено вариантом *Пётр*: *Ну так и есть, в углу устраивался их недавний знакомый – лесиновский староста Пётр*. [177, с. 492]; *Наверно, Петру это не слишком прибавит его вины перед немцами, а им двоим, возможно, и поможет*. [177, с. 494]; *Слышал, в деревне его зовут Пётр*. [177, с. 499] и др. Однажды употреблена разговорная форма обращения: *Ну, мужики и говорят: «Иди ты, Петро, ты в плену был»*. [177, с. 433]. Отметим, что разговорные варианты *Пётра* и *Петро* встречаются в прямой речи, а нейтральное имя *Пётр* – преимущественно в несобственно-прямой речи и в словах автора.

Вариативность характерна и для передачи имени *Дзёмка*, которое употребляется только в прямой речи, однако «переводится» по-разному: – *А дзе твой Дзёмка?* – *раптам спытаў Рыбак*. [176, с. 422] → – *А где твой Дёмка?* – *вдруг спросил Рыбак*. [177, с. 466]; *Дзёмка там недзе горачка прымае, а з мяне тут знушчаюцца*. [176, с. 472] → – *Дёмка там где-то горюшко мыкает*. [177, с. 511]; *Значыць, ваш татка Дзёмка?* [176, с. 414] → – *Значит, ваш папка Демьян?* [177, с. 460]; – *А Дзёмка ў войску?* [176, с. 472] → – *А Демьян в войске*. [177, с. 511].

Женское имя *Малання* передано разными русскими формами у разных авторов. В. Козько, использовавший это имя в оригинале своей повести, при переводе на русский язык сохранил его с минимальными изменениями формы (*Малання* → *Маланья*): – *Прывячаю, Малання, прывячаю...* [178, с. 51]. → – *Привечаю, Маланья, привечаю...* [179, с. 429]. В оригинале произведения В. Быкова нет героини с подобным именем, однако при переводе автор заменил имя *Прося* на *Меланья* (русская форма имени): *Перед его глазами возникла картина недавнего человеческого жилья с немудрёным крестьянским уютом: хатой, сенями, большой закопчённой печью, возле которой хлопотала бабка Меланья – пекла драники.* [177, с. 409].

Нарушение единообразия перевода характерно и для некоторых географических наименований. Например, хороним *Беларусь* в русскоязычном переводе романа И. Мележа «*Мінскі напрамак*» имеет два варианта – *Беларусь* и *Белоруссия*: *І не адну яе, – усю Беларусь, здаецца, бачу.* [180, с. 120] → *Всю Беларусь, кажется, вижу.* [181, с. 132]; *Разам Украіну вызвалі і ў Беларусь разам пойдзем...* [180, с. 125] → *Вместе Украину освобождали и в Белоруссию вместе пойдём...* [181, с. 137].

Немногочисленная группа имён собственных при переводе подвергается замене другими, абсолютно не схожими единицами: *Vosip* → *Роман*, *Прося* → *Меланья*, *Пронька* → *Павка*, *Арон* → *Залман*. В первых трёх случаях это может быть связано со стремлением автора избежать неоднозначности в восприятии данных имён: *Vosip* ← Иосиф или Осип; *Прося* ← Евпраксия или Прасковья; *Пронька* ← Прокл, или Прокопий, или Протасий, или Прохор⁶. Имена *Роман*, *Меланья*, *Павка* (Павел) не обладают подобной вариативностью.

Имя *Арон*, употреблённое В. Быковым практически в традиционной еврейской форме (Аарон), изменено на распространённую среди евреев Восточной Европы форму имени Соломон (Шолом) – *Залман*, что свидетельствует о возможном стремлении автора-переводчика использовать имя, которое было бы свойственно именно территории, описываемой в произведении.

Кроме того, этот пример демонстрирует явление, сходное с процессом образования прозвищ и фамилий. Так, в оригинале упоминается *Арон крывы* – определение *крывы*, написанное со строчной буквы, располагается в постпозиции к имени и указывает на физический недостаток его носителя. В АП данного персонажа зовут *Кривой Залман* – определение *Кривой* здесь расположено в препозиции к имени и пишется с прописной буквы, что сближает его с прозвищем либо фамилией, сохраняя, однако, первоначальную семантику.

В одном из контекстов наблюдается перекрёстная замена отчества и фамилии (*Васіль Макаравіч Емельянаў* → *Василий Емельянович Макаров*). Фамилия *Золатаў*

⁶По материалам сайта www.ufolog.ru.

заменена автором-переводчиком на *Коготков, Бягун* – на *Тягук*. При переводе художественных текстов на русский язык также допущена замена ойконимов (названий поселений): *Сталінград* → *Калач*, *Вицебск* → *Борок*, *Азярышча* → *Гузаки*, *Уклеіна* → *Ульяновка*, *Прохараўка* → *Варваровка* и др.; гелонимов (названий болот): *Гнілое балота* → *Горелое болото*.

В процессе перевода используются **приёмы опущения и добавления** имён собственных. Например, в текстах АП отсутствуют русские аналоги фамилий *Токараў, Галаўня, Конкін, Губайдулін, Кац, Кахановіч*, поскольку эти персонажи там не упоминаются, как и некоторые топонимы (*Шчара, Эўропа*). Фамилии *Русских* и *Ковалевич* встречаются только в переводном варианте произведений. Дифференциация гелонимов проявляется путём добавления приложения *болото* (*Чорныя Выгары* → *болото Чёрные Выгоры*).

Некоторые единицы **подверглись переводу** и нашли точное отражение в АП на русский язык – способы выражения отношений «отец – дети», указание на профессиональную принадлежность персонажа, его социальное положение: *А Кульгай і ўсе кульганяты расстраляны*. [176, с. 456] → *А Кульгай и все кульганята расстреляны*. [177, с. 497]; *Піліпёнак малодшы*. [176, с. 473] → *Филиппёнок младший*. [177, с. 512]; *Ці не Мэера-шаўца ты дачка?* [176, с. 470] → *Это Меера-сапожника дочка*. [177, с. 509]; *Там адна – Арына-ўдава...* [180, с. 110] → *Там есть Арина-вдова*. [181, с. 122]; *А Кузьма-прымак памёр ужо*. [178, с. 51] → *А Кузьма-примак уже помер*. [179, с. 428].

Приложения *дзядзька, бабка, цётка* также во всех случаях переводятся соответственно: *дзядзька Ахрэм* → *дядька Ахрем*, *дзед Гуляй* → *дед Гуляй*, *цётка Праскоўя* → *тётка Прасковья*, *бабка Прося* → *баба Меланья*, *баба Зося* → *баба Зося*.

Переводу подвержены и ойкодомонимы (*Дом друку* → *Дом печати*), библионимы («*Без сям'і*» → «*Без семьи*»), геортонимы (*Першамай* → *Первомай*).

В процессе передачи ряда топонимов наблюдаются единичные явления, выходящие за пределы описанной выше системы трансформаций.

Например, урбанонимы, называющие немецкие географические объекты, подверглись вторичной передаче при переводе на русский язык. Так, архитектурный памятник в Берлине в немецком языке называется *Brandenburger Tor*, в белорусском тексте – *Брандэнбургскія вароты*, в русском – *Бранденбургские ворота*. При передаче данного имени собственного использован приём калькирования.

Название берлинского бульвара *Unter den Linden* буквально переводится «Под липами», однако в белорусском тексте оно передано путём транслитерации (*Унтэр дэн Ліндэн*), а в русском отличается ещё и написанием (*Унтер-ден-Линден*).

В ряде случаев при АП изменяются категория числа топонимов (*вёска Сучок* → *деревня Сучки*), отдельные буквы (*Капцова гара* → *Купцова гора*) и особенности написания (*Мар'іна Горка* → *Марына горка*).

Таким образом, при АП наблюдаются замена, опущение, добавление, видоизменение имён собственных. Когда автор самостоятельно переводит своё произведение, он вправе по своему усмотрению передавать их и даже менять.

2.1.4 Фразеология в авторских переводах

Адекватная передача смысла фразеологизмов является важным аспектом перевода как акта межъязыковой и межкультурной коммуникации. Фразеологию называют экономной хранильницей ментальности. В. Н. Телия считает, что «в образном содержании единиц фразеологического состава воплощено культурно-национальное мировидение» [143, с. 64]. Тем не менее, вопрос об особенностях перевода ФЕ с одного родственного языка на другой пока остается открытым.

Под фразеологическим эквивалентом понимается такая образная ФЕ в переводном языке, которая полностью соответствует по смыслу какому-то фразеологизму в исходном языке и основана на одном с ним образе [79, с. 57].

При переводе традиционно используются следующие способы передачи ФЕ: полный фразеологический эквивалент, частичный фразеологический эквивалент, аналог, калька, описательный перевод, комбинированный и лексемный перевод [86].

Однако передача фразеологизмов автором-переводчиком с одного близкого языка на другой имеет свои особенности, которым в большей степени соответствует классификация эквивалентов, предложенная Э. М. Солодухо [136, с. 22]:

- тождественные эквиваленты – характеризуются высокой степенью формального, семантического и стилистического сходства;
- прямые эквиваленты – образования с полным или частичным семантико-стилистическим совпадением исключительно лексического состава или / и грамматической структуры;
- синонимические эквиваленты – фразеологические единицы с мотивированной логико-семантической основой, характеризующиеся соотносительностью логико-образных и логико-фразеологических идей и стилистической характеристики.

В ходе исследования 235 пар фразеологических единиц⁷ были получены результаты, представленные в таблице 2.4.

Таблица 2.4. – Особенности передачи фразеологизмов при авторском переводе

Вид эквивалентов	Изменения	Примеры
1	2	3
Тождественные эквиваленты 137 пар	–	<i>Ну, пайшли куды вочы глядзяць.</i> [176, с. 456] → <i>Ну, пошёл куда глаза глядят.</i> [177, с. 497]; <i>Вочы палахлівыя, вочы баяцца, а рукі робяць.</i> [178, с. 121] → <i>Глаза пугливые, глаза боятся, а руки делают.</i> [179, с. 497]; <i>Падбілі два танкі, але і нам ханіла на арэхі.</i> [180, с. 58] → <i>Подбили два их танка, но и нам хватило на орехи.</i> [181, с. 63] и др.
Прямые эквиваленты 38 пар	Замещение слова	<i>А, думаю, паміраць, дык з музыкай, аперкотам яму знізу, пад дых.</i> [178, с. 69] → <i>А, думаю, пропадать, так с музыкой, и апперкотом ему снизу под дых.</i> [179, с. 446]; <i>Толькі мне нічога ў рот не ішло...</i> [180, с. 109] → <i>Только мне ничего в рот не лезло...</i> [181, с. 121] и др.
	Изменение видо-временной формы глагола	<i>Каб яна ясным агнём гарэла, тая Германія.</i> [176, с. 381] → <i>Чтоб она ясным огнём сгорела, та их Германия!</i> [177, с. 432]; <i>Праглынуў пан таго гада, і халера яго не бярэ <...>.</i> [178, с. 78] → <i>Проглотил пан того гада, и холера его не взяла <...>.</i> [179, с. 455] и др.
	Трансформация категории числа имени существительного	<i>Ён таксама выбіўся з сілы <...>.</i> [176, с. 399] → <i>Он также выбился из сил <...></i> [177, с. 447] и др.
Синонимичные эквиваленты 11 пар	Замена синонимичной ФЕ	<i>Ціхая, мілая сэру Слабада <...> была адціснута кудысьці за блізкі свет.</i> [178,

⁷Вслед за В. В. Виноградовым, Н. М. Шанским, В. Н. Телия и др. лингвистами мы придерживаемся широкого понимания объёма фразеологии.

Продолжение 2.4

1	2	3
Синонимичные эквиваленты 11 пар	Замена синонимичной ФЕ	с. 47] → <i>Привычная, милая сердцу Слобода <...> была вытеснена куда-то к чёрту на кулички.</i> [179, с. 425]; <i>Быў той злёгка, а мо і добра пад мухай.</i> [178, с. 77] → <i>Был он слегка, а может, и крепко на взводе.</i> [179, с. 454] и др.

Согласно данным таблицы 2.4, у **158** единиц присутствует фразеологический эквивалент в переводном тексте. Абсолютное большинство из них (**137**) точно воспроизводят форму и смысл исходного фразеологизма, то есть являются тождественными эквивалентами. Замена ФЕ прямым эквивалентом с трансформацией одного из компонентов наблюдается в **38** случаях. Замена фразеологизма синонимичным эквивалентом встречается в **11** примерах.

В **39** случаях наблюдалось отсутствие образности в одном из эквивалентов либо самого эквивалента. В **27** примерах происходило снятие образности в переводном варианте: *Калі Стась сказаў праўду, дык заўтра ўсім будзе крышка.* [176, с. 478] → *Если Стась сказал правду, так завтра их всех ожидает смерть.* [177, с. 517]; *Вера Канстанцінаўна ўсё ж увяла яму ў вушы, хто такі быў Маўглі.* [178, с. 44] → *Вера Константиновна объяснила всё же ему, кто такой был Маугли.* [179, с. 421] и др.

И лишь 12 случаев демонстрируют добавление образности при АП на русский язык: *Калі мы іх не падманем, не схітрым, яны нас закатуюць.* [176, с. 465] → *Если мы их не проведём, не схитрим, то через день-два нам каюк.* [177, с. 505]; *А такія хлопцы жылі ў дзетдоме, але на гэтую хвіліну зніклі.* [178, с. 35] → *А такие ребята были в детдоме, но сейчас они как сквозь землю провалились.* [179, с. 413] и др.

В одном из примеров совмещены явления снятия и добавления образности: *І ў яго маўклінасці гучала: чаго ты марудзіш, чаго ты душу матаеш, давай вучы, бі!* [178, с. 29] → *И в молчании его прочитывалось: чего тянешь резину, давай учи, бей.* [179, с. 406]. ФЕ *тянуть резину* имеет значение ‘медлить, мешкать’ и соответствует глаголу *марудзіць* в оригинале. Смысл выражения *мотать душу* – ‘нервировать, изматывать’ – не реализуется при переводе, искажая семантику предложения: опускается описание чувств говорящего.

Так как фразеология придаёт повествованию экспрессивность, то, заменяя ФЕ нейтральной лексикой, авторы стремились придать языку своих произведений бóльшую эмоциональную сдержанность.

Анализ фактического материала позволил обнаружить определённые закономерности трансформации ФЕ при АП на русский язык (таблица 2.5).

Таблица 2.5. – Особенности трансформации ФЕ при авторском переводе на русский язык

Особенность трансформации ФЕ	Примеры
Не воспроизводится расширение состава ФЕ в АП	<i>Мерацца з ім у дзетдоме быў здатны адзін толькі Андрэй Бурак, у якога, таксама як і ў Захар’і, скура ды косці ды вочы ад скваннасці навылупку <...>. [178, с. 77] → Тягаться с ним в детдоме мог только Андрей Бурак, у него тоже, как и у Захарьи, кожа да кости. [179, с. 454].</i>
Утрата редукции ФЕ в АП	<i>Ад брыгады, мусіць, цяпер рожкі ды ножкі. [180, с. 17] → От бригады, наверное, остались рожки да ножки. [181, с. 24]; А ўсё-ткі ты з тых, што смеця не любяць выносіць. [180, с. 126] → Да, ты явно из тех, кто не любит сор из избы выносить. [181, с. 139].</i>
Расширение состава ФЕ в АП	<i>Вось як рэзну зараз, дык і дух з цябе вон... [178, с. 4] → Вот как врежу сейчас, так и дух из тебя вон, кишки на телефон. [179, с. 379]; Стаяла лета, клопатны час, і трэба было ўжо думаць і пра восень, зіму, клапаціцца аб хлебе надзённым. [178, с. 115] → Стояло лето, страдная пора, и надо было смотреть в осень, в зиму, заботиться о хлебе насущном, о дне грядущем. [179, с. 491].</i>
Утрата рифмы при АП паремий	<i><...> ты... накшталт худога цяляткі, што падсунулі да добрай маткі <...>. [180, с. 63] → <...> ты... вроде худога телёнка, которого подсунули к хорошей матке <...>. [181, с. 68]; Папаліся ў нерат – ні ўзад, ні наперад... [180, с. 77] → Попались в нерат – ни назад, ни вперёд... [181, с. 82].</i>

Как видно из таблицы 2.5, при АП фразеологизмы часто заменяются нейтральной лексикой, что придаёт тексту бóльшую эмоциональную сдержанность. Большинство переводных ФЕ являются тождественными, прямыми либо синонимичными эквивалентами. Авторы-переводчики, как правило, не воспроизводят расширение состава фразем, а также редукцию исходных ФЕ, однако, в отличие от профессиональных переводчиков, могут расширять состав фразеологизмов. АП белорусских пословиц осуществляется покомпонентно и влечёт упразднение свойственной им рифмы.

2.1.5 Индекс языковых нарушений на лексико-фразеологическом уровне

Анализ лексико-фразеологических преобразований, наиболее характерных для АП с белорусского языка на русский, демонстрирует уникальное сочетание переводческих трансформаций, не вписывающихся ни в одну из известных классификаций. Эта особенность является фоном для проявления особенностей билингвальной языковой личности авторов-переводчиков.

Согласно нашим наблюдениям, лексические трансформации представлены в среднем в каждом предложении не менее одного раза. Таким образом, общее количество преобразований на лексико-фразеологическом уровне будет примерно равным количеству предложений. В данном исследовании рассматривалось около **15200** предложений, значит, таково и примерное среднее число лексико-фразеологических трансформаций.

Билингвальный аспект АП подразумевает учёт явлений интерференции и интеркаляции. По нашим подсчётам, в большей степени они характерны для собственно лексических эквивалентов (**149** примеров интерференции и **73** – интеркаляции) и свидетельствуют о превалирующем влиянии белорусского языка на русский в сознании исследуемых писателей.

Большинство лексем, ставших проявлением интерференции, относятся к следующим тематическим группам:

1) наименования лиц и родственных связей: *матка* (вместо *мать*), *жёнка* (вместо *жена*), *унучак* (вместо *внучок*), *хлопчик* (вместо *мальчик*) и др.;

2) названия построек и их частей: *хата* (вместо *дом, изба*), *стреха* (вместо *крыша*), *шибка* (вместо *стёклышко*) и др.;

3) пространственные и природные объекты: *шлях* (вместо *путь, дорога*), *ровнядь* (вместо *равнина*), *сонейко* (вместо *солнышко*) и др.;

4) растения и их части: *бульбочка* (вместо *картошечка*), *гарбуз* (вместо *тыква*), *хвоя* (вместо *сосна*), *комель* (вместо *ствол*) и др.;

5) птицы и насекомые: *голуб* (вместо *голубь*), *бусел* (вместо *аист*), *цвиркун* (вместо *сверчок*) и др.;

6) одежда: *одежа* (вместо *одежда*), *хусточка* (вместо *платочек*) и др.;

7) глаголы восприятия: *бачить* (вместо *видеть*), *слухать* (вместо *слушать*), *чуть* (вместо *слышать*) и др.;

8) глаголы, подразумевающие взаимодействие с другим лицом: *пужать* (вместо *пугать*), *назолять* (вместо *надоедать*), *догодить* (вместо *услужить*), *доглядать* (вместо *ухаживать*) и др.

Некоторые из перечисленных лексем (*матка, жёнка, хлопчик, хата, стреха, комель* и др.) встречаются в словарях русского языка [135], однако из словарных статей следует, что они часто стилистически маркированы и находятся не в активном словарном запасе носителей русского языка, а на его периферии. Например: *матка* – прост. ‘мать’; *хлопчик* – разг. ‘маленький мальчик’; *хата* – ‘крестьянский дом в украинской, белорусской и южнорусской деревне’; *стреха* – ‘крыша (избы, хаты)’; *шлях* – ‘на Украине и юге России: наезженная дорога, тракт’ и т. д.

Заметим, что в АП одного и того же фрагмента текста зафиксировано употребление двух вариантов перевода подобных слов: *У тым канцы могілак між камлёў сосен за пагорачкам відаць была крайняя хата вёскі <...>. [176, с. 409] → Между стволів сосен совсем недалеко была видна крайняя изба деревни <...>. [177, с. 455] – Трохі адышоўшыся ад дарогі, ён дабраўся на снезе да таўшчэзнага камля хвоі і ўпаў. [176, с. 408] → Порядком отойдя от дороги, он подобрался к толщенному **комлю** сосны и тяжело рухнул в снег. [177, с. 454]; А мо так і не скончыцца ноч, так і застаюцца назаўсёды на небе зоркі і месяц і вечна будуць біць у цемрадзі **цвыркуны**? [178, с. 146] → А может быть, так и не кончится, так и останутся на небе звёзды и луна, будут бить в темноте **сверчки**. [179, с. 520] – І забілі, заспявалі каля печы **цвыркуны**, што крадком пранеслі ў хату ў сваіх ватоўках старыя. [178, с. 126] → И забили, запели у печки **цвыркуны**, тайком пранесённые в фуфайках дедями в этот дом. [179, с. 502] и др. Значит, в русскоязычном тексте они воспринимаются не как общеупотребительные русские слова, а как средство создания колорита в художественном произведении, т. е. белорусизмы.*

Кроме того, несколько фактов интерференции имеют отклонения одновременно на нескольких уровнях:

- лексическом и морфологическом (белорусская лексема + звательная форма): **Таточку!**.. [179, с. 470]; – *Не назоляй мне, хлопча...* [179, с. 427];

- лексическом и словообразовательном (белорусская лексема + префикс, свойственный белорусскому языку (з-, пра-)): *Не, Ничипор, меня отсюда краном надо **здымаць*** [179, с. 431]; *А хаты так, **прабачайте**, люди добрые, из этого самого, из дерьма коровьего лепят...* [179, с. 500].

Интеркаляция представлена примерами, большинство которых входят в следующие группы:

1) наименования лиц, социальных и родственных связей: *маць* (вместо *маці*), *друзышча* (вместо *сябра*), *хазяйка* (вместо *гаспадыня*) и др.;

2) глаголы мышления и восприятия: *панімаеш* (вместо *разумееш*), *рашыў* (вместо *вырашыў*), *ждаць* (вместо *чакаць*), *відзіш* (вместо *бачыш*) и др.;

3) наречия образа и способа действия: *панятна* (вместо *зразумела*), *трудна* (вместо *цяжка*), *крэпка* (вместо *моцна*), *абязацельна* (вместо *абавязкова*), *чотка* (вместо *выразна*) и др.;

4) этикетные междометия: *прывет* (вместо *прывітанне*), *здрастуй* (вместо *добры дзень*), *звініце* (вместо *прабачце*) и др.

Один пример интеркаляции характеризуется нарушениями на нескольких уровнях – лексическом и морфологическом (русская лексема + суффикс **-а**, характерный для русских деепричастий): *Сматра каму вораг...* [176, с. 378].

Обращают на себя внимание случаи сосуществования интерференции и интеркаляции на лексическом уровне внутри одной пары языковых эквивалентов (*Ну, бывай, дружышча!* [180, с. 40] → *Ну, бывай, дружище!* [181, с. 45]; *Панімаеш, там хата, клямка на шчэпачцы.* [176, с. 411] → *Понимаешь, там хата, клямка на щепочке.* [177, с. 457] и др.). В приведённых примерах лексема *бывай* (русс. *прощай*), *клямка* (русс. *щеколда*) являются проявлениями интерференции, а *дружышча* (бел. *сябра*), *панімаеш* (бел. *разумееш*) – проявлениями интеркаляции.

При передаче имён собственных преобладает интерференция. К проявлениям интерференции относятся примеры нарушения условий субституции при передаче имён *Воля* (*Волька*) и *Гануля* (*Ганка*) с приставными «в» и «г» в русском варианте: *Велела мальчику, старшему своему: – Андрей, стань с той стороны, возьми Вольку за руку.* [181, с. 9]; *И он, и тётка Гануля собрали его как сына, которого у них не было.* [177, с. 436]; *Одна там, Ганка Филимонова, такая невидная женщина, на пахоте просто рекорды ставит.* [181, с. 121].

Отдельные примеры также иллюстрируют употребление белорусского варианта имени вместо русского аналога (*Миколай Миколаевич* – вместо *Николай Николаевич*, *Сьмон* – вместо *Симон*): *А имя напишите по моему сыну, Миколай. Миколай Миколаевич, царство ему небесное.* [179, с. 390]; *Сьмона горбатого знал?* [179, с. 451].

Показательно отсутствие ожидаемой трансформации имени *Васіль*. Было рассмотрено **37** пар предложений с данным именем в оригинале и переводе. Белорусский текст демонстрирует расхождение именных форм: *Васіль* – **17** словоупотреблений, *Вася* – **20** словоупотреблений. В переводе на русский язык во всех случаях встречается белорусская форма имени – *Василь*: *Аддаўшы ёй паперы, Васіль выбег з хаты.* [180, с. 140] → *С бумагами под мышкой Василь выбежал из хаты.* [181, с. 154]; *Вася ў гэты вечар быў узрушаны.* [180, с. 137] → *Василь в этот день был взволнован.* [181, с. 149]; *Вася заўважыў гэта, і ў горле яго раптам стала суха і горка.* [180, с. 142] → *Василь заметил это, и у него в горле вдруг стало сухо.* [181, с. 156].

Анализ передачи именных форм, используемых при обращении в текстовых оригиналах, демонстрирует характерные для современного белорусского языка

формы И. п. (*Якаў, Якавачка, Пётр*) или разговорную форму (*Вась*). Несмотря на то что данные варианты свойственны и русскому языку, в ряде случаев авторы-переводчики заменяют их формами на -о (*Яковочко, Петро*): – *Не губи, Яков! – взмолился Гречка. – Сжалься, Яковочко!* [181, с. 98]; *Ну, мужики и говорят: «Иди ты, Петро, ты в плену был».* [177, с. 433]. Так как звательные формы в художественной прозе принято относить к украинизмам [67, с. 94] (белорусизмам), их употребление, наряду с другими трансформациями имён собственных, где преимущество отдаётся белорусским формам имени в русскоязычном тексте, в условиях АП может рассматриваться как проявление черт билингвальной языковой личности автора-переводчика.

Интеркаляция, как уже отмечалось, менее распространена и представлена следующими примерами. Название парка имени Челюскинцев в белорусском тексте утратило аканье, сблизившись с русским произносительным вариантом: *Ён добра ведае тыя апошнія кіламетры, дзе магістраль праходзіць паўз сасновую густа-зялёную сцяну парку імя Чэлюскінцаў.* [180, с. 118] (не Чалюскінцаў). Кроме того, гемероним «Правда» (название газеты) употребляется в русском варианте как в оригинальном тексте, так и в переводном.

В ходе сравнения фразеологических эквивалентов также обнаружены факты интерференции: «**Нема дурных** лезць в петлю», – *подумал Гречка, чувствуя в себе прилив упорства, злобы.* [181, с. 27]; *А Стась Дзыбатый, тот самый Стась Дзыбатый, который и муху абминал, ударил-таки его, мазнул по лицу ладонью, как мокрой половой тряпкой.* [179, с. 518]; *Я не я и хата не мая?* [179, с. 492]. Свидетельством интерференционного характера данных нарушений является тот факт, что все три фразеологизма имеют прямые соответствия в русском языке: *няма дурных – дураков нет; муху абмінаў – мухи не обидит; я не я і хата не мая – я не я, (и) лошадь не моя (и я не извозчик).*

На стилистическом уровне случаев интерференции выявлено не было. К проявлениям интеркаляции следует отнести явления (41 случай), когда при наличии двух вариантов перевода на белорусский язык предпочтение отдаётся слову, созвучному русскому эквиваленту. Например, *шасэ* (вместо *шаша*) → *шоссе*; *знаць* (вместо *ведаць*) → *знать*; *астацца* (вместо *застацца*) → *остаться*; *любіць* (вместо *кахаць*) → *любить*; *лапата* (вместо *рыдлёўка*) → *лопата*; *многа* (вместо *шмат*) → *много*; *прадаўжаць* (вместо *працягваць*) → *продолжать* и т. д.

Несмотря на то что белорусские корреляты в большинстве случаев не являются стилистически маркированными, их сходство с русскими лексемами обуславливает снижение стиля предложения, в котором они употреблены. Ср.:

Раўнівы які! І чаго ён хмурыцца з-за камбрыга, які ёй ніяк не падабаецца. І ўслед за гэтым да сэрца падступае цёплая хваля: раўнуе – значыцца, любіць! Каб не любіў, не злаваў, не раўнаваў бы. [180, с. 74]. → *Ревнивый какой! И чего он хмурится из-за комбрига, который ей совсем не нравится? А вслед за этим к*

сердцу подступает тёплая волна: ревнует, – значит, любит! Если б не любил, не злился, не ревновал бы. [181, с. 79].

Совмещение двух вариантов лексемы в одном предложении позволяет усилить его эмоциональность и при этом избежать тавтологии. В переводе на русский язык подобное совмещение невозможно, что приводит к опущению одного из глаголов: – *І буду любіць, буду кахаць* <...>. [178, с. 74] → *И буду любить, буду.* [179, с. 451].

Количественное соотношение интерференционных и интеркаляционных нарушений на лексико-фразеологическом уровне представлено на рисунке 2.2.

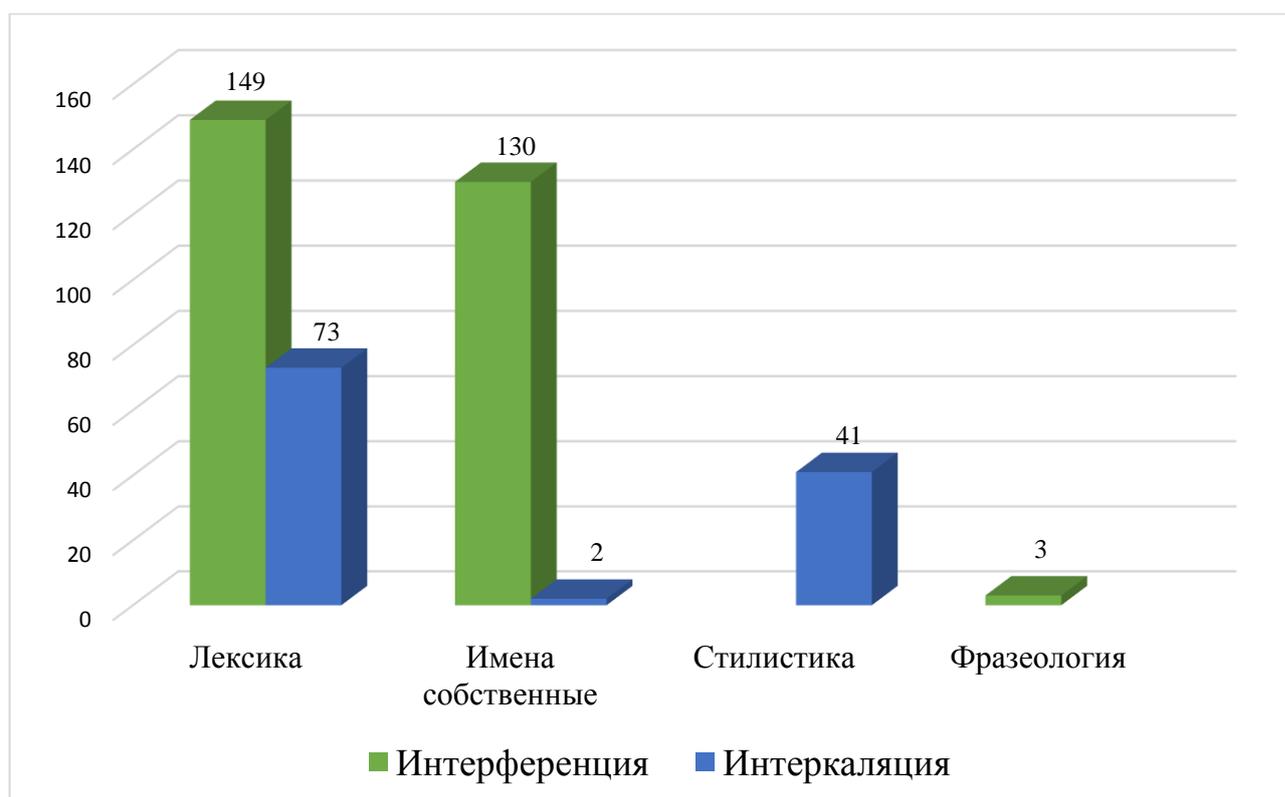

Рисунок 2.2. – Нарушения лексико-фразеологических норм в исходном тексте и авторском переводе

Очередной этап проводимого нами анализа был связан с определением степени спонтанности речевого отклонения (таблица 2.6), которое может быть средством речевой характеристики художественного персонажа, т. е. оказываться намеренным. Однако если нарушение зафиксировано в авторской речи, то велика вероятность неосознанного проявления билингвальной языковой личности писателя.

Таблица 2.6. – Степень спонтанности речевого отклонения на лексико-фразеологическом уровне

Единицы языка	Интерференция		Интеркаляция	
	Прямая речь / несобственно-прямая речь	Слова автора	Прямая речь / несобственно-прямая речь	Слова автора
Лексика	89	60	58	15
Имена собственные	11	119	–	2
Фразеология	2	1	–	–
Стилистика	–	–	17	24
Всего	102	180	75	41

Согласно произведённым подсчётам, на лексико-фразеологическом уровне интерференция более характерна для слов автора, а интеркаляция – для прямой и несобственно-прямой речи. Следовательно, можно говорить о подсознательном влиянии белорусского языка на русский вследствие билингвизма авторов-переводчиков, а также о намеренном отклонении от норм белорусского языка с целью речевой характеристики персонажей.

Показателем степени взаимодействия и взаимовлияния белорусского и русского языков при АП может стать **индекс языковых нарушений на лексико-фразеологическом уровне**, представляющий собой сумму индексов интерференционных и интеркаляционных трансформаций. Индекс языковых нарушений на лексико-фразеологическом уровне является результатом процентного соотношения количества примеров интерференции и интеркаляции в лексических, фразеологических и стилистических единицах и общего числа трансформаций на этом уровне.

Индекс интерференционных трансформаций можно выразить в виде формулы (2.1):

$$\frac{If(L)}{T(L)} \times 100\% \quad (2.1)$$

где $If(L)$ – количество примеров интерференции на лексико-фразеологическом уровне,

$T(L)$ – общее количество лексико-фразеологических трансформаций.

По аналогичной формуле (2.2) высчитывается **индекс интеркаляционных трансформаций**:

$$\frac{I_k(L)}{T(L)} \times 100\% \quad (2.2)$$

где $I_k(L)$ – количество примеров интеркаляции на лексико-фразеологическом уровне,

$T(L)$ – общее количество лексико-фразеологических трансформаций.

Таким образом, **индекс языковых нарушений на лексико-фразеологическом уровне** представлен формулой (2.3):

$$\frac{I_f(L) + I_k(L)}{T(L)} \times 100\% \quad (2.3)$$

Подставив в формулы (2.1), (2.2), (2.3) количественные показатели, получаем следующие результаты.

Индекс интерференционных трансформаций равен **1,86%**:

$$\frac{282}{15200} \times 100\%$$

Индекс интеркаляционных трансформаций равен **0,74%**:

$$\frac{111}{15200} \times 100\%$$

Индекс языковых нарушений на лексико-фразеологическом уровне равен **2,6%**:

$$\frac{282 + 111}{15200} \times 100\%$$

Согласно индексу языковых нарушений, в среднем 3 из 100 преобразований лексико-фразеологических единиц, выполненных автором-переводчиком, влекут определённые ошибки, обусловленные его билингвальной языковой личностью. Тем не менее, полученные данные не позволяют с уверенностью говорить о намеренном или спонтанном характере данных нарушений.

В теории коммуникации принято считать, что интерференция обычно ведёт к коммуникативным неудачам или даже провалам. Однако наши наблюдения показали, что при взаимодействии близкородственных языков интерференция и интеркаляция не имеют таких последствий, а в случаях АП способствуют межкультурной интеграции в рамках одного художественного произведения.

2.2 Словообразовательные и морфологические трансформации при авторском переводе

Преобразования на словообразовательном и морфологическом уровнях находятся на втором месте по количеству эквивалентов после лексико-фразеологических трансформаций – **4189** пар. Это объясняется достаточно широким распространением причастных и деепричастных конструкций, перевод которых специфичен в силу особенностей их употребления в белорусском и русском языках. Трансформации причастных и деепричастных конструкций представлены в **3361** паре эквивалентов. Преобразования видо-временных форм глаголов наблюдаются в **355** случаях. В **289** парах эквивалентов трансформации связаны с переводом композитных образований. Грамматическая категория числа имени существительного подвергается трансформации в **184** случаях.

2.2.1 Причастные и деепричастные конструкции в авторских переводах

Способы передачи особых глагольных форм при переводе являются одной из наиболее изучаемых проблем в переводоведении. Современные теоретики и практики перевода, а также методисты и преподаватели иностранных языков озабочены поиском закономерностей перевода на русский язык испанских причастных оборотов [144], английских причастий и причастных оборотов [150]; определением способов перевода русских деепричастных конструкций на английский [102], китайский [93], персидский [57], шведский [66] языки; изучением сербских эквивалентов русских причастий [88], русских эквивалентов турецких деепричастий [69]; сравнением особенностей функционирования причастий и деепричастий в русском и немецком [15], а также деепричастных оборотов в русском и болгарском [44] языках и т. д.

Интерес к сравнению русских и белорусских причастий и деепричастий (в т. ч. и при переводе) неизменен в отечественном языкознании [43; 85; 104] и обусловлен особой взаимосвязью этих конструкций в родственных языках. Можно сказать, что именно в данных морфологических единицах белорусско-русский билингвизм проявляется наиболее выразительно. В первую очередь это касается белорусских причастий несовершенного вида настоящего времени с суффиксами **-уч-** (**-юч-**), **-ач-** (**-яч-**), которые омонимичны деепричастиям

совершенного вида и потому считаются отклонением от литературной нормы, а также причастий несовершенного вида прошедшего времени с суффиксами **-ўш-**, **-ш-**, образованных по модели русского языка [104, с. 132]: *ідучы (идуций) – ідучы (идя), гаворачы (говорящий) – гаворачы (говоря), прыехаўшы (приехавший) – прыехаўшы (приехав), уцалеўшы (уцелевший) – уцалеўшы (уцелев)* и др.

Корпус белорусских предложений, содержащих причастия, и их эквивалентов в АП составил **1632** пары. В ходе анализа обнаружено, что при АП причастия, в том числе адъективированные, чаще всего передаются с помощью аналогичных конструкций, т. е. наблюдается нулевая трансформация (**746** примеров). Однако распространены случаи замены (**643** примера), добавления (**160** примеров), перестановки (**100** примеров) и опущения (**76** примеров) причастий и причастных оборотов (данные в процентах представлены в виде рисунка 2.3).

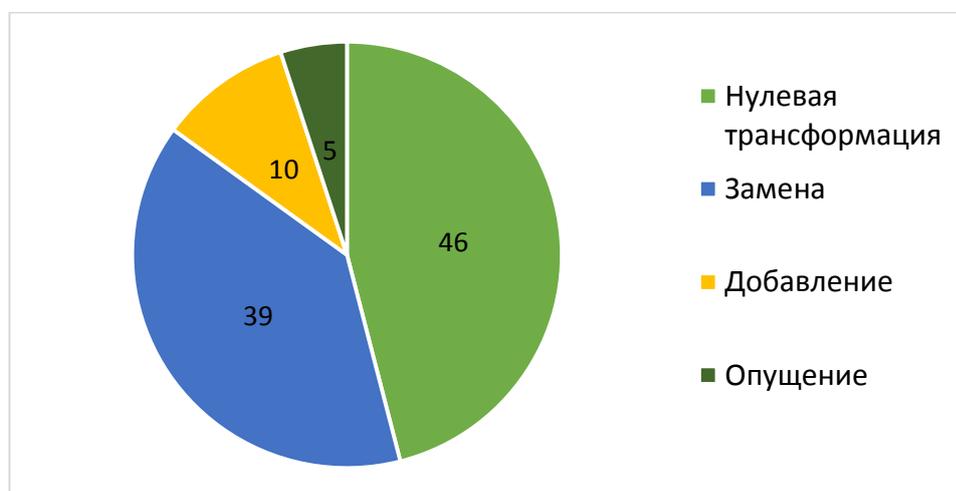

Рисунок 2.3. – Типы трансформации причастий и причастных оборотов при авторском переводе

Наиболее распространёнными видами замены являются преобразования придаточных частей с союзными словами **які** и **што** в причастные обороты. Это согласуется с общеязыковыми нормами, согласно которым в белорусском языке определительная придаточная часть сложноподчиненного предложения выражает значение, свойственное русскому причастному обороту [43, с. 44]. Реже эти функции выполняет придаточная часть иного типа (в сумме – **12** примеров). Обратная замена причастного оборота придаточной частью предложения происходит лишь в **1** случае.

Замена прилагательных и глаголов причастиями используется для усложнения семантики лексемы путём добавления дополнительного значения процессуальности (при замене прилагательных) либо признака (при замене глаголов). В случаях замены причастий прилагательными и глаголами указанные дополнительные значения опускаются в силу своей избыточности.

Взаимозамены причастий существительными либо наречиями (чаще однокоренными) также типичны для взаимодействия белорусского и русского языков в процессе перевода. Если причастие не несёт существенной смысловой нагрузки, то оно опускается, заменяясь субстантивной конструкцией. Однако при АП чаще наблюдается замена субстантивной конструкции причастием либо причастным оборотом, что придаёт высказыванию событийно-описательный характер.

Наконец, для АП характерно преобразование одиночных причастий в причастный оборот с целью конкретизации повествования, придания ему детальности. При обратной замене авторы-переводчики устраняют детали, не существенные для семантики предложения, что приводит к компрессии текста.

Модели перевода, в которых представлена замена, систематизированы в таблице 2.7.

Таблица 2.7. – Модели перевода конструкций с причастиями и причастными оборотами

Модель перевода	Примеры
1	2
Даданая частка сказа з саюзным словам <i>які</i> → причастный оборот	<u>239 примеров</u> <i>Сапраўды, фашызм – машына, якая здратавала сваімі калясьмі паўсвету і бадай усю Эўропу, хіба можна ўвесь час бегчы ёй наярэймы і размахваць голымі рукамі?</i> [176, с. 467] → Действительно, фашизм – машина, подмявшая под свои колёса полмира , разве можно, стоя перед ней, размахивать голыми руками? [177, с. 506] и др.
Даданая частка сказа з саюзным словам <i>што</i> → причастный оборот	<u>143 примера</u> <i>У радах гітлераўцаў, што ішлі за ім, пачалося замяшанне.</i> [180, с. 7] → В рядах карателей, шедших за ним , было замешательство. [181, с. 14] и др.
Прыметнік → причастие	<u>79 примеров</u> <i>І яны разышліся, задаволеныя, бадзёрыя ад сну ў халадку будана.</i> [178, с.44–45] → И они разошлись, довольные друг другом и освежённые сном в холодке шалаша. [179, с. 422] и др.

Продолжение 2.7

1	2
Дзеяслоў → причастие	<p style="text-align: center;"><u>46 примеров</u></p> <p><i>Але, падумаўшы, ён адкінуў тыя здагадкі – усе яны не надта стасаваліся да гаротнага жыцця гэтай жанчыны. [176, с. 422] → Но, поразмыслив, он отбросил все эти домыслы, явно не вязавшиеся с нищенским видом этой женщины. [177, с. 466] и др.</i></p>
Дзеепрыметнік (у тым ліку ад’ектываваны) → прилагательное	<p style="text-align: center;"><u>29 примеров</u></p> <p><i>Ён уладкаваўся на падаконніку, за прапыленай парцьерай. [178, с. 83] → Он устроился на подоконнике у пыльной портьеры <...>. [179, с. 460] и др.</i></p>
Субстантыўная канструкцыя → причастие (в т. ч. ад’ективіраванное)	<p style="text-align: center;"><u>20 примеров</u></p> <p><i>Той здзіўлена расплюшчыў вочы – шырокія бялкі ў вачніцах бліснулі адбіткам святла з акеца. [176, с. 464–465] → Тот удивленно раскрыл глаза – широкие белки в глазницах тускло блеснули отражённым светом. [177, с. 505] и др.</i></p>
Субстантыўная канструкцыя → причастный оборот	<p style="text-align: center;"><u>11 примеров</u></p> <p><i>Вочкі следчага са злосцю, здаецца, пранізали Сотнікава. [176, с. 447] → Глаза следователя, вдруг вспыхнувшие злобой, кажется, пронзили его насквозь. [177, с. 489] и др.</i></p>
Дзеепрыметнік → глагол	<p style="text-align: center;"><u>9 примеров</u></p> <p><i>Ідзе, таму ён, Лецечка, і ўбірае цяпер у сябе чужы боль і болькі, набрыньвае чужымі болям і болькамі, таму і валочыць кожны дзень такія цяжкія, набрынялыя вадой ногі на плошчу, на суд, на лобнае месца. [178, с. 118] → Грядёт, потому он, Летечка, сейчас и впитывает в себя чужие боли и больки, ходит каждый день на суд, на площадь, на лобное место, хотя ноги его уже отекли, налились водой и отказываются служить. [179, с. 494] и др.</i></p>
Адзіночны дзеепрыметнік (у тым ліку ад’ектываваны) → причастный оборот	<p style="text-align: center;"><u>9 примеров</u></p> <p><i>Гэта быў высокі плячысты мужчына з густымі, нібы вылінялымі брывамі і разумнымі запалымі вачыма, якія ўсё прыкмячалі. [180, с. 69] → Это был высокий,</i></p>

Продолжение 2.7

1	2
	<i>плечистый мужчина с рыжеватыми, будто выгоревшими на солнце бровями и умным, настороженным взглядом.</i> [181, с. 74] и др.
Дзеепрыметнік (у тым ліку ад'ектываваны) → субстантивная конструкция	<u>7 примеров</u> <i>Сотнікаў ненавідзеў катой і з гідлівасцю адхіснуўся, амаль напалоханы.</i> [176, с. 461] → <i>Сотников терпеть не мог кошек и почти в испуге отпрянул от сруба, медленно приходя в себя.</i> [177, с. 502] и др.
Дзеепрыметны зварот → субстантивная конструкция	<u>6 примеров</u> <i>На змену ім да ўзгорка пад'ехала цугам некалькі ваенных грузавікоў, напоўненых салдатамі.</i> [180, с. 81] → <i>На смену им к холму цепочкой подъехало несколько военных грузовиков с солдатами.</i> [181, с. 87] и др.
Дзеепрыметнік (у тым ліку ад'ектываваны) → наречие (дзеепрыметнік + назоўнік → наречие)	<u>6 примеров</u> – <i>Каго? Шабуню?.. Туравец, устрывожаны, прытрымліваючы параненую руку, пабег да Шабуні.</i> [180, с. 9] → – <i>Кого? – тревожно встrepенулся он. – Шабуню?.. Придерживая раненую руку, Туровец побежал к Шабуне.</i> [181, с. 16] и др.
Прыслоўе → причастие (причастие (в т. ч. ад'ективірованнае) + существительное)	<u>4 примера</u> <i>Рыбак няўцямна зірнуў на яго збалелы, страшны, як у мерцвяка, твар <...>.</i> [176, с. 490] → <i>Рыбак невидящим взглядом скользя по его бледному, ещё больше осунувшемуся за ночь лицу <...>.</i> [177, с. 526] и др.
Даданая частка сказа з саюзным словам <i>хто</i> → конструкция с причастным оборотом	<u>4 примера</u> <i>Ад гэтай плошчы і навадзе ён знявечаных, расстраляных, спаленых, тых, хто не дажыў да гэтага светлага, ужо зямнога, суда.</i> [178, с. 118] → <i>С этой площади и поведёт он увечных, растерзанных, расстрелянных, сожжѐнных, не доживших до этого светлого дня земного суда.</i> [179, с. 494] и др.
Даданая частка сказа з саюзным словам <i>як</i> → конструкция с причастным оборотом	<u>3 примера</u> <i>Трываючы дым, які еў вочы, ён толькі глядзеў, як ішлі на той бок нямецкія танкі, ужо добра відаць былі на іхніх бартах лічбы і чорна-белыя, выбітыя на трафарэту крыжы.</i> [176, с. 368] → <i>Потрясѐнный</i>

Продолжение 2.7

1	2
	<p><i>неожиданностью разгрома Сотников минуту осоловело смотрел на ползущие за дорогой немецкие танки, их номера и чёрно-белые, выбитые по трафарету кресты.</i> [177, с. 420] и др.</p>
<p>Дзееприметны зварот → одиночное причастие (в т. ч. адъективированное)</p>	<p><u>3 примера</u> <i>У завалочанай туманам хваравітай свядомасці хутка адпльвалі ўдалячынь рэшткі тутэйшай явы, з якой хвіліну яшчэ гучалі пераблытанья галасы Рыбака і дзяўчынкi.</i> [176, с. 414] → <i>В замутнённом сознании быстро отдалялись смешивающиеся голоса Рыбака и девочки.</i> [177, с. 460] и др.</p>
<p>Даданая частка сказа з саюзным словам <i>дзе</i> → конструкция с причастным оборотом</p>	<p><u>2 примера</u> <i>Пад чорнымі ялінамі, дзе веце нізка прыпадала да зямлі, камяк гэты поўз.</i> [178, с. 99] → <i>Под чёрными елями с низко пригнувшимися к земле ветвями этот ком полз.</i> [179, с. 475] и др.</p>
<p>Даданая частка сказа з саюзным словам <i>калі</i> → причастный оборот</p>	<p><u>1 пример</u> <i>Ён выйшаў з кусцікаў і па-над ніўкай канпель, нікім не заўважаны, падышоў да яе, калі яна засяроджана корпалася ў баразне.</i> [176, с. 380] → <i>Он выбрался из мокрого кустарника и вдоль полоски рослой конопли, никем не замеченный, близко подошёл к ней, сосредоточенно колупавшейся в грядках.</i> [177, с. 431].</p>
<p>Даданая частка сказа з саюзам <i>пакуль</i> → конструкция с причастным оборотом</p>	<p><u>1 пример</u> <i>Сотнікаў пасунуўся на вышэйшае і зноў узяў пад абстрэл немцаў, пакуль Рыбак двойчы не адолеў якіх сто метраў, што аддзялялі іх ад Гасціновіча.</i> [176, с. 438] → <i>Сотников выдвинулся повыше и опять взял под обстрел немцев, прикрывая тем Рыбака, благополучно проползшего сотню метров, отделявшую их от Гостиновича.</i> [177, с. 481].</p>
<p>Даданая частка сказа з саюзам <i>каб</i> → причастный оборот</p>	<p><u>1 пример</u> <i>Захар’я сам учора выбраў на могілках месца для Лецечкі, на пагорку, каб прадувалася вятрамі.</i> [178, с. 150] → <i>Захарья сам вчера выбрал на кладбище место для Летечки на взгорке, обдуваемом ветрами.</i> [179, с. 523].</p>

Окончание 2.7

1	2
Канструкцыя з дзеепрыметным зваротам → придаточная часть предложения с союзом <i>как</i>	<u>1 пример</u> <i>Ён паглядзеў услед яе стройнай постаці, адчуваючы сябе таксама накрыўджаным. [180, с. 28] → Он посмотрел вслед ей, удаляющейся гордой походкой, и почувствовал, как к гневу его начало примешиваться сожаление. [181, с. 34].</i>

Преобладающий характер замены других языковых единиц причастиями и причастными оборотами (**554** случая против **77**) подчёркивает значительно бóльшую употребительность причастных конструкций в русском языке по сравнению с белорусским.

Замена причастных конструкций часто сопровождается **изменением порядка следования слов в предложении, перестановкой**. В большей степени это характерно для замены придаточной определительной части предложения с союзными словами *які* и *што* причастными оборотами (**52** и **41** случай соответственно). Такая трансформация объясняется возможностью изменять положение причастной конструкции по отношению к определяемому слову, тогда как придаточная часть находится в постпозиции: *Ён атрос **пясок, які насыпаўся за каўнер, прачысціў вушы**...* [180, с. 5] → *Он отряхнул **насыпавшийся за ворот песок, прочистил уши**...* [181, с. 12]; *Партноў зазірнуў у **паперку, што ляжала перад ім на стале***. [176, с. 459] → *Портнов заглянул в **лежащую перед ним бумажку***. [177, с. 499] и др.

Перестановка причастных конструкций при отсутствии других типов трансформации наблюдается в **7** примерах, в **4** из которых причастие прошедшего времени перемещается в препозицию по отношению к определяемому слову: *Ён даў знак, і салдаты, як **сабакі, спушчаныя з ланцуга, кінуліся да жанчыны, пацягнулі яе з натоўпу***. [180, с. 84] → *Он дал знак, и солдаты, как **спущенные с цепи собаки, бросились к женщине, вырвали её из толпы***. [181, с. 91] и др.

Постановка причастия прошедшего времени после определяемого слова также встречается в **3** случаях: *І ўсё гэта як імгненна з’явілася, як імгненна **прымроілася, так імгненна і знікла, засталася толькі музыка, прайгравалася ў вушах незнаёмая, ніколі не чутая ім музыка, замілоўвала і расчульвала***. [178, с. 145] → *Но как прозвучал мгновенно этот голос, так мгновенно и пропал, только **музыка проигрывалась в ушах, незнакомая, никогда не слышанная***. [179, с. 518] и др.

Отметим, что **добавление** причастных конструкций при АП встречается почти вдвое чаще их опущения, хотя оба этих типа трансформации являются

особенностью АП, поскольку изменяют структуру и семантику предложений исходного текста. Добавление причастий – один из способов привнесения в повествование новых аспектов действия и характеристики персонажа: *На парозе з'явилася галянастая постаць Стася ў знаёмым бушлаце, з вінтоўкай за плячом.* [176, с. 454] → *В сиянии этого света на пороге появилась поджарая фигура Стася в **подпоясанном** армейском бушлате, с **закинутым** за плечо карабином.* [177, с. 495] и др.

Опущение причастной конструкции допускается авторами-переводчиками в случае её избыточности либо незначительности и способствует компрессии текста: *На мураваных слупах яшчэ захаваліся часткова літары з прозвішчам пана, часткова яны **сцёрты** часам, часткова **падзяўбаны**, пасечаны сякерамі, штыкамі і прыкладамі вінтовак.* [178, с. 67] → *На каменных столбах сохранилась ещё трудночитаемая, иссечённая временем и, наверное, мужицкими топорами, прикладами и пулями фамилия пана.* [179, с. 444] и др.

Н. Галь, одна из создателей русской школы художественного перевода, писала, что «в литературе причастиями и деепричастиями надо пользоваться с оглядкой», поскольку «два-три деепричастия в одной фразе, особенно в сочетании с причастиями, почти всегда тяжелы и неестественны, затрудняют восприятие» [41, с. 35]. Можно предположить, что при наличии подобных «нагромождений» в исходном тексте авторы-переводчики будут стремиться устранить их при переводе. Однако высказанное предположение не всегда подтверждается данными, полученными в ходе анализа текстового материала. Обратимся к примерам. Так, в нижеследующем предложении содержится **5** причастий:

*Базарная плошча – гэта таксама пачатак дарог, вытокі, вусці мноства рачулак, на якіх ходзяць машыны і падводы, прыбывае і ўбывае вясковы люд: хуткія на нагу дзядкі ў кашулях навывпуск, **паднярэзаных** напружкай, з **перакінутымі** цераз плячо на кійку ботамі ці чаравікамі; усмешлівыя маладухі, якія крыху з пагардай, а крыху і са спалохам прыглядаюцца да ўсяго гарадскога; шустравокія хлапчукі ў цяжкіх ад дарожнага пылу суконных касцюмах, калашыны якіх ашчадна ці то **падкасаны**, ці то, наадварот, **запраўлены** ў шкарпэткамі; хлопцы, што ўжо ваўсю жаніхаюцца, злёгка з перасыццю, у **расхлістаных** кашулях, праз якія так і ломяцца загарэлыя і магутныя грудзі, хлопцы гэтыя глядзяць на горад і ўсё роўна як прыцэньваюцца да яго, прымяраюць яго да сябе.* [178, с. 46].

В переводном эквиваленте насчитывается уже **9** причастий:

*Базарная площадь – это тоже начало дорог, истоки, устья множества стёжек-речушек, по которым ходят машины и подводы, прибывает и убывает деревенский люд. Лёгкие на ногу дедки в рубашках навывпуск, **подпоясанные** ремешками, с сапогами и ботинками, **перекинутыми** через плечо; смешливые молодайки, с лёгким презрением и немного с испугом **рассматривающие** всё городское; шустроглазые пацаны в суконных **пропыленных** костюмах, широкие*

штанины которых бережно заправлены в носки; свадебного возраста парни, подчёркнуто небрежные, в расхристанных, обнажающих мощную загорелую грудь рубашках, со взглядом, как бы приценивающимся ко всему, примеривающим к себе город. [179, с. 423–424].

С целью установления основных моделей, по которым строится перевод, затрагивающий деепричастные конструкции, был проведён анализ **1729** пар эквивалентов. Нулевая трансформация обнаружена в **1048** примерах. Замена характерна для **465** примеров, добавление – для **137**, опущение – для **79**, перестановка – для **36** (данные в процентах представлены на рисунке 2.4).

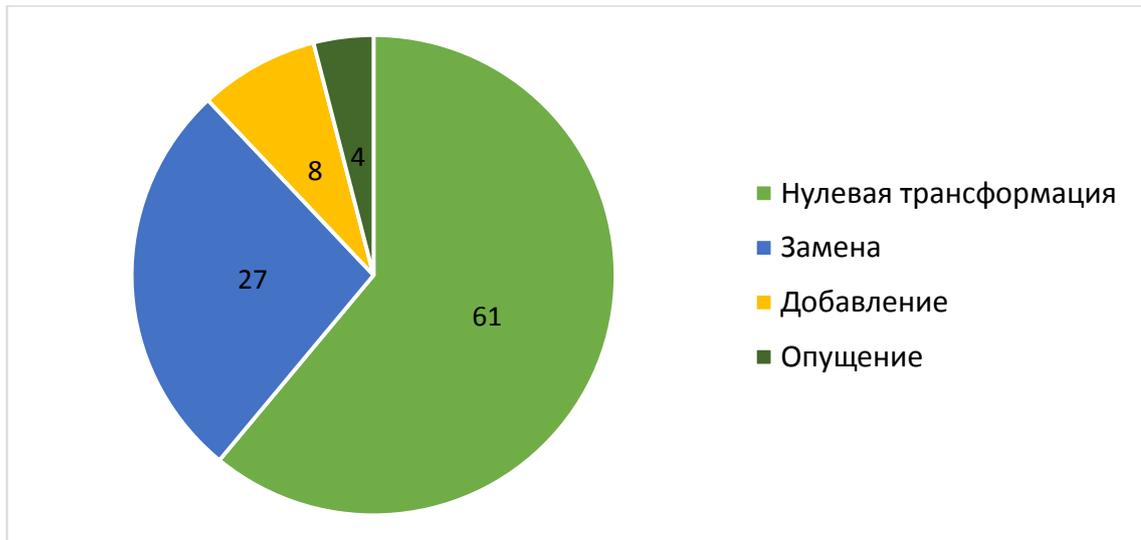

Рисунок 2.4. – Типы трансформации деепричастий и деепричастных оборотов при авторском переводе

Замена является наиболее распространённым типом трансформации деепричастий и деепричастных оборотов и строится по моделям, представленным в таблице 2.8.

Таблица 2.8. – Модели перевода конструкций с деепричастиями и деепричастными оборотами

Модель перевода	Примеры
1	2
Дзяслоў → деепричастие	<p><u>208 примеров</u></p> <p><i>Цяпер Рыбак трохі супакоіўся і надумаў, што, можа, яшчэ як-колечы вывернуцца.</i> [176, с. 400] → <i>Теперь Рыбак понемногу стал успокаиваться, подумав, что, может, ещё как-либо удастся вывернуться.</i> [177, с. 448] и др.</p>

Продолжение 2.8

1	2
Дзеепрыслоўе → глагол	<p style="text-align: center;"><u>90</u> <u>прымераў</u></p> <p><i>Карыстаючыся прыпынкам, іншыя партызаны таксама адначывалі ды ціха перагаворваліся. [180, с. 13] → Воспользовались остановкой и другие партизаны: тожэ рассяжывалісь, где удалось, тихо перагаварывалісь. [181, с. 19] и др.</i></p>
Прыслоўе → деепричастие	<p style="text-align: center;"><u>22</u> <u>прымера</u></p> <p><i>Але, паглядзіўшы рукой галоўку сына, прашаптала супакойліва: – Нічога, нічога, сынчык. [180, с. 144] → Но, погладив рукой головку сына, сказала, успокаивая: – Ничего, ничего, сынок. [181, с. 159] и др.</i></p>
Дзеепрыслоўе → субстантивная канструкцыя	<p style="text-align: center;"><u>18</u> <u>прымераў</u></p> <p><i>Чакаючы гэтай бадзёрасці і прахалоды вечара, і брыў Лецечка немаведама куды. [178, с. 106] → В ожидании этой свежести и прохлады Летечка брёл неведомо куда. [179, с. 481] и др.</i></p>
Субстантыўная канструкцыя → деепричастие	<p style="text-align: center;"><u>16</u> <u>прымераў</u></p> <p><i>– <...> Будзіла ваш, – са злосцю напамніў Рыбак. [176, с. 473] → – <...> Будила ваш! – не сдержавшись, напомним Рыбак. [177, с. 512] и др.</i></p>
Даданая частка сказа з саюзным словам <i>калі</i> → деепричастный оборот	<p style="text-align: center;"><u>15</u> <u>прымераў</u></p> <p><i>Да вайны Аляксей, калі працаваў інжынерам, з Нінай і таварышамі не раз ездзіў на гэтай магістралі за горад на аўтамабілі. [180, с. 117] → До войны, работая инженером, Алексей с Ниной и товарищами не раз ездил по этой магистрали за город. [181, с. 129] и др.</i></p>
Адзіночнае дзеепрыслоўе → деепричастный оборот	<p style="text-align: center;"><u>14</u> <u>прымераў</u></p> <p><i>Наперадзе ўзнік, мацнеючы, уедлівы знаёмы свіст, разложыста грывнуў вельмі блізкі выбух <...>. [180, с. 123] → Впереди возник, стремительно приближаясь, знакомый вьедливый свист, оглушающе ударил очень близкий взрыв <...>. [181, с. 135] и др.</i></p>

Продолжение 2.8

1	2
Дзеепрыслоўе → наречие	<p style="text-align: center;"><u>12</u> <u>прымераў</u></p> <p><...> са шчылін у акне цягнула халадком, можна было даць ахалодаць і спатнеламу твару, калі прыціснуцца тварам да шкла, што ён, не марудзячы, і зрабіў. [178, с. 83] → <...> спину обдавало струящейся из щелей прохладой, можно было охладить и распаренное лицо, прижавшись им к стеклу, что он незамедлительно и сделал. [179, с. 460] и др.</p>
Субстантыўная канструкцыя → деепричастный оборот	<p style="text-align: center;"><u>12</u> <u>прымераў</u></p> <p>Пасля суда ўжо, вечарам, у ізалятары, Лецечка спрабаваў нагадаць, ўявіць сабе гэты твар, але ўсё дарэмна. [178, с. 84] → Уже возвратясь из суда вечером в изолятор, Колька пытался представить, вызвать из прожитого дня это лицо и не мог. [179, с. 460] и др.</p>
Дзеепрыслоўны зварот → адзіночнае деепричастие	<p style="text-align: center;"><u>10</u> <u>прымераў</u></p> <p>Непрыемна адчуўшы, як закалацілася ў грудзях сэрца, ён узяў карабін, хуценька закінуў яго за плячо. [176, с. 388] → Ощутив, как дрогнуло сердце, он скоренько закинул за плечо карабин. [177, с. 438] и др.</p>
Дзеепрыслоўны зварот → субстантывная канструкцыя	<p style="text-align: center;"><u>8</u> <u>прымераў</u></p> <p>Усё так жа, ведучы Вольку і несучы дзіця, яна ішла па дарозе да хаты, хоць хаты не было. [180, с. 145] → Всё так же держа Вольку за руку, с ребёнком на руках, она шла туда, где раньше стояла хата, хотя теперь там не было ничего. [181, с. 159] и др.</p>
Даданая частка сказа з саюзам каб → деепричастный оборот	<p style="text-align: center;"><u>5</u> <u>прымераў</u></p> <p>...Ермакоў толькі зняў рубашку, каб памыцца, як да яго падбег усхваляваны партызан. [180, с. 103] → Ермаков только что снял рубашку, собираясь умыться, как к нему подошёл взволнованный партизан. [181, с. 113] и др.</p>

Окончание 2.8

1	2
Даданая частка сказа з саюзам <i>як</i> → деепричастный оборот	<p style="text-align: center;"><u>4 примера</u></p> <p><i>Рыбак як згледзеў яго, дык ажно страпянуўся і памкнуў наперад. [176, с. 493] → Увидев его, Рыбак встрепенулся, весь подался вперёд. [177, с. 529] и др.</i></p>
Дзеепрыслоўны зварот → придаточная часть предложения с союзом <i>пока</i>	<p style="text-align: center;"><u>1 пример</u></p> <p><i>Можна, гэта яна забыла сваё сяло, ходзячы па лясных сцежках з партызанамі? [180, с. 145] → Может, она забыла своё село, пока ходила по лесным тропинкам с партизанами? [181, с. 160].</i></p>
Даданая частка сказа з саюзам <i>ці</i> → деепричастный оборот	<p style="text-align: center;"><u>1 пример</u></p> <p><i>А міліцыя, ці да гэтага яна імкнулася, надала значнасць таму, што адбывалася, падбавіла агню. [178, с. 36] → А милиция, желая того или нет, придала своим появлением значительность происходящему. [179, с. 414].</i></p>
Даданая частка сказа з саюзным словам <i>які</i> → деепричастный оборот	<p style="text-align: center;"><u>1 пример</u></p> <p><i>І, як возжык, які адчуў бяспеку і давер, Лецечка абмяк ад гэтых яе слоў і нечаканай пяшчоты <...>. [178, с. 66] → И, как ёжик, почувствовал безопасность и доверие, Летечка отмяк от этих её слов и неожиданной ласки <...>. [179, с. 443].</i></p>
Дзеепрыслоўны зварот → придаточная часть предложения с союзным словом <i>когда</i>	<p style="text-align: center;"><u>1 пример</u></p> <p><i>Напакавала торбу з харчамі, як некалі, выпраўляючы ў Мінск на вучобу, і правяла маўкліва на двор. [180, с. 44] → Наполнила сумку едой, как в давние времена, когда уезжал в Минск на учёбу. [181, с. 49].</i></p>
Дзеепрыслоўны зварот → придаточная часть предложения с союзным словом <i>если</i>	<p style="text-align: center;"><u>1 пример</u></p> <p><i>Але і яна, відаць, няблага разумела, чым рызыкавала, згадзіўшыся на іх патрэбу, і мела намер стаяць на сваім. [176, с. 425] → Впрочем, она, видать, не хуже его понимала, какому подвергалась риску, если бы согласилась с ним, и потому решила стоять на своём. [177, с. 469].</i></p>

Значительная употребительность деепричастных конструкций в исходных текстах позволяет согласиться с мнением Е. Н. Горегляд, что «белорусский глагол обладает большими возможностями для образования деепричастных форм, чем русский» [43, с. 45]. Однако наши данные свидетельствуют, что количество замен деепричастий и деепричастных оборотов другими единицами почти вдвое меньше количества обратных замен (**130** случаев против **285**). Это указывает на ограниченную активность деепричастных конструкций в белорусском языке [43, с. 45].

Деепричастие объединяет в себе признаки глагола и наречия, а значит, в случае замены этих частей речи деепричастием происходит усложнение семантики лексемы за счёт добавления дополнительного значения процессуальности (при замене наречия) либо образа действия (при замене глагола). Обратная замена наблюдается вследствие снятия указанных дополнительных значений.

Замена деепричастных конструкций существительными (часто однокоренными) позволяет упростить структуру и, как следствие, семантику предложения. Однако в некоторых случаях авторы-переводчики считают целесообразной обратную замену.

Семантическая несущественность деепричастия приводит к его устранению и замене субстантивной конструкцией. Необходимость привести высказывание значения, присущие деепричастию, объясняется добавлением данных глагольных форм, которые дополняют либо заменяют субстантивные конструкции.

Использование деепричастного оборота вместо придаточной части предложения в **28** случаях соответствует описанной выше тенденции ограниченной употребительности деепричастных конструкций в белорусском языке. Обратная замена происходит лишь в **3** парах эквивалентов.

Замена одиночного деепричастия деепричастным оборотом придаёт повествованию выразительность и насыщенность деталями, которые могут опускаться в силу своей незначительности при обратной замене.

Отдельно следует рассмотреть **26** случаев взаимозамены причастных и деепричастных конструкций. Авторы-переводчики чаще заменяют причастия деепричастиями, чем наоборот (**19** случаев против **7**), что указывает на стремление акцентировать внимание читателя на основном действии, выраженном личной формой глагола, а не на субъекте или объекте действия, выраженном существительным: *Ён паспешна ўставіў зіхатлівыя медныя запалы і паказаў гранату, заціснутую ў руцэ.* [180, с. 7] → *Он поспешно вставил в гранату запал и, сжав её, поднял, показал всем.* [181, с. 14]; *Каля іх паўкругам высіліся каржсакаватыя дубы, раскінуўшы ўгары крывое вузлаватае галлё.* [180, с. 52] → *Около них полукругом высились коренастые дубы, разбросавшие вверху кривые, узловатые ветви.* [181, с. 57].

В 36 случаях наблюдается **перестановка** деепричастных конструкций относительно главных членов предложения или определяемого слова. В 24 примерах деепричастная конструкция в АП помещается перед грамматической основой, а не между подлежащим и сказуемым, как в исходном тексте: *Машины, абагнувши могилкі, накіравадіся да лесу.* [180, с. 81] → *Обогнув кладбище, машины направились к лесу.* [181, с. 88] и др.

Перемещение деепричастия несовершенного вида из постпозиции по отношению к определяемому слову в препозицию характерно для 12 случаев и свидетельствует о стремлении придать значимость вспомогательному действию: *Чого баяцца, калі ў табе няма болей крыві, калі змяя смактала з твайго цела доўга, пакуль, як тая перасычаная, апітая п'яўка, сама не адвалілася, **не папаўзла ад твайго цела, губляючы на дарозе чырвоныя кроплі.*** [178, с. 135] → *Чего бояться, если в тебе нет больше крови, если змея пила её из твоего тела долго-долго, пока сыто не отвалилась, **роняя кровавые капли, уползла из твоего тела.*** [179, с. 512] и др.

Добавление деепричастных конструкций наблюдается вдвое чаще, чем опущение. Данный тип трансформации позволяет придать действию панорамность и динамичность: *Крайко накіраваў на вуліцу з двух бакоў ахову, а з іншымі пачаў прабірацца да хаты.* [180, с. 138] → ***Оглядевшись, быстро оценив обстановку, Василь направил на улицу с двух сторон прикрытие, а с остальными начал пробираться к хате.*** [181, с. 152] и др.

Опущение деепричастных оборотов используется при их избыточности и семантической несущественности для полноценного восприятия события: *Хуценька поркаючы, нібы абнюхваючы салому, шэры порсткі камяк прашыбаваў краем падлогі і знік у цёмным кутку.* [176, с. 454] → ***Шустрый её комок с длинным хвостом прошмыгнул краем пола и исчез в тёмном углу.*** [177, с. 495] и др.

Итак, трансформации причастных и деепричастных конструкций распространены при АП. При преобразовании данных глагольных форм используются такие приёмы, как замена, добавление и опущение.

2.2.2 Соотношение видо-временных форм глаголов при авторском переводе

Интерес современной лингвистики к глагольным категориям вида и времени объясняется взаимосвязью морфологии и синтаксиса, что обуславливает участие морфологических форм слова в организации коммуникативных единиц и текста, а грамматических значений – в формировании смысла предложения [115, с. 24].

Не менее значимым представляется изучение особенностей функционирования видо-временных форм глагола в тексте с точки зрения переводоведения. Наиболее информативны в этом отношении АП с близкородственных языков, обладающих сходной морфологической системой, поскольку они позволяют проследить трансформацию семантики глагола, предложения и – шире – авторского замысла.

Охарактеризуем основные переводческие трансформации на примере **355** пар глагольных эквивалентов.

Наиболее распространённым является изменение **вида** глагола при переводе на русский язык – **223** случая. При этом **113** примеров демонстрируют замену глагола несовершенного вида глаголом совершенного вида: *Між тым горад прачынаўся ўжо.* [178, с. 8] → *Между тем город уже проснулся.* [179, с. 384]; *Яны спачатку нібы не пазнавалі камісара, у іх таілася нешта прыхаванае.* [180, с. 102] → *Они сначала будто не узнали комиссара, будто не хотели видеть ничего.* [181, с. 112].

В **110** словоупотреблениях наблюдается обратное явление: *Сотнікаў змоўчаў.* [176, с. 411] → *Сотников молчал.* [177, с. 457]; *Будзіла выцягнуў з-пад Дзёмчыхі жоўтую скрынку, забралі з-пад аркі ўслон.* [176, с. 504] → *Будила вытаскивал из-под Дёмчихи жёлтый фанерный ящик, убирали из-под арки скамью.* [177, с. 539].

Способы глагольного действия (СГД)⁸ также подвержены изменениям, которые представлены в таблице 2.9.

Как следует из таблицы 2.9, большинство изменений происходят при переводе глаголов совершенного вида (**29** случаев из **35**). Чаще всего при переводе на русский язык авторы стремятся избежать начинательного СГД и отдают предпочтение глаголам с одноактным СГД.

Таблица 2.9. – Трансформация СГД при авторском переводе

Вид глаголов	Трансформация СГД	Примеры
1	2	3
СВ	Одноактный → начинательный	<u>7 примеров</u> <i>Ляснуў пугай</i> → <i>защёлкал бич; каваль пасміхнуўся</i> → <i>кузнец засмеялся; тупнулі ногі</i> → <i>затопали пятки</i> и др.

⁸В нашем исследовании мы придерживаемся классификации СГД, составленной А. В. Бондарко [21].

Продолжение 2.9

1	2	3
СВ	Начинательный → одноактный	<p align="center"><u>7 примеров</u></p> <p><i>Загрымеў засоў → громыхнул засов; закалацілася сэрца → дрогнуло сердце; заенчыў дзядок → взвизгнул дедок и др.</i></p>
	Начинательный → общерезультативный	<p align="center"><u>6 примеров</u></p> <p><i>Папаўзлі ад веласіпеда → уползли от велосипеда; людзі яго панеслі → люди его вынесли; пабегла з канцылярыі → убежала из канцелярии и др.</i></p>
	Ограничительный → одноактный	<p align="center"><u>4 примера</u></p> <p><i>Пакратаў дарогу → тронул дорогу; Дзёмчыха паўздыхала → Дёмчыха вздохнула и др.</i></p>
	Общерезультативный → начинательный	<p align="center"><u>1 пример</u></p> <p><i>Павяла вачыма → заиграла глазами.</i></p>
	Одноактный → ограничительный	<p align="center"><u>1 пример</u></p> <p><i>Сагнуў яе ў калене → подвигал коленом.</i></p>
	Дистрибутивный → общерезультативный	<p align="center"><u>1 пример</u></p> <p><i>Дзеці пазнікалі → дети исчезли.</i></p>
	Комплетивный → начинательный	<p align="center"><u>1 пример</u></p> <p><i>Данесліся галасы → зазвучали голоса.</i></p>
	Общерезультативный → одноактный	<p align="center"><u>1 пример</u></p> <p><i>Падсыпалі вугольчыкаў → сыпанули угольков.</i></p>
НСВ	Начало действия → процессуальное действие	<p align="center"><u>4 примера</u></p> <p><i>Пачаў апускаць ведро → опускал ведро; пачаў узірацца → взглядывался и др.</i></p>
	Процессуальное действие → начало действия	<p align="center"><u>1 пример</u></p> <p><i>Перамешваліся пачуцці → начали перемешиваться чувства.</i></p>
	Однонаправленные глаголы движения → ненаправленные глаголы движения	<p align="center"><u>1 пример</u></p> <p><i>Шпрыц-змяя гоніцца за ім → шприц-змея гоняется за ним.</i></p>

Следовательно, трансформация вида глагола и СГД сохраняет «пространственно-временную объёмность, стереоскопичность текста, связь переднего плана сюжетной динамики со вторым планом, параллельных действий, с описательно-статическим фоном» [61, с. 29].

Трансформация **грамматической категории времени** наблюдается в **69** случаях. Большинство из них демонстрируют изменения планов настоящего (исторического) и прошедшего времени (таблица 2.10).

Таблица 2.10. – Трансформация ГК времени при авторском переводе

Трансформация ГК времени	Примеры
1	2
Цяперашні час → прошедшее время	<u>35 примеров</u> <i>Паліцай палохае → полицай пугал; экскаватар перашкаджае → экскаватор мешал; ён ваюе → он воевал</i> и др.
Прошлы час → настоящее время	<u>21 пример</u> <i>Дзень набліжаўся → близится день; у равок было не ўлезці → в овраг не сунуться; коўш угрызаўся ў зямлю → он вгрызается в землю</i> и др.
Прошлы час → будущее время	<u>4 примера</u> <i>Павінна была выглянуць страха → покажется крыша; павінна была прыйсці ўрачыха → придёт врачиха</i> и др.
Будучы час → прошедшее время	<u>3 примера</u> <i>Усё загіне → всё пропало; яны адгавораць → они отговорили</i> и др.
Цяперашні час → будущее время	<u>3 примера</u> <i>Яны нікога не выпускаюць → они никого уже не выпустят; ён расказвае → он объяснит</i> и др.
Будучы час → настоящее время	<u>3 примера</u> <i>Паглядзець, як будуць на табе плакаць, як будзе сумаваць на табе Лена, што будуць гаварыць Козел, Дзыбаты. [178, с. 5] → Посмотреть, как по тебе плачут, убиваются, как убивается по тебе Лена, что о тебе говорят Козел, Дзыбатый. [179, с. 380].</i>

Данное явление существенно не меняет смысл высказывания, так как «выбор темпоральных форм и их комбинации в тексте определяются не реальным моментом речи, а представлением говорящего о соотношении времени события и времени его восприятия, наблюдения» [61, с. 23].

Необходимо отметить, что категория времени подвержена трансформации при переводе в силу своей многозначности. Так, настоящее историческое время соотносится с событиями, происходившими в прошлом, поэтому может взаимозаменяться формами прошедшего времени без потери смысла. Тем не менее, авторы-переводчики отдают предпочтение формам прошедшего времени, поскольку это «сильная грамматическая категория» [33, с. 444].

Значение завершенности действия поддерживается **28-ю** примерами, в которых наблюдается трансформация как времени, так и вида (таблица 2.11).

Таблица 2.11. – Трансформация ГК вида и времени при авторском переводе

Трансформация ГК вида	Трансформация ГК времени	Примеры
НЗТ → СВ	Цяперашні час → прошедшее время	<u>18 примеров</u> <i>Яны адыходзяць</i> → <i>они отошли</i> ; <i>вочы вільгатнеюць</i> → <i>глаза повлажнели</i> ; <i>Сотнікаў стрымлівае іх</i> → <i>их задержал Сотников</i> и др.
	Цяперашні час → будущее время	<u>1 пример</u> <i>Яны прыкрываюць ад чужога вока</i> → <i>всё это прикроет их от чужого глаза</i> .
ЗТ → НСВ	Прошлы час → настоящее время	<u>8 примеров</u> <i>Пясок абсох</i> → <i>песок обсыхает</i> ; <i>мянушка ўжо прыляпілася</i> → <i>кличка уже приживается</i> ; <i>яму здалося</i> → <i>ему мерещится</i> и др.
	Будучы час → настоящее время	<u>1 пример</u> <i>Даведаеца гаспадар</i> → <i>знает хозяин</i> .

Так, в **18** случаях белорусский глагол НСВ настоящего времени заменяется русским аналогом СВ прошедшего времени. В 8 парах исходные глаголы совершенного вида прошедшего времени переводятся формами несовершенного вида настоящего времени.

Изменение семантики ряда глаголов – неизбежное явление как в профессиональном, так и в АП. Отличие состоит в том, что автор может позволить себе более смелые, кардинальные перемены в области значения как отдельных слов, так и предложений в целом.

Например, при переводе предложения *Неўзабаве ён пераваліў пагорак і шырока зашыбаў на схіле ўніз* [176, с. 389–390] В. Быков заменяет глагол «пераваліць» со значением ‘перайсці, пераехаць, пераправіцца на другі бок (гары, узвышша і пад.)’ глаголом «перебежать» со значением ‘бегом переместиться через какое-н. пространство’: *Вскоре он перебежал и пригорок и размашисто помчался по его обратному склону вниз.* [177, с. 439].

И. Мележ в белорусской версии романа «Мінскі напрамак» использует глагол «азірнуцца» со значением ‘павярнуўшыся, аглянуцца, паглядзець назад’: *Туравец азірнуўся на партызан, як бы правяраючы, ці не падвядуць.* [180, с. 7]. В тексте АП использован глагол «оглядеть» (‘посмотреть на кого-что-н. с разных сторон, обозреть полностью’): *Тревожно оглядел партизан, как бы проверяя, не подведут ли.* [181, с. 14].

Итак, проведённый анализ трансформации видо-временных форм глагола при АП с белорусского языка на русский позволяет сделать следующие выводы. Изменение категории вида демонстрирует практически равное количество переходов совершенного вида в несовершенный и наоборот. Этот факт в сочетании с предпочтительным использованием в переводных текстах глаголов с одноактным СГД свидетельствует о стремлении авторов сохранить статично-динамичный баланс исходных художественных произведений при АП. Трансформация категории времени наблюдается в основном внутри пары «настоящее (историческое) – прошедшее время», что существенно не влияет на семантику предложения. Примеры, в которых изменяются и вид, и время глагола, поддерживают общий акцент на завершённости действий. Случаи полной замены глаголов свидетельствуют о значительной свободе автора-переводчика в отношении изменения как формальных, так и содержательных аспектов исходного текста.

2.2.3 Композитная деривация в условиях авторского перевода

Деривация в русском и белорусском языках не имеет существенных различий, что обусловлено историческим родством и близостью двух языковых систем. Образование композитных единиц также происходит по аналогичным моделям. Очевидно, при переводе можно достаточно точно передать не только внутреннюю, но и внешнюю форму сложных слов.

Следует заметить, что мы придерживаемся широкой трактовки термина *композит* и, вслед за Е. С. Кубряковой, понимаем под ним «языковое выражение

из нескольких полнозначных слов или основ, которое должно представлять собой целостную единицу номинации, в которую нельзя вклинить другие полнозначные единицы и которая моделируется для выражения определённого словообразовательного значения определённым формальным способом» [83, с. 6].

Как видно на рисунке 2.5, из собранного корпуса, включающего **292** композитных единицы, **276** обладают формальным эквивалентом в тексте на другом языке. Из них **155** белорусских слов переданы композитами при переводе на русский язык: *студэнтка-падпольшчыца* → *студентка-подпольщица*, *светлавалосы хлопец* → *светловолосый парень* и др.

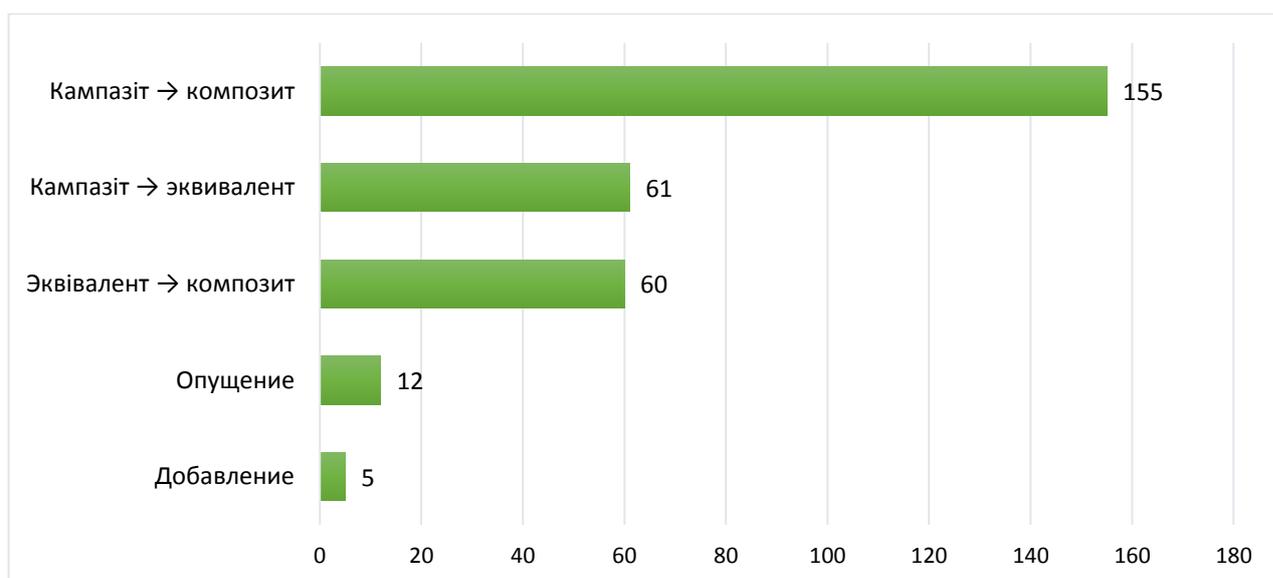

Рисунок 2.5. – Эквивалентность композитов при авторском переводе

В **61** случае белорусские слова и в **60** случаях русские не имеют композитного эквивалента: *стогне-канае таварыш* → *погибает товарищ*, *пагрозліва-напружана варухнулася* → *напряжённо дернулась*; *крэсіва* → *камень-кремень*, *хваравітая знямога* → *болезненно-сладостная истома* и др. Безэквивалентными являются **12** белорусских и **5** русских сложных слов, т. е. в 12 случаях наблюдается опущение композита, а в 5 – его добавление.

В ходе анализа частеречных соответствий установлено, что большинству композитов соответствуют слова той же части речи в другом языковом варианте художественного текста. Чаще всего это имена существительные (**131**), имена прилагательные (**84**), наречия (**15**) и глаголы (**14**). Результаты отражены в таблице 2.12.

Таблица 2.12. – Частеречные соответствия композитов

Модель перевода	Примеры
1	2
Назоўнік → существительное	<u>131 пример</u> <i>Крэсіва</i> → <i>камень-кремень</i> ; <i>блізнят-бярозак</i> → <i>берёзок-близнецов</i> ; <i>п'яніцу-паліцаю</i> → <i>полицаяю</i> и др.
Прыметнік → прилагательное	<u>84 примера</u> <i>З'едліва-ўсмешысты твар</i> → <i>издевательски-улыбчивое</i> <i>лицо</i> ; <i>белым</i> <i>бляскам ракет</i> → <i>мёртвенно-белый</i> <i>отблеск ракет</i> ; <i>старэча-дзіцячымі</i> <i>костачкамі</i> → <i>стариковско-детскими</i> <i>костями</i> и др.
Прыслоўе → наречие	<u>15 примеров</u> <i>Ціха-мірна прасядзелі</i> → <i>мирно-тихо</i> <i>просидели</i> ; <i>зусім-зусім</i> <i>сляпы</i> → <i>совсем-совсем</i> <i>слепой</i> ; <i>намалу спакойнела</i> → <i>мало-помалу</i> <i>успокоилась</i> и др.
Дзеяслоў → глагол	<u>14 примеров</u> <i>Стогне-канае таварыш</i> → <i>погибает</i> <i>товарищ</i> ; <i>яна загаласіла-заенчыла</i> → <i>она расплакалась</i> ; <i>крычыць-лемантуе</i> <i>нейкі паранены</i> → <i>кричит</i> <i>кто-то из раненых</i> и др.
Лічэбнік → числительное	<u>9 примеров</u> <i>Крокаў пятнаццаць-дваццаць</i> → <i>шагов</i> <i>пятнадцать-двадцать</i> ; <i>пяці-шасці-сямі год</i> → <i>пяти-шести-семи</i> <i>лет</i> и др.
Злучэнне слоў → прилагательное	<u>5 примеров</u> <i>Падобныя да чарапах</i> <i>машыны</i> → <i>черепахоподобные</i> <i>машины</i> ; <i>Шабуня быў поўны целам</i> → <i>Шабуня был полнотелый</i> ; <i>нешта невядомае, загадкавае і страхавітае</i> → <i>что-то коварно-вероломное</i> и др.
Назоўнік + прыдатак → словосочетание	<u>4 примера</u> <i>Абарванка-вар'ятка</i> → <i>сумасшедшая нищенка</i> ; <i>носікам-бульбачкай нюхнуў</i> → <i>остреньким носиком нюхнул</i> и др.

Продолжение 2.12

1	2
Дзеяслоў → словосочетание	<u>3</u> примера <i>Свістаў-шархацеў вецер → с присвистом шуришал ветер; у грудзях рыпела-гуло → в груди громко хрипело; чалавек варушыўся-корнаўся → тот сосредоточенно возился.</i>
Прыметнік → причастный оборот	<u>2</u> примера <i>Асляпляльна-яркія факельчыкі → слепящие глаза факельчики; на вясёла-зялёных палянках → на весело зеленеющих полянках.</i>
Дзеяслоў → сочетание «глагол+прилагательное»	<u>2</u> примера <i>Неба засіnelася → небо сделалось светло-синим; ступня ссіnelа → стопа сделалась багрово-синей.</i>

Изменения, которым подвергаются композиты, затрагивают как внешнюю форму слова, так и его семантику, хотя большинство примеров демонстрируют отсутствие трансформаций плана содержания и плана выражения – **152** и **203** словоупотребления из **276** соответственно (таблицы 2.13, 2.14).

Таблица 2.13. – Трансформации плана выражения композитов

Вид трансформации плана выражения	Количество
Нулевая трансформация	152
Словообразовательная	74
Синтаксическая	37
Орфографическая	13
Всего	276

Рассмотрим основные виды преобразований плана выражения композитов при АП. Самым распространённым из них является **словообразовательная трансформация (74** случая), включающая следующие модели изменений:

1) «простые слова → сложное слово» (**36**): *дубы → дубы-ведуны; адводзіла ад вачэй вясёлку → отводила от глаз радугу-дугу* и др.;

2) «складаные слова → простое слово» (**34**): *ад думкі-здагадкі → от мысли; падханілі за вярвачку-пупавіну → ухватили за верёвочку* и др.;

3) перестановка составляющих композита (**4**): *з-за жоўта-сіняватых ствалоў → из-за синевато-жёлтых стволов; наблізу двух блізнят-бярозак → вблизи двух берёзок-близнецов* и др.

Показательны случаи образования композита из белорусского слова и его русского аналога: *дзядкі ступалі бусламі* → *деды вышагивали буслами-аистами*; *у сундуку-куфры* → *в сундуке*. Данный способ деривации можно рассматривать как проявление билингвизма автора-переводчика.

Синтаксические трансформации (37 примеров), как правило, представляют собой замены:

1) «кампазіт → словосочетание» (9): *свістаў-шархацеў вецер* → *с присвистом шуршал ветер*; *абарванка-вар'ятка* → *сумасшедшая нищенка*; *алешынкi-недаросткі* → *кусты низкорослых олешии* и др.;

2) «спалучэнне слоў → композит» (9): *нешта невядомае, загадкавае і страхавітае* → *что-то коварно-вероломное*; *хадзілі павольна, мерна* → *размеренно-неторопливо похаживали* и др.;

3) «словазлучэнне → композит» (6): *падобныя да чарапах машыны* → *черепахоподобные машины*; *поўны целам* → *полнотелый* и др.;

4) «кампазіт → сочетание слов» (6): *нешта вытыркала-бугрылася* → *что-то выпирало, бугрилось*; *маўкліва-адчужана сцішыўся* → *не проронив ни слова, отчуждённо затих* и др.

Орфографические трансформации (13) выражены моделями:

1) «праз дэфіс → раздельно» (8): *рухі былі спакойна-ўпэўненыя* → *движения были спокойно уверенными*; *поле не здавалася паныла-раўнінным* → *поле не казалось уныло равнинным* и др.;

2) «асобна → через дефис» (4): *твар быў суро́ва задуменны* → *лицо было сурово-сосредоточенно*; *сцюдзена насцяро́жаныя вочы* → *холодно-настороженные глаза* и др.;

3) «разам → через дефис» (1): *лёг тварам на беламёртвае* → *лёг лицом на бело-мёртвое*.

Примеры трансформации плана содержания исходного белорусского текста при АП на русский язык показывают в целом несущественное изменение значений слов (таблица 2.14).

Таблица 2.14. – Трансформации плана содержания

Вид трансформации плана содержания	Количество
Нулевая трансформация	203
Конкретизация	20
Частичная замена значения	18
Опущение	12
Полная замена значения	9
Добавление дополнительного значения	7
Генерализация	7
Всего	276

Конкретизация (20) – добавление основы к простому слову, вследствие чего образуется композит с более точным значением: *да заследжанага зрэзу-тарца* → *на свежезаслеженный торец*; *марозлівы вецер* → *обжигающе-морозный ветер* и др.

Частичная замена значения (18) – замена либо удаление одной из основ композита, влекущее за собой некоторое изменение смысла высказывания: *трывожна-напружана глядзела* → *тревожно-понимающе смотрела*; *жалобна-жаласлівы тон* → *жалостливо-покорный тон* и др.

Опущение (12) – удаление одной из двух – часто синонимичных – основ композита, не влияющее на семантику слова: *выходзіць-атрымоўваецца* → *получается*; *заалагічна-фізічную патрэбу* → *зоологическую потребность* и др.

Полная замена значения (9) – замена исходного слова другим, не равнозначным по смыслу: *глянцавата-чорнае поле* → *рыжеватое поле*; *носікам-бульбачкай* → *остреньким носиком* и др.

Добавление дополнительного значения (7) – привнесение основы с новым, дополнительным смыслом при одновременном сохранении семантики исходной лексемы: *страхавітае пачуццё* → *пугающе-брезгливое чувство*; *хваляючае адчуванне* → *тревожно-волнующее чувство* и др.

Генерализация (7) – удаление одной из основ композита, которая несла конкретизирующую смысловую нагрузку: *дастанеца п'яніцу-паліцаю* → *достанется полицаю*; *гітлеравец-аўтаматчык* → *гитлеровец* и др.

Подчеркнём, что в ряде случаев сложно разграничить виды трансформации плана содержания ввиду незначительности семантических расхождений.

Итак, для композитной деривации АП с белорусского языка на русский характерны определённые особенности. В подавляющем большинстве случаев: белорусские сложные слова переданы русскими композитами, а отсутствие композитного эквивалента в равной мере свойственно обоим языковым вариантам текста; композитам соответствуют слова той же части речи в тексте перевода; отсутствуют трансформации плана выражения и плана содержания сложных слов.

Основными видами преобразований плана выражения композитов при АП являются словообразовательная, грамматическая и орфографическая трансформации. При изменении плана содержания наблюдаются такие явления, как конкретизация, частичная замена значения, опущение, полная замена значения, добавление дополнительного значения и генерализация, разграничение которых часто носит неоднозначный характер.

2.2.4 Реализация грамматической категории числа имени существительного при авторском переводе

Существенный пласт изменений представляют собой грамматические замены, подразумевающие «не просто употребление в переводе форм языка перевода, а отказ от использования форм этого языка, аналогичных исходным, замену таких форм на иные, отличающиеся от них по выражаемому содержанию (грамматическому значению)» [81].

Особый интерес представляет изучение трансформации грамматических категорий, поскольку в их структуре изначально заложена оппозиция. Грамматическая категория числа имени существительного, по мнению В. В. Виноградова, «представляет сложный предметно-смысловый узел, в котором сплетаются разнообразные грамматические и лексико-семантические особенности существительных» [33, с. 128].

Проблемам функционирования категории числа в различных языках, в том числе и при переводе, посвящены работы В. И. Дегтярёва, В. В. Акуленко, Э. Х. Хабибуллиной, Д. В. Володиной, Е. В. Телегиной, Ю. В. Мишановой, А. Бранднера и других лингвистов. Однако до настоящего времени не предпринимались попытки систематизации изменений грамматической категории числа при переводе с близкородственных языков.

Анализ **184** случаев изменения грамматической категории числа имени существительного при АП позволил выявить определённые закономерности.

Русский и белорусский языки в силу близкого родства обладают сходными системами грамматических категорий. Так, категория числа в обоих языках представлена семами единичности и множественности. Противопоставление данных сем при переводе демонстрирует преобладание перехода имён существительных из единственного числа во множественное – **114** случаев, обратная трансформация наблюдается в **70** случаях. Видимо, это объясняется желанием авторов-переводчиков усилить смысловую конкретность своих произведений, так как в русском языке формам множественного числа свойственно выражение количественных отношений, а формам единственного числа – номинативная функция [49, с. 10].

Абсолютное большинство (**136**) составляют примеры, в которых оба языковых эквивалента могут иметь соотносительную пару по числу: *скарб (скарбы) → сокровища (сокровище)*, *світанне (світанні) → рассветы (рассвет)*, *мікстура (мікстуры) → микстуры (микстура)*, *спадзяванні (спадзяванні) → надежда (надежды)* и др.

В **48** парах эквивалентов присутствуют имена существительные анумеральной семантики [142, с. 64] (собирательные, вещественные, отвлечённые), а также слова категорий *singularia tantum* и *pluralia tantum*, не изменяемые по числам, но выступающие в определённом числе (таблица 2.15).

Таблица 2.15. – Модели перевода имён существительных, не изменяющихся по числам

Модель перевода	Примеры
<i>Singularia tantum</i> → множественное число	<u>27 пар</u> <i>Куп'є</i> → <i>кочки</i> , <i>клочча</i> → <i>кlochья</i> , <i>вішняк</i> → <i>вишни</i> , <i>пер'є</i> → <i>перья</i> , <i>дзятва</i> → <i>дети</i> , <i>раднѧ</i> → <i>родственники</i> , <i>каменне</i> → <i>камни</i> , <i>карэнне</i> → <i>корни</i> , <i>голѧ</i> → <i>ветви</i> , <i>рабацінне</i> → <i>веснушки</i> , <i>сучча</i> → <i>сучья</i> , <i>палоззе</i> → <i>полозья</i> , <i>вяршалле</i> → <i>вершины</i> , <i>шчэць</i> → <i>бороды</i> , <i>ігліца</i> → <i>иголки</i> , <i>катаванне</i> → <i>пытки</i> и др.
<i>Pluralia tantum</i> → единственное число	<u>6 пар</u> <i>Тронкі</i> → <i>черенок</i> , <i>уцёкі</i> → <i>побег</i> , <i>грудзі</i> → <i>грудь</i> , <i>дзверы</i> → <i>дверь</i> , <i>дрыжыкі</i> → <i>содрогание</i> и др.
Множны лік → <i>Singularia tantum</i>	<u>5 пар</u> <i>Лісці</i> → <i>листва</i> , <i>развагі</i> → <i>рассудок</i> , <i>паліцаі</i> → <i>полиция</i> , <i>стрэлы</i> → <i>стрельба</i> , <i>чыны</i> → <i>начальство</i> .
<i>Singularia tantum</i> → <i>Pluralia tantum</i>	<u>5 пар</u> <i>Тырса</i> → <i>опилки</i> , <i>азіміна</i> → <i>озимые</i> , <i>змрок</i> → <i>сумерки</i> , <i>сутонне</i> → <i>сумерки</i> , <i>чарніла</i> → <i>чернила</i> .
Адзіночны лік → <i>Pluralia tantum</i>	<u>3 пары</u> <i>Зараснік</i> → <i>заросли</i> , <i>хмызняк</i> → <i>заросли</i> , <i>лазняк</i> → <i>заросли</i> .
<i>Pluralia tantum</i> → <i>Singularia tantum</i>	<u>2 пары</u> <i>Абставіны</i> → <i>обстановка</i> , <i>каноплі</i> → <i>конопля</i> .

Наблюдения показали, что в данной группе трансформации чаще всего подвергаются **собирательные** существительные, употребляющиеся только в единственном числе (**21** случай): *пер'є* → *перья*, *дзятва* → *дети*, *раднѧ* → *родственники*, *каменне* → *камни*, *карэнне* → *корни* и др. Налицо стремление авторов-переводчиков избежать «грамматического парадокса» [123], при котором семантика множественности выражается формой единственного числа.

Изменение **отвлечённых** имён существительных представлена в **10** случаях и, как правило, сопровождается не просто конкретизацией, а полным изменением лексического значения слова. Например, лексема *навага* ('пачуццё пачцівасці да

каго-, чаго-н., выкліканае прызнаннем высокіх якасцей, заслуг, важнасці і пад.)⁹ заменена словом *симпатии* ('влечение, внутреннее расположение к кому-, чему-н.').

Трансформация категории числа **конкретных** существительных объясняется, вероятно, лексико-семантическими различиями белорусского и русского языков, при которых один из эквивалентов является носителем лишь семы множественности, а второй – обеих сем (**9** пар): *тронкі* → *черенок*, *грудзі* → *грудь* и др.

Изменение **вещественных** имён существительных (**5** случаев) обусловлено грамматическими особенностями эквивалентов, один из которых наделён лишь семой единичности, а второй – семой множественности: *каноплі* → *конопля*, *чарніла* → *чернила* и др.

Таким образом, исследование закономерностей трансформации грамматической категории числа имени существительного при АП с белорусского языка на русский позволяет составить представление о взаимодействии близкородственных языков в процессе перевода. Преобладание форм множественного числа в переводных текстах свидетельствует об их большей смысловой конкретизации. Трансформация слов анумеральной семантики часто обусловлена лексико-семантическими и грамматическими особенностями эквивалентов в обоих языках.

2.2.5 Индекс языковых нарушений на словообразовательном и морфологическом уровнях

Отмечено незначительное количество языковых нарушений на морфологическом уровне, которое приходится на случаи употребления страдательных причастий прошедшего времени мужского рода в краткой форме⁹: *раён умацаван* (вместо *умацаваны*); *перашыёк начынен мінамі* (вместо *начынены*); *здымак надрукаван* (вместо *надрукаваны*). Все они характерны лишь для исходных текстов, что позволяет говорить об их интеркаляционном характере.

⁹Нарушения в образовании причастий и деепричастий мы относим к морфологическим нарушениям, поскольку суффиксы причастий и деепричастий являются формообразовательными, а не словообразовательными. Значит, и ошибки в образовании причастий и деепричастий следует рассматривать как нарушения в образовании глагольных форм.

Описанные примеры перекликаются с единичным случаем употребления в исходном тексте краткого прилагательного, что также не свойственно современному белорусскому языку: *я незадаволен* (вместо *незадаволены*).

Полное причастие *прыціхшы* (*строй*) омонимично форме белорусского деепричастия, что делает употребление причастия в данной форме нежелательным [45, с. 378]. В современном литературном белорусском языке более предпочтительна форма причастия с суффиксом *-л-* (*прыціхлы*).

По моделям русских причастий образованы формы (*разам з*) *кіруючым* (*людом*); *наступаючымі* (*часцямі*); (*ты*) *некурашчы*. Два первых примера в форме И. п. единственного числа мужского рода (*кіруючы*, *наступаючы*) омонимичны деепричастиям, поэтому их употребление не характерно для белорусского литературного языка [45, с. 377]. Суффикс *-ашч-* в последнем примере (*некурашчы*) является «заимствованием» из русского языка суффикса *-аш-*. Как утверждает П. В. Стецко, в советское время эти чужие модели были перенесены в белорусский язык из русского, где подобные образования широко использовались в книжных стилях под влиянием старославянского языка [140, с. 48]. В связи с этим можно с большой долей вероятности отнести нарушения в образовании белорусских причастий в исходных текстах к проявлениям билингвизма авторов-переводчиков.

Примером интеркаляции на морфологическом уровне является также 1 случай образования формы Р. п. ед. ч. существительного *маці*: *Як у чырвонаармейскай мацеры* (бел. *маці*).

Интерференция проявляется в 11 примерах при употреблении следующих форм слов:

1) Р. п. мн. ч. существительного *сын*: *Человека своего схоронила, сынов* (русск. *сыновей*) *выправила воевать, батька твой пошёл на войну*. [179, с. 485];

2) звательная форма существительного *сын*: – *Сынку* (русск. *сын*), – *потрясённо и радостно сказала мать, – откуда ж ты прилетел, голубок?* [181, с. 49];

3) Р. п. ед. ч. существительного *лёд*: – *Как они горели, как они молили: таточка, лёду* (русск. *льда*)... [179, с. 434];

4) Р. п. мн. ч. существительного *день*: *Прибился ко мне в войну один хлопчик годков восьми, так я за ним доглядала, по хатам ходила, просила куска хлеба до последних его дён* (русск. *дней*). [179, с. 485];

5) Д. п. местоимения *ты*: – *День добры табе* (русск. *тебе*), *Захарья!* [179, с. 427];

6) прош. вр. м. р. глагола *сбежать*: – *Сбег* (русск. *сбежал*) *ты, значит, кинул меня одного, – Захарья подсел к Летечке и достал из-за голенища деревянную ложку, подул на неё, старательно обтёр рукавом бушлата*. [179, с. 455];

7) повел. накл. ед. ч. глагола *бежать*: «Ты чего, – говорю ему, – украл, так бежи (русск. *беги*)...» [179, с. 499] и др.

Интерференция на уровне словообразования представлена тремя примерами: *Что напраслину уводишь* (русск. *возводишь*)? [179, с. 485]; *А у тебя, Захарья, сакера, так и украсти* (русск. *украсть*) такую не грех. [179, с. 499]; – *День добры* (русск. *добрый*) тебе, Захарья! [179, с. 427]).

К проявлениям интеркаляции относится 1 случай словообразовательных нарушений: – *Уязджайце, уязджайце* (бел. *ад'язджайце*) нямедленна, – *накінулася яна на пажарнікаў яшчэ здалёку* [178, с. 39].

Количественное соотношение проявлений интерференции и интеркаляции на морфологическом и словообразовательном уровнях выражено в рисунке 2.6.

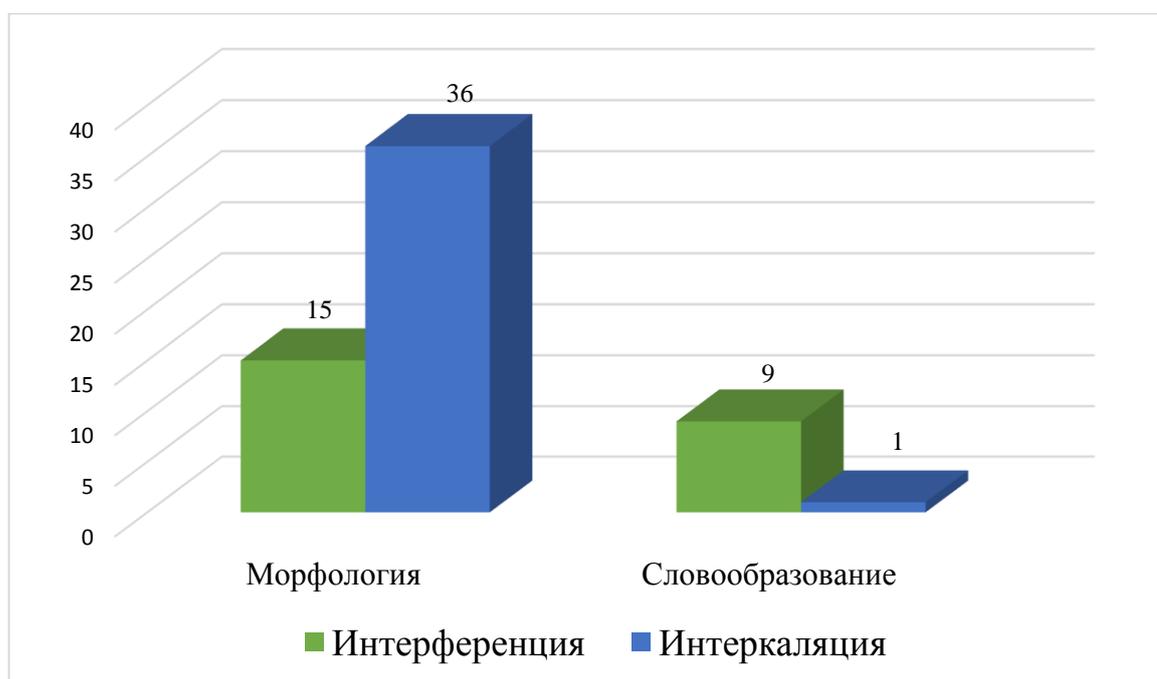

Рисунок 2.6. – Нарушения морфологических и словообразовательных норм в исходных текстах и авторских переводах

Как отмечалось в п. 2.1.5, некоторые примеры интерференции имеют отклонения одновременно на нескольких уровнях: морфологическом и лексическом, словообразовательном и лексическом. Кроме того, интерференция может затрагивать фонетический и словообразовательный уровни (*ё* вместо *е* + суффикс *-а* вместо *-о* в слове категории состояния): *И в вачах тёмна...* [179, с. 499].

Лишь 1 пример интеркаляции характеризуется нарушениями на нескольких уровнях – морфологическом и лексическом (русская лексема + суффикс *-а*, характерный для русских деепричастий): *Сматра каму вораг...* [176, с. 378].

Количественные показатели, характеризующие степень спонтанности речевых отклонений на морфологическом и словообразовательном уровнях, представлены в таблице 2.16.

Таблица 2.16. – Степень спонтанности речевого отклонения на морфологическом и словообразовательном уровнях

Уровень языка	Интерференция		Интеркаляция	
	Прямая речь / несобственно-прямая речь	Слова автора	Прямая речь / несобственно-прямая речь	Слова автора
Морфологический	15	–	5	31
Словообразовательный	9	–	1	–
Итого	24	–	6	31

Так, на морфологическом уровне интерференция с большой долей вероятности носит намеренный характер, так как встречается лишь в прямой и несобственно-прямой речи. Интеркаляция на морфологическом уровне отличается спонтанностью, поскольку более распространена в словах автора.

При определении индекса языковых нарушений на исследуемых уровнях мы исходили из положения В. В. Алимова о том, что интерференция на уровнях морфем и частей речи относится к морфологическому типу [3, с. 27]. Следовательно, говоря об индексе языковых нарушений на морфологическом уровне, мы имеем в виду как собственно морфологические, так и словообразовательные нарушения.

Индекс интерференционных трансформаций на морфологическом уровне можно представить в виде формулы (2.4).

$$\frac{If (M)}{T (M)} \times 100\% \quad (2.4)$$

где If (M) – количество примеров интерференции на морфологическом и словообразовательном уровнях,

T (M) – общее количество морфологических и словообразовательных трансформаций.

Индекс интеркаляционных трансформаций высчитывается по формуле (2.5).

$$\frac{I_k (M)}{T (M)} \times 100\% \quad (2.5)$$

где $I_k (M)$ – количество примеров интеркаляции на морфологическом и словообразовательном уровнях,

$T (M)$ – общее количество морфологических и словообразовательных трансформаций.

Индекс языковых нарушений на морфологическом уровне выражается формулой (2.6).

$$\frac{I_f (M) + I_k (M)}{T (M)} \times 100\% \quad (2.6)$$

Подставив в формулы (2.4), (2.5), (2.6) количественные показатели, получаем следующие результаты.

Индекс интерференционных трансформаций равен **1,1%**:

$$\frac{15 + 9}{2110 + 74} \times 100\%$$

Индекс интеркаляционных трансформаций равен **1,7%**:

$$\frac{36 + 1}{2110 + 74} \times 100\%$$

Индекс языковых нарушений на морфологическом уровне равен **2,8%**:

$$\frac{24 + 37}{2184} \times 100\%$$

Таким образом, согласно процентному соотношению, авторы-переводчики допускают нарушения при трансформации в среднем 3 единиц морфологического и словообразовательного уровней из 100. Данные нарушения в одних случаях спонтанны и являются следствием билингвизма писателей, в других – допускаются намеренно, с целью воплощения идейно-художественного замысла.

2.3 Синтаксическое членение художественного текста при авторском переводе

Трансформации на синтаксическом уровне представлены **3331** парой эквивалентов. Абсолютное большинство из них связано с изменением структуры предложений, а также порядка следования предложений и их частей – **2432** случая. Преобразования, затрагивающие словосочетания и сочетания слов, наблюдаются в **520** парах эквивалентов. К изменениям на уровне предложения относятся и актантные трансформации (преобразование односоставных предложений, взаимозамена актантов, активизация/пассивизация конструкций), которые характерны для **379** примеров и будут рассмотрены отдельно в силу их разнообразия.

2.3.1 Синтаксические трансформации на уровне предложения

Синтаксические трансформации на уровне предложения являются малоизученной областью переводоведения. Их исследование ведётся на материале различных языков: М. Г. Новикова [108], А. Ю. Михайлова [100] рассматривают переводы с английского языка на русский, А. А. Черепкова и Х. С. Шагбанова [149] – с немецкого на русский, Н. С. Атакова [6] – русско-якутские переводы и т. д. Поскольку синтаксические конструкции достаточно многообразны, лингвистов часто интересуют частные аспекты преобразований на уровне предложений: трансформации односоставных предложений [6], сложных предложений с прямой речью [100], страдательных конструкций [149] и проч.

При АП с белорусского языка на русский используются такие трансформации предложений, как их опущение и добавление, членение и объединение, смещение границ и перестановка, а также актантные трансформации. Количественное соотношение названных трансформаций представлено в виде рисунка 2.7.

С помощью количественного анализа единиц синтаксического уровня (предложений) мы определили градацию синтаксических преобразований по критерию абсолютной частоты употребления. Главным видом синтаксических трансформаций является **опущение предложений**, которое охватывает **967** пар эквивалентов в исследованном корпусе текстов.

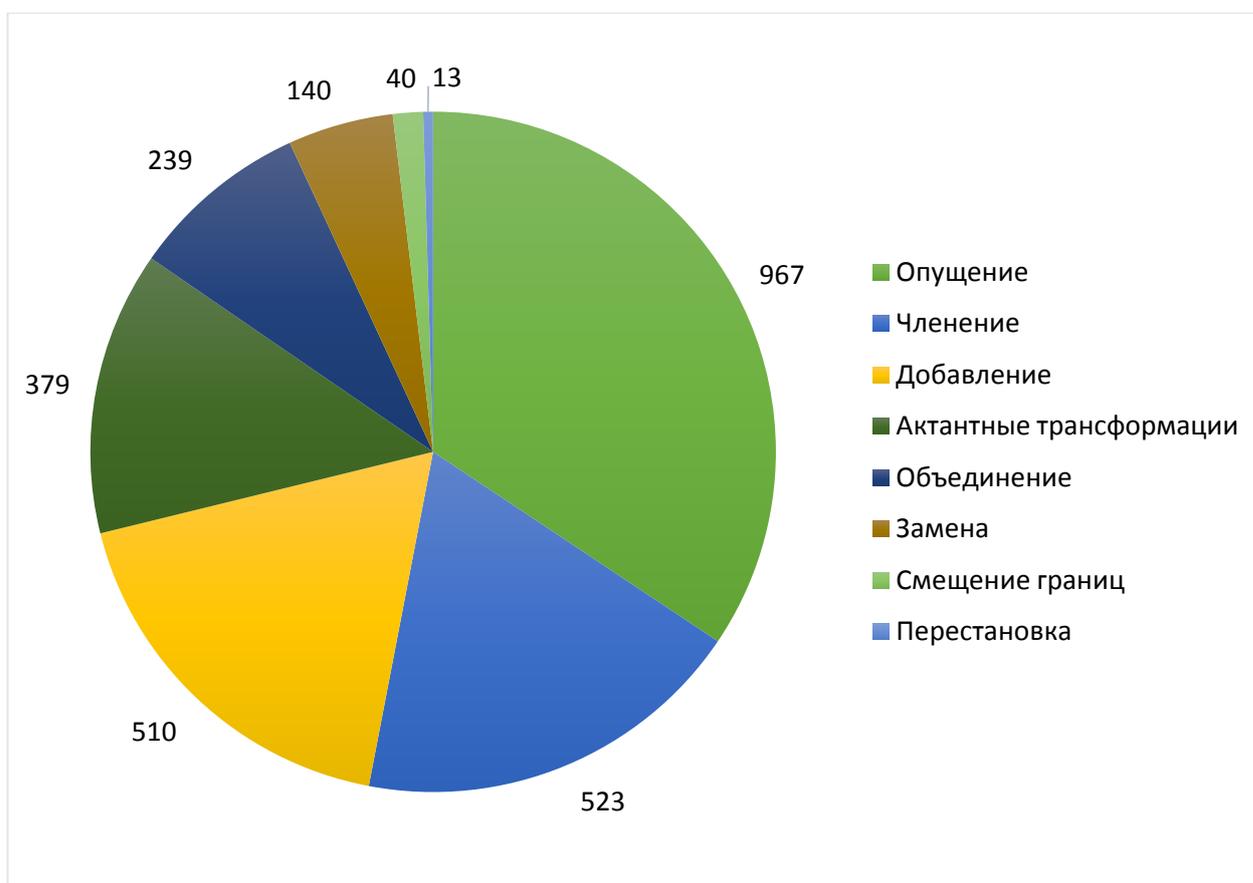

Рисунок 2.7. – Трансформации предложений при авторском переводе

В большинстве случаев (**743** примера) **отсутствует переводной эквивалент отдельного предложения** исходного текста. Приведём пример из повести В. Быкова «Сотников»: *Размова на тым абарвалася, Рыбак і Пётра сцішыліся кожны ў сваім кутку. Сотнікаў не то задрамаў ці, можа, забыўся ў гарачцы. Акенца зусім пагасла і ледзь шарэла пад столлю, раздзеленае жалязякамі кратаў на чатыры квадраты.* [176, с. 469] → *Разговор на этом прервался, Рыбак и Пётр притихли каждый в своём углу. Окошко, погаснув, едва серело под потолком, чётко разделённое решёткой на четыре квадрата.* [177, с. 508].

В данном примере наблюдается опускание одного предложения, однако в некоторых случаях количество синтаксем, не нашедших эквивалентов в тексте АП, может достигать 30-ти.

В **85** случаях происходит **опускание части ССП или БСП**. Примером такой трансформации может служить следующий отрывок: *Хлеб Веры Канстанцінаўны ён адмовіўся есці нават у пакаранне, нават з салідарнасці, і за яго тут працаваў, усё ж пераадолеў сябе, Бурачок.* [178, с. 77] → *За него и тут потрудился, пересилив себя, Бурачок.* [179, с. 454].

Данный вид переводческих трансформаций ведёт к упрощению структуры предложения, как и **опускание части СП, включающей 2 и более грамматические основы**, которое представлено в **80** парах эквивалентов.

Например: *У Сотнікава ад знямогі памутнела ўваччу – трэба было хутчэй узлазіць на чурбан, а зрабіць гэта аднанож было не дужа ўпраўна.* [176, с. 501] → *Надо было влезать на чурбан.* [177, с. 536].

Упрощает структуру предложения и **опущение придаточной части СПП**, которое применяется в **47** примерах: *Не сядзець жа так ды чакаць, калі фрыц прыдзе і пачне сваёй лапаю душыць?..* [180, с. 77] → *Не сидеть же вот так!* [181, с. 83].

Во всех приведённых примерах опущение приводит к преобразованию сложных предложений в простые.

Наконец, **12** примеров демонстрируют **опущение слов автора в предложениях с прямой речью**, что придаёт динамичность повествованию: – *Калі што, будзем адбівацца, – рашыў Рыбак, падумаўшы, што з харчам, мабыць, ужо нічога не выйдзе, цяпер хоць бы ўратавацца самім.* [176, с. 401] → – *Если что, будем отбиваться.* [177, с. 449].

Итак, опущение на уровне предложения служит для компрессии текста при АП, а также является причиной определённых смысловых расхождений исходного и переводного текстов, что в профессиональном переводе воспринималось бы как недостаток.

На втором месте по частоте употребления находится **членение предложений (523** примера), которое служит для упрощения сложной синтаксической конструкции. Данный вид синтаксической трансформации проявляется в следующих моделях перевода:

1) 1 сказ → 2 предложения (**487**): *Спярыша ён падумаў, што, можа, гэта здалося, мо смярдзіць адкуль з лесу, і прайшоў яшчэ сотню крокаў, з усяе сілы стараючыся ўбачыць праз хмызняк звykла аснежаную страху пунькі.* [176, с. 355] → *Рыбак сначала подумал, что это ему показалось, что несёт откуда-то из леса. Он прошёл ещё сотню шагов, сilyсь увидетъ сквозь заросли привычно оснеженные крыши усадьбы.* [177, с. 408];

2) 1 сказ → 3 предложения (**31**): *Я там вучыўся, працаваў, у партыю ўступаў, любіў там.* [180, с. 117] → *Учился там, работал. В партию вступал. Любил там.* [181, с. 129]. В данном примере членение предложения ведёт к образованию парцеллированной конструкции;

3) 1 сказ → 4 предложения (**2**): *Крутнуў гузік радыё, і стала весела, хата запоўнілася грукатам і громам – жыві, раскашуй, еш, пі, гуляй, а маеш ахвоту, дык і на бакавую, на ложкак, мяккі, гарадскі, з панцырнай сеткай.* [178, с. 126] → *Крутнул пуговку радио. И пришло веселье. Дом наполнился грохотом и громом. Живи – не хочу, ешь, пей, гуляй, а хочешь, и на боковую, на кровать с панцирной сеткой.* [179, с. 502];

4) 1 сказ → 5 предложений (**1**): *Адны кажуць, што там праводзіла ўжо аблаву міліцыя, злавiла процьму бандытаў, вывезена шмат усякага дабра – на*

дзесяці падводах везлі, але ж божацца другія, што да кургана ў гарадскіх улад не дайшлі яшчэ рукі, а там захаваны ці то скарб старажытных князёў, ці то каштоўнасці і маёмасць, што з усяго свету нахапалі фашысты; і пагодлівым сонечным днём курган, на якім, здаецца, днюе і начуе **старая, аблезлая** варона, цягне да сябе дзетдомаўцаў, а як упадзе цемра – наводзіць жах. [178, с. 46–47] → По одним сведениям, здесь уже проводила облаву милиция. Поймана масса бандитов, вывезена масса добра. На десяти подводах везли. По другим, до кургана у городских властей ещё не дошли руки, в нём схоронены то ли сокровища древних князей, то ли драгоценности и имущество, награбленные фашистами **у мирных граждан**. И ясными летними днями курган с вечно сидящей на вершине его **чёрной вороной, жёлто облитый солнцем**, манит к себе детдомовцев, а вечерами наводит страх. [179, с. 424]. Как видим, членение данного предложения сопровождается опущением и добавлением слов и словосочетаний;

5) 2 сказы → 3 предложения (1): *І не стойце на адным месцы, **наказаў камбрыг. Манеўруйце** – тут стрэліў, там.* [180, с. 97] → *И не стойте на одном месте. **Маневрируйте** – приказал комбриг. Здесь выстрелите, там.* [181, с. 107]. В данном примере членение предложения дополняется перераспределением компонентов;

6) 2 сказы → 5 предложений (1): – *На то ж вайна, то ж вайна, немцы... Я адмаўляю, адмаўляюся я...* [178, с. 125] → – *Это ж война!.. Это ж немцы!.. А я... Я отрицаю... Отрицаю я.* [179, с. 501].

Добавление отдельных предложений, не имеющих эквивалентов в исходном тексте, наблюдается в **356** случаях: *Хадзіла там з ім на паліклініках, прафесарах, паілаліманадам, купляла і цукеркі. Не, на свеце няма лепшага дома, чымсьці яго дом. І не трэба яму іншага.* [178, с. 67] → *Водила там по поликлиникам, профессорам, пошла квасом, покупала конфеты. **А сладко есть конфеты на виду у всех, как едят их все другие дети, которые с родителями, при достатке. И он ел их, всякие – и подушечки, и в золотой обёртке, – в чужом большом городе и здесь, в изоляторе. Нет на свете лучше его дома, и он не хочет другого.*** [179, с. 445].

В **56** случаях авторы-переводчики добавляют **части ССП или БСП**: *Той нерухома сядзеў ля сцяны, аддаўшыся сваім, мусіць, таксама невясёлым думкам.* [176, с. 452] → *Тот неподвижно сидел у стены, погружившись в свои тоже, разумеется, невесёлые мысли, – **теперь каждый переживал за себя.*** [177, с. 493–494].

Слова автора в предложениях с прямой речью добавляются в 3 раза чаще, чем опускаются (**43** примера): – *Я і запытаюся калі-небудзь! Не пагляджу, што камбрыг.* [180, с. 28] → – *Я и спрошу когда-нибудь! – **пообещал он решительно.** – Не посмотрю, что комбриг.* [181, с. 34]. Возможно, это связано с многообразием функций, которые выполняют глаголы, вводящие прямую речь: они «передают не

только содержание, но и форму речи действующего лица, его эмоциональное состояние, а также и отношение автора к говорящему персонажу, к содержанию его высказывания, писатель оказывает значительное воздействие на эмоции читателя и на его восприятие описываемых событий» [105, с. 80].

Добавление **частей СП, включающих 2 и более грамматические основы**, иллюстрируют **32** примера: *Побач бурлілі жвавасць і самазадоволенне – ён быў сярод пераможцаў*. [176, с. 506] → **Сейчас не было уныния и подавленности – рядом струилась живость, самодовольство, что, впрочем, и не удивляло: он был среди победителей**. [177, с. 541].

В **23** парах эквивалентов наблюдается добавление **придаточной части СПП**: *І Колька адчуў сябе абражаным...* [178, с. 86] → **И он вторично оскорбился, что тому человеку тоже было когда-то семнадцать лет...** [179, с. 463].

При создании АП также активно использовался такой вид синтаксической трансформации, как **объединение предложений (239 примеров)**. Преобразования, направленные на уменьшение объёма текста, осуществляются по следующим моделям:

1) 2 сказы → 1 предложение (**223**): *Строілі вязняў, нібыта везці дамоў – у турму. Мы строіліся насупраць*. [178, с. 93] → **Строили заключённых, вроде бы везти домой, в тюрьму, мы строились напротив**. [179, с. 469];

2) 3 сказы → 1 предложение (**13**): *Першага ж свайго кроку не памятае, не памятае прысутнасці бацькоў, іх, здаецца, і не было. Спачатку. Толькі жоўтая падлога, на ёй кроплі жоўтай смалы, ліпучыя, счарнелыя далоні ад гэтай смалы*. [178, с. 108] → **Первого своего шага не помнил, не помнил родителей, их вроде как и не было вначале, только жёлтый пол, на нём капельки смолы и липкие чёрные ладошки от этой смолы**. [179, с. 482];

3) 3 сказы → 2 предложения (**3**): *Тут яго хутка згледзелі, ззаду данёсся крык і недалёкі стрэл – куля імпэтна сцэбанула па ягоных штанах, прасекла пусты партабак у кішэні – Сотнікаў надта добра адчуў гэты ўдар і азірнуўся. За ім імчаў конны. З потным азвярэлым тварам той угнуўся па-над вараной конскай грывай, трымаючы напаятове правую, з пісталетам руку*. [176, с. 417] → **Тут его скоро заметили, сзади раздался крик, треснул недалёкий выстрел – пуля, словно кнутом, хлётко стегнула его по брюкам, разрубив пустой портсигар в кармане. Сотников явственно почувствовал этот удар и оглянулся: низко пригнувшись над гривой лошади и вскинув правую, с пистолетом руку, за ним скакал всадник**. [177, с. 462].

Объединение предложений при АП не способствует значительной компрессии текста, поскольку сопровождается как опущением, так и добавлением слов и словосочетаний (например, в моделях 2, 3). В большинстве случаев данная трансформация используется, чтобы подчеркнуть смысловую близость двух предложений (например, в модели 1).

Другой вид синтаксических трансформаций – **замена предложений** – представлен **140** примерами.

В **91** случае замена приводит не только к смысловому сдвигу, но и к количественному. Так, **увеличение количества предложений** происходит в **58** примерах: *Але ёсьць жа на свеце штосьці непамерна важнейшае за сваю шкуру.* [176, с. 497] → *Сотникову было мучительно обидно за своё наивное фантазёрство – сам потеряв надежду избавиться от смерти, надумал спасти других. Но те, кто только и жаждет любой ценой выжить, заслуживают ли они хотя бы одной отданной за них жизни? Сколько уже их, человеческих жизней, со времён Иисуса Христа было принесено на жертвенный алтарь человечества, и многому ли они научили это человечество? Как и тысячи лет назад, человека снедает в первую очередь забота о самом себе, и самый благородный порыв к добру и справедливости порой кажется со стороны по меньшей мере чудачеством, если не совершенно дремучей глупостью.* [177, с. 532].

В приведённом примере 1 предложению в исходном тексте соответствуют 4 предложения в АП, которые раскрывают исходный тезис и придают эмоциональность повествованию.

В **33** случаях **количество предложений в результате замены уменьшается**: – *О, на гэтую справу я заўсёды гатовы. Гасцяваць, браце, не зямлю капаць, толькі вось часу на гасцяванне не хапае. Уднела – і праца кліча. Тупаць, тупаць ахвота, мясіць зямельку... Не, браце, не для таго чалавек прыходзіць на свет, каб спаць, каб памерці, а каб працаваць, працаваць, бачыць, як свет перайначваецца, і самому яго перайначваць. – Ці не шмат ты на сябе зранку бярэш, Захар'я? Свет перайначваць... – Во-во, малады ты, таму і дурны, па табе, перайначыць – гэта значыць перавярнуць. А па мне, палку ў зямлю ўтыркнуў – ужо ўсё і па-інакшаму. А калі гэтая палка ды яшчэ парасткі пусціць... [178, с. 48] → – *На тот свет мне ещё рано, до спасова дня ещё далеко. На этом ещё не все дела поделаны...* [179, с. 426].*

В данном примере исходному диалогу, состоящему из 10 предложений, соответствует лишь реплика из 2 предложений в АП. Налицо замена не только количества синтаксем и их смысла, но и диалогической формы повествования на монологическую.

В результате замены количество предложений в тексте АП может остаться таким же, как и в исходном тексте, изменится лишь их **смысловое наполнение**. Подобные преобразования наблюдаются в **49** парах эквивалентов. Например: *Ён, відаць, не сачыў за сабою, бо адзенне было страшэнна неахайнае, брудны каўнер некалі белай рубашкі расхрыстаны.* [180, с. 76] → *Лицо обросло, одежда и сапоги грязные...* [181, с. 82] и др.

В приведённом примере сохраняется общий смысл (описание внешности персонажа с целью его характеристики), однако детали описания значительно отличаются.

Итак, вследствие замены предложений исходного текста в процессе АП их количество изменяется с **306** на **446**, то есть происходит декомпрессия текста на **140** синтаксем.

К менее распространённым видам синтаксических преобразований относится **смещение границ предложений**, представленное **40** примерами: *Ноч канчалася і тым знімала з іх сваю апеку, дзень жа абяцаў мала прыемнага, і Рыбак з паніклай душой назіраў, як павольна і няўхільна займалася ранне. Угары хутка святлела неба, з-пад начнога змроку ўсё выразней вынікаў самотны снежны абшар; дарога наперадзе даўжэла і рабілася бачнай далёка.* [176, с. 406] → *Ночь кончалась и тем снимала с них свою опеку, день обещал мало хорошего. И Рыбак с поникшей душой смотрел, как медленно и неуклонно занималось зимнее утро: светлело небо, из-под ночных сумерек яснее проступал снежный простор, дорога впереди постепенно длиннела и становилась видной далеко.* [177, с. 453] и др.

В данном примере количество предложений сохраняется, однако их границы не совпадают.

Перестановка наблюдается в **13** парах эквивалентов. Она может затрагивать **отдельные предложения** (**7** примеров): *Зямля гула, стагнала, крычала. Цемру иматавалі кароткія барвовыя выбліскі.* [180, с. 95] → *Тьму разрывали короткие багровые вспышки. Земля гудела, стонала, кричала.* [181, с. 104] и др.

В некоторых случаях перестановке подвергаются **части СП** (**5** примеров): *Ён тут жа прахапіўся, «Камсамалец» праваліўся правай гусеніцай, камбата абдало зямлэй і гарачаю хваляй выбуху.* [176, с. 366] → *Комбата обдало землём и горячей волной взрыва, он тут же вскочил: «Комсомолец» сильно осел на правую гусеницу.* [177, с. 418].

В 4 примерах **перестановка сопровождает другие синтаксические трансформации** (членение, объединение предложений и др.): – *Ты ўжо як-небудзь. Знаеш, я не памочнік.* [176, с. 388] → – *Знаешь... Ты уж как-нибудь. Сегодня я не помощник.* [177, с. 438].

Итак, в процессе АП активно используются такие виды трансформаций синтаксических единиц, как опущение и добавление предложений, а также смещение границ предложения, замена, объединение, членение, перестановка синтаксем.

2.3.2 Трансформация словосочетаний и сочетаний слов при авторском переводе

Применительно к словосочетанию целесообразно говорить о следующих видах преобразований: опущение или добавление словосочетаний, перестановка главного и зависимого слов, замена синтаксической конструкции.

Наблюдения показали, что наиболее распространённым преобразованием словосочетаний при АП с белорусского языка на русский является **замена синтаксической конструкции (350 пар эквивалентов)**. При этом трансформациям подверглись следующие единицы:

1) конструкции со значением посессивности (принадлежности) – **270** примеров;

2) словосочетания с обстоятельственным значением образа и способа действия – **41** пример;

3) словосочетания, которые выражают определительные отношения – **39** примеров.

Обратимся к характеристике изменений в каждой из данных групп.

Категория **посессивности** широко представлена как в русском, так и в белорусском языке и выражается чаще всего в адъективных конструкциях либо в словосочетаниях с именем существительным в родительном падеже со значением принадлежности. Различие между языками состоит в том, какой из двух конструкций отдаётся предпочтение.

В. В. Виноградов считал, что посессивные адъективы в русском языке «лишены перспектив» [33, с. 172]. Возможные причины такого положения называет А. П. Ушакова: «В силу их индивидуализирующих функций притяжательные прилагательные в отличие от других разрядов прилагательных не могут свободно образовываться от всех существительных. Возможность их образования находится в зависимости от фактора конкретности имён существительных, отсюда их число ограничено: используются преимущественно имена собственные и нарицательные, характеризующие лицо по семейно-родственным отношениям» [145, с. 18–19].

Таким образом, преимущество в русском языке имеет родительный падеж со значением принадлежности, конструкции которого весьма разнообразны [145, с. 25].

В системе белорусского языка, напротив, притяжательные прилагательные «сохранили свою активность в разговорной речи и языке художественных произведений» [60, с. 123]. Интересные наблюдения на этот счёт представляет А. Клышка в статье «Сумую па прыналежных прыметніках...» [73]. В частности, он

говорит об исследованиях М. Стельмаха, занимавшегося подсчётами обеих форм выражения посессивности в фольклорных источниках и в художественной литературе. Например, в «Белорусском сборнике» (1886 г.), содержащем разнообразный фольклорный материал, вообще не встречается родительный падеж со значением принадлежности. В материалах «Хрестоматии по белорусской диалектологии» (1962 г.), собранных в 1948–1959 гг., употреблено 81 притяжательное прилагательное и всего 3 существительных в форме родительного падежа со значением принадлежности. Аналогичную ситуацию наблюдал исследователь и в языке художественной прозы. Так, в повести «Дрыгва» Я. Коласа из 148 посессивных конструкций 127 выражены притяжательными прилагательными и 21 – существительными в родительном падеже. В романе «Людзі на балоце» И. Мележа насчитывается 157 примеров с притяжательными прилагательными, а с родительным падежом существительного – всего 10.

Очевидно, данное расхождение в языковых средствах выражения посессивности должно отражаться при АП с белорусского языка на русский. Сравнительному анализу были подвергнуты **270** пар предложений, содержащих конструкции со значением принадлежности. Так, в белорусскоязычных оригиналах насчитывается **81** прилагательное и **149** существительных в форме родительного падежа. Русскоязычные АП демонстрируют другое соотношение: **77** прилагательных и **183** существительных в родительном падеже (рисунок 2.8).

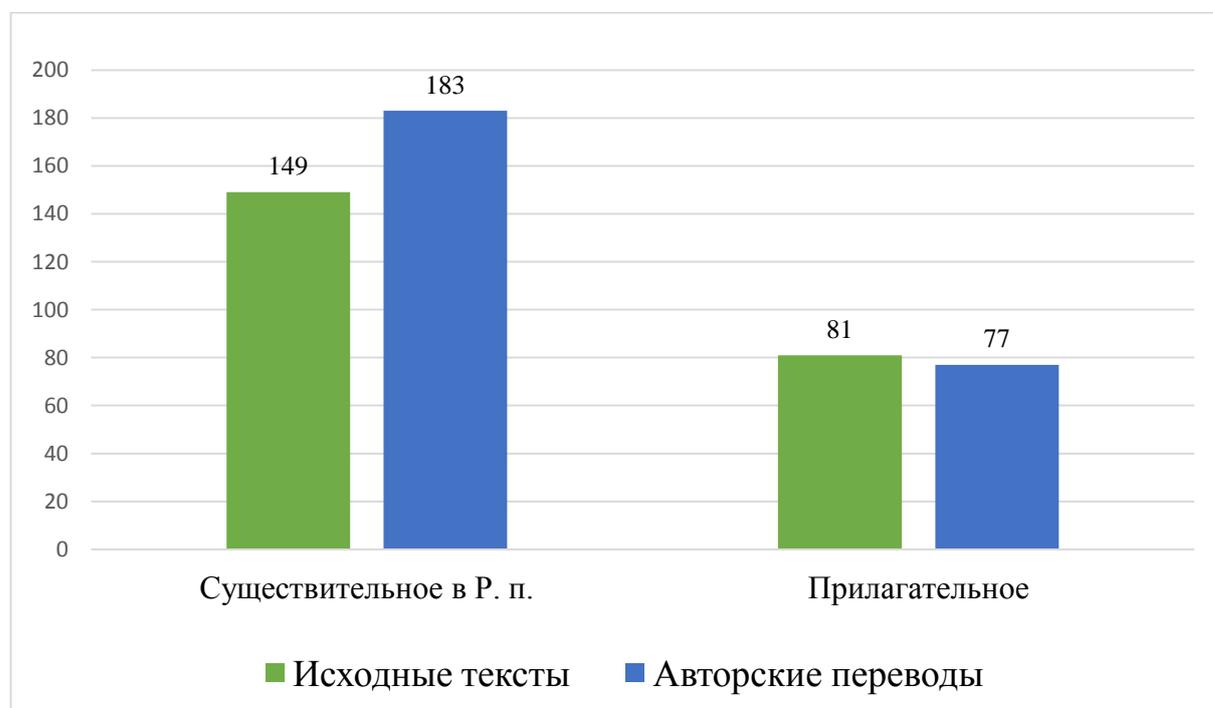

Рисунок 2.8. – Языковые средства выражения посессивности в исходных текстах и авторских переводах

Как следует из рисунка 2.8, употребление посессивных конструкций с прилагательными более характерно для исходных текстов, а с существительными в Р. п. – для АП.

Необходимо заметить, что не все имена прилагательные в анализируемых примерах относятся к разряду притяжательных, некоторые являются относительными, тем не менее семантика принадлежности сохраняется, хотя носит обобщённый характер. Например, *дзіцячы голас* ('голос, принадлежащий детям как группе') → *голос ребёнка* ('голос, принадлежащий конкретному ребёнку'); *конская грива* ('грива лошади как вида') → *грива лошади* ('грива конкретной лошади') и т. д.

Большинство исследованных конструкций образованы от имён собственных, названий живых существ, наименований родственников, названий профессий и воинских званий.

Пары посессивных эквивалентов образуют 4 группы, представленные в таблице 2.17.

Таблица 2.17. – Посессивные эквиваленты в авторском переводе

Модель конструкции при переводе	Примеры
1	2
Назоўнік у Р. скл. → существительное в Р. п.	<u>128 примеров</u> <i>У руках Рыбака</i> → <i>в руках Рыбака</i> ; <i>рукі Сотнікава</i> → <i>руки Сотникова</i> ; <i>галасы Рыбака і дзяўчынкі</i> → <i>голоса Рыбака и девочки</i> ; <i>танк Колышава</i> → <i>танк Колышева</i> и др.
Прыметнік → прилагательное	<u>53 примера</u> <i>Рыбакавай дапамогі</i> → <i>Рыбаковой помощи</i> ; <i>Рыбаковы ногі</i> → <i>Рыбаковы ноги</i> ; <i>Рыбакову руку</i> → <i>Рыбакову руку</i> ; <i>ад Колькавага твару</i> → <i>от Колькиного лица</i> ; <i>Лецечкавых рук</i> → <i>Летечкиных кулаков</i> ; <i>Лецечкава вайна</i> → <i>Летечкина война</i> ; <i>Лецечкавага жыцця</i> → <i>Летечкиной жизни</i> ; <i>Лецечкава рука</i> → <i>Летечкина рука</i> ; <i>Лецечкава рыба</i> → <i>Летечкина рыба</i> ; <i>у Нінінай галаве</i> → <i>в Нининой голове</i> ; <i>Кульгаеў (хутар)</i> → <i>Кульгаев (хутор)</i> ; <i>у мамінай шкатулцы</i> → <i>в маминой шкатулке</i> ; <i>бацькаву падзяку</i> → <i>отцовское спасибо</i> ; <i>конскіх капытоў</i> → <i>конских копыт</i> ; <i>у дзедавым сундуку</i>

Продолжение 2.17

1	2
Прыметнік → прилагательное	<i>куфры</i> → <i>в дедовском сундуке</i> ; <i>матчынай рукі</i> → <i>маминой руки</i> ; <i>буслінае кубло</i> → <i>буслиное гнездо</i> ; <i>коласаўская Ядвіся</i> → <i>колосовская баба Зося</i> ; <i>панская чэлядзь</i> → <i>панская челядь</i> и др.
Прыметнік → существительное в Р. п.	<p style="text-align: center;"><u>28 примеров</u></p> <i>Рыбакова сумленне</i> → <i>совесть Рыбака</i> ; <i>Сотнікава ступня</i> → <i>стопа Сотникова</i> ; <i>Рыбакова спіна</i> → <i>спина Рыбака</i> ; <i>Васілёў твар</i> → <i>лицо Василя</i> ; <i>на Аляксееву роту</i> → <i>на роту Алексея</i> ; <i>Аляксееў таварыш</i> → <i>товарищ Алексея</i> ; <i>Крыўцоў акап</i> → <i>окоп Кривца</i> ; <i>Драздова рота</i> → <i>рота Дрозда</i> ; <i>Якавенкаў узвод</i> → <i>взвод Яковенко</i> ; <i>Васілёвы ногі</i> → <i>ноги Василя</i> ; <i>ад Тураўцовага смеху</i> → <i>от смеха Туровца</i> ; <i>за дзяцей Сучковых</i> → <i>за детей Сучка</i> ; <i>Лецечкаву руку</i> → <i>руку Летечки</i> ; <i>Асталонава сэрца</i> → <i>сердце Остолопа</i> ; <i>Лецечкава плячо</i> → <i>плечо Летечки</i> ; <i>Стасевы крокі</i> → <i>шаги полица</i> ; <i>чалавечага следу</i> → <i>следа от ног человека</i> ; <i>дзіцячы голас</i> → <i>голос ребёнка</i> ; <i>конскай грывай</i> → <i>гривой лошади</i> ; <i>бацькава фота</i> → <i>фото отца</i> ; <i>сынаў характар</i> → <i>характер сына</i> ; <i>бацькавых ног</i> → <i>ног отца</i> ; <i>дзедавых пчол</i> → <i>пчёл деда</i> ; <i>на кавальскім малатку</i> → <i>по молоту кузнеца</i> и др.
Назоўнік у Р. скл. → прилагательное	<p style="text-align: center;"><u>12 примеров</u></p> <i>Кулакі Лецечкі</i> → <i>Летечкины кулаки</i> ; <i>герояў Тургенева</i> → <i>тургеньевских героев</i> ; <i>голос старога</i> → <i>старческий голос</i> ; <i>знакі афіцэраў і генералаў</i> → <i>офицерские и генеральские знаки</i> ; <i>вочы дзетдомаўцаў</i> → <i>ребячьи глаза</i> ; <i>з'езджанасць каня</i> → <i>лошадиная заезженность</i> ; <i>у шкуры вужакі, гадзюкі</i> → <i>в ужинной, гадючьей коже</i> ; <i>хвосціка труса</i> → <i>кроличьего хвостика</i> и др.

Согласно данным, представленным в таблице 2.17, наиболее распространённой трансформацией при АП посессивных конструкций является замена белорусского словосочетания с существительным в Р. п. русским эквивалентом. Это согласуется с общеязыковой тенденцией.

Во вторую группу в количественном отношении входят случаи употребления русского прилагательного вместо белорусского. Тем не менее, как сказано выше, употребительность притяжательных прилагательных в русском языке носит ограниченный характер, и в первую очередь речь идет о прилагательных на **-ов (-ев)** и **-ин**. Сферой их применения в современном языке преимущественно является стиль художественной литературы. Прилагательные на **-ин (-ын)** развиваются в живом разговорном языке и отсюда могут проникать в язык литературы [67, с. 219].

Замена притяжательного прилагательного существительным в родительном падеже также распространена при АП, что согласуется с литературной нормой современного русского языка. Данные конструкции синонимичны и относятся к атрибутивному типу посессивных конструкций, выполняя идентичную функцию [22, с. 99].

Наконец, посессивные конструкции с существительным в форме Р. п., не имеющие аналога либо в оригинале, либо в АП, более характерны для русскоязычного текста, чем для белорусскоязычного – **29** случаев против **9**, что также не противоречит законам русского языка.

Таким образом, АП посессивных конструкций в основном происходит в соответствии с закономерностями русского и белорусского языков, однако в ряде случаев допускаются определённые отступления.

Вторую группу составляют пары, в которых один из эквивалентов представляет собой словосочетание с предикатным существительным в функции **обстоятельства образа и способа действия**, а второй – словосочетание с наречием в аналогичной функции.

Во многих славянских языках активно используются предикатные существительные в форме творительного падежа с предлогом **с**. Д. С. Станишева называет эту форму «творительный социативный образа действия» и выделяет несколько её разновидностей [137, с. 57–63]. В исходных текстах и АП нами были обнаружены примеры двух разновидностей творительного социативного, описанных Д. С. Станишевой:

1) определяет внутренние особенности действия, его характер [137, с. 60]: **5** примеров в оригиналах (*з натугай падабраў ногі; з настойлівасцю патрабаваў; запытаўся з іроніяй; сказаў з непрыхільнасцю; сачыць з увагай*) и **14** – в АП (*с усилием вололась; со значением взглянул; с угрозой топнула; с ясностью сознавая; с трудом вздохнул; с осторожностью выпрямился; подумал с неприязнью; с неохотой отступил; зажурчала с упрёком; с усилием вдавливал; с интересом прислушивался; началась с опозданием; с надменным видом отвернулась; с нажимом объявил*). Предикатные существительные данной разновидности, согласно Д. С. Станишевой, всегда обладают «невещественным значением» и почти во всех случаях могут заменяться наречием;

2) определяет состояние субъекта в момент совершения им действия [137, с. 58]: **3** примера в исходных текстах (*крыкнуў са злосцю; прамовіла з замілаваннем; сказала са здзіўленнем*) и **7** – в АП (*с печалью сказала; с тревогой вслушивался; с тревогой взглядываясь; с облегчением подумал; с удивлением сообщил; слушали с волнением; с тоской и обречённостью поглядывал*).

К обстоятельствам образа и способа действия традиционно относят формы предложного падежа отвлечённых существительных с предлогом **в**, выражающие значения ситуативного состояния или сопутствующих обстоятельств, внутреннего состояния лица во время совершения им действия [126, с. 50]. Г. А. Золотова относит эти формы к единицам, выступающим в качестве второго предикативного компонента моделей с глагольно-именным предикатом [62, с. 307]. Они представлены **тремя** примерами в исходных текстах (*адзначыў у думках; у роздуме зірнуў; у думках рыхтаваўся*) и таким же количеством – в АП (*в нерешительности остановился; в смятении опустил; содрогнулся в ознобе*).

Функцию обстоятельства образа и способа действия в русском и белорусском предложении может выполнять предикатное существительное в форме родительного падежа с предлогом **без** (**1** пример в оригинале и **3** – в АП). Эта форма выражает признак, характеризующий основное действие своим отсутствием: *адгукнуўся без злосці; относился без сочувствия; пролежав без сна; без конца копать*. Единичны примеры родительного падежа с предлогами **из** в АП (*из предосторожности взглянул*) и **да** в исходном тексте (*да тэрміну выканалі*).

Согласно данным таблицы 2.18, при АП с белорусского языка на русский наблюдается переход наречий в предикатные существительные (**28** случаев), вследствие которого тип связи между главным и зависимым словом в словосочетании меняется с примыкания на предложное управление (в **21** случае – с Т. п. с предлогом **с**). Обратный переход характерен для **13** пар эквивалентов.

Таблица 2.18. – Авторский перевод словосочетаний с обстоятельственным значением образа и способа действия

Тип перехода	Падеж зависимого существительного при управлении	Примеры
1	2	3
Примыкание → управление	Творительный падеж	21 пример <i>Прыстала брыдучы → с усилием вололась;</i> <i>усмешыста зірнуў → со значением взглянул;</i> <i>тужліва адказала → с печалью сказала;</i> <i>пагрозліва тупанула → с угрозой топнула;</i>

Продолжение 2.18

1	2	3
Примыканне → управление	Творительный падеж	<p><i>выразна адчуваючы → с ясностью</i> созная; <i>нявесела ўслухаўся → с тревогой</i> вслушивался; <i>пільна паглядзела → с тревогой</i> вглядываясь; <i>задаволена падумаў → с облегчением</i> подумал; <i>трудна выдыхнуўшы → с трудом</i> вздохнув; <i>засцярожліва</i> выпрастаўся → с <i>осторожностью</i> выпрямился; <i>падумаў непрызна → подумал с неприязнью</i>; <i>неахвотна адступіўся → с неохотой</i> отступил; <i>здзіўлена прамовіў → с удивлением</i> сообщил; <i>зажурчэла дакорліва → зажурчала с упрёком</i> и др.</p>
	Родительный падеж	<p><u>4 примера</u> <i>Асцярожліва зірнуў → из предосторожности</i> взглянул; <i>ставіўся безуважна → относился без сочувствия</i>; <i>праляжаўшы бяссонна → пролежав без сна</i>; <i>бясконца капаць → без конца копать</i>.</p>
	Предложный падеж	<p><u>3 примера</u> <i>Нераішуча спыніўся → в нерешительности</i> остановился; <i>збянтэжана сеў → в смятении</i> опустился; <i>азябла скалануўся → содрогнулся в ознобе</i>.</p>
Кіраванне → примыкание	Творны склон	<p><u>8 примеров</u> <i>Крыкнуў са злосцю → озлясь</i>, вскрикнул; <i>з натугай падабраў ногі → вяло</i> подобрал ноги; <i>з настойліваасцю патрабаваў → настырно</i> требовал; <i>запытаўся з іроніяй → иронически</i> спросил; <i>прамовіла з замілаваннем → сказала влюблённо</i>; <i>сказаў з непрыхільнасцю → сказал неодобрительно</i>; <i>сказала са здзіўленнем → сказала удивлённо</i>; <i>сачыць з увагай → внимательно</i> следит.</p>

Окончание 2.18

1	2	3
Кіраванне → примыканне	Месны склон	<u>3</u> <u>прымера</u> <i>Адзначыў у думках → мысленно отметил; у роздуме зірнуў → озабоченно взглянул; у думках рыхтаваўся → мысленно готовился.</i>
	Родны склон	<u>2</u> <u>прымера</u> <i>Да тэрміну выканалі → досрочно выполнили; адгукнуўся без злосці → отозвался беззлобно.</i>

Заметим, что большинство примеров относятся к модели, в которой белорусское словосочетание с наречием заменяет русское словосочетание с творительным социативным, определяющим внутренние особенности действия, его характер. По наблюдениям Д. С. Станишевой, творительный образа действия данной разновидности, свойственный многим славянским языкам, «нередко переводится на русский соответствующим наречием» [137, с. 62]. Согласно нашему исследованию, это характерно и для АП с белорусского языка на русский, однако преобладающие позиции занимает всё же обратное явление.

Третьей по численности группой словосочетаний, подвергшихся замене при АП, являются единицы, которые выражают **определятельные отношения** (37 пар эквивалентов). К данной группе относятся сочетания «имя существительное + имя существительное», где главное и зависимое слово связаны друг с другом по типу предложного либо беспредложного управления, а также сочетания «имя существительное + имя прилагательное», где зависимое слово согласуется с главным. Данные модели словосочетаний в исходных и переводных текстах выступают как взаимозаменяемые.

Количество случаев преобразования управления в согласование (22) приблизительно равно количеству примеров обратной замены (15). В таблице 2.19 представлены закономерности подобных трансформаций.

Согласно данным, приведённым в таблице 2.19, взаимной замене с именами прилагательными подвержены имена существительные в форме родительного, творительного и предложного падежей как в исходном тексте, так и в АП. Это обусловлено близостью грамматического строя белорусского и русского языков, в которых названные падежи могут иметь определятельное значение, соотносимое со значением имени прилагательного. Например, *чэргі (якія?) аўтаматаў → (какие?) автоматные очереди; ногі (якія?) ўсіх адценняў → (какие?) цветные ноги; ад паху (якога?) часнаку і кмену → от (какого?) чесночного и тминного духа; шкарлупіна (якая?) ад яйка → (какая?) яичная скорлупа; схільнасць (якая?) да музыкі → (какие?) музыкальные наклонности; да скрынкі (якой?) са*

снарадами → к (какому?) *снарядному* ящику; *хлопец* (які?) з *блакітными вачыма* → (какой?) *голубоглазый* парень; *болю* (якога?) *ў галаве* → (какой?) *головной* боли; *твар* (які?) *у рабацінні* → (какое?) *веснушчатое* лицо; (якія?) *жытнія* валасы → *прядка* (какая?) *цвета ржи*; (якіх?) *масляных* плям → *пятен* (каких?) *масла*; (які?) *жардзяны* плот → *забор* (какой?) *из жердей*; (які?) *хрыпаты* голас → *голос* (какой?) *с хрипотой*; (якая?) *кучаравая* жанчына → *женищина* (какая?) *в кудряшках* и т. д.

Таблица 2.19. – Авторский перевод словосочетаний, выражающих определительные отношения

Тип перехода	Падеж зависимого существительного ¹⁰ при управлении	Примеры
1	2	3
Кіраванне → согласование	Родны склон	<p><u>15 примеров</u></p> <p><i>На скрынках снарадаў</i> → на <i>снарядных</i> ящиках; <i>у прыцемках ночы</i> → в <i>ночных</i> сумерках; <i>купка хвоек</i> → <i>хвойный</i> клочок; <i>хамлачок хвоек</i> → <i>хвойный</i> клочок; <i>незалежнасці тону</i> → <i>независимого</i> тона; <i>чэргі аўтаматаў</i> → <i>автоматные</i> очереди; <i>масы танкаў</i> → <i>танковые</i> силы; <i>ногі ўсіх адценняў</i> → <i>цветные</i> ноги; <i>па дарожцы саду</i> → по <i>садовой</i> дорожке; <i>ад паху часнаку і кмену</i> → от <i>чесночного</i> и <i>тминного</i> духа; <i>шкарлупіна ад яйка</i> → <i>яичная</i> скорлупа и др.</p>
	Творны склон	<p><u>4 примера</u></p> <p><i>Да скрынкі са снарадамі</i> → к <i>снарядному</i> ящику; <i>хлопец з блакітными вачыма</i> → <i>голубоглазый</i> парень; <i>камбат з доўгім станам</i> → <i>высокий</i> комбат; <i>змрок перад раницай</i> → <i>предутренний</i> полумрак.</p>

¹⁰ Как правило, в АП прилагательным заменяется зависимое существительное исходного текста и наоборот. Однако в некоторых случаях аналогичной замене подвергается главное слово (*да прахалоды шкла* → к *прохладному* стеклу) либо сочетание существительного с прилагательным (*ногі ўсіх адценняў* → *цветные* ноги; *хлопец з блакітными вачыма* → *голубоглазый* парень; *вяскова-жаночы звычай* → *повадки деревенских* тётки; *глюгастая птушка* → *птица с длинным* клювом и др.).

Продолжение 2.19

1	2	3
Кіраванне → согласование	Месны склон	<u>3 примера</u> <i>На планку ў дзвярах</i> → <i>на дверную планку</i> ; <i>болю ў галаве</i> → <i>головной боли</i> ; <i>твар у рабацінні</i> → <i>веснушчатое лицо</i> .
Даласаванне → управление	Родительный падеж	<u>10 примеров</u> <i>Вяскова-жаночы</i> звычай → <i>повадки деревенских тёток</i> ; <i>балючая сутарга</i> → <i>судорога боли</i> ; <i>дзённая яркасць</i> → <i>свет дня</i> ; <i>між лазовых кустоў</i> → <i>меж кустов лозняка</i> ; <i>жытнія валасы</i> → <i>прядка цвета ржи</i> ; <i>пад арэхавым кустом</i> → <i>под кустом орешника</i> ; <i>масляных плям</i> → <i>пятен масла</i> ; <i>да дзетдомаўскай брамы</i> → <i>к воротам детдома</i> ; <i>каля пагрузачнай пляцоўкі</i> → <i>возле площадки для разгрузки</i> ; <i>жардзяны плот</i> → <i>забор из жердей</i> .
	Творительный падеж	<u>3 примера</u> <i>Хрыпаты</i> голас → <i>голос с хрипотой</i> ; <i>глюгастая птушка</i> → <i>птица с длинным клювом</i> ; <i>віхрасны хлопчык</i> → <i>мальчик с вихорком</i> .
	Предложный падеж	<u>2 примера</u> <i>На куп'істай сенажаці</i> → <i>на лугу в кочках</i> ; <i>кучаравая жанчына</i> → <i>женщина в кудряшках</i> .

Таким образом, перевод словосочетаний, выражающих определительные отношения, происходит в соответствии с особенностями грамматики русского и белорусского языков.

Итак, наиболее частотным видом переводческой трансформации на уровне словосочетания является замена синтаксической конструкции. Однако в большинстве случаев она сопровождается **перестановкой компонентов** словосочетания. Например, конструкции со значением посессивности, которые в исходных текстах чаще всего строятся по модели «прилагательное + существительное», в АП переводятся как «существительное + существительное», хотя возможен и обратный переход (всего – 31 случай). В единицах, выражающих определительные отношения, взаимопереход указанных моделей наблюдается в 29

случаях. Перестановка в данных примерах происходит в соответствии с аналогичными структурными особенностями словосочетаний в русском и белорусском языках: согласованное определение обычно ставится впереди определяемого имени существительного, а несогласованное – после [125].

В конструкциях с обстоятельством образа и способа действия перестановка встречается редко (5 случаев) и, как правило, является средством его смыслового выделения (инверсии) (*азябла скалануўся* → *содрогнуўся в ознобе*; *запытаўся з іроніяй* → *іронічна спрасил*; *сачыць з увагай* → *внимательно следить*; *адзначыў у думках* → *мысленно отметил*) либо зависит от наличия других второстепенных членов (– *Ну а што ж – прападаць? – ледзь не крыкнуў са злосцю Рыбак <...>* [176, с. 466] → – *Так что же, пропадать? – вдруг озлясь, едва не вскрикнул Рыбак <...>* [177, с. 506]) [125].

Перестановка компонентов словосочетания как самостоятельное явление наблюдается в немногочисленных случаях, большинство из которых связаны с обстоятельственными единицами: *гаварыць шчыра* → *откровенно говорить*; *глядзела нерухома* → *неподвижно глядела*; *прысеў нерашуча* → *нерешительно присел*; *пайшла хутка і лёгка* → *быстро и легко пошла*; *правяла маўкліва* → *молча проводила*; *прышоў на дапамогу своечасова* → *вовремя пришёл на подмогу*; *гаварыў знарок мякка* → *намеренно говорил мягко*; *вывучыў добра* → *хорошо изучил*; *глуха тупнулi* → *топнули гулко*. Из примеров следует, что в исходных текстах обстоятельство почти во всех случаях стоит после сказуемого, а в АП – перед ним. Значит, при переводе инверсионный порядок слов заменяется прямым, более свойственным живой речи.

Перестановка компонентов также сопровождает АП словосочетаний с управлением (*ад дажджу лапатала* → *лопотала от дождя*; *увагнала ў пот гаспадара* → *вогнал хозяина в пот*; *пра ўсё на свеце забылі* → *забыли обо всём на свете*) и согласованием (*бедную памяць* → *память бедную*), однако данные примеры слишком малочисленны и не позволяют судить о каких-либо закономерностях.

Перестановка затрагивает и сочетания однородных членов, соединённых сочинительными союзами. Подобные трансформации наблюдаются в 16 случаях: *пальцы на нагах і руках* → *пальцы на руках и ногах*; *быў бадзёры і свежы* → *был свеж и бодр*; *пяляцелі ў дырэктарыху і ў Веру Канстанцінаўну* → *полетели в Веру Константиновну и директрису*; *паглынаў не з патрэбы есці і не з галадухі* → *поглощал не с голодухи, не из потребности есть*; *у зялёнай і бэзавай вадзе* → *в сиреневой и зелёной воде*; *выкінуў пернікі і вячэры* → *выбросил ужины и пряники*; *жывеш між зямлёй і небам* → *живёшь между небом и землёй*; *былі выкліканы Глушчанка і Ўдавец* → *были вызваны Вдовец и Глущенко*; *гарам з дымам ці з агнём* → *гарью с огнём или дымом*; *пыл і пот сляпілі вочы* → *пот и пыль разъедали лица*; *задыхнуўся ад пылу і зямлі* → *задохнувшись от земли и*

пыли; аказалася даўгім і шырокім → *оказалось широким и длинным*; *праз боль і знямогу* → *превозмогая слабость и боль*; *прападаць ад страты крыві і ад марозу* → *погибать от стужи и потери крови*; *справа з няўвязкамі і клопатамі* → *дело с хлопотами и неувязками*; *непадуладную ні абставінам, ні ворагу* → *не подвластную ни врагам, ни обстоятельствам*.

Неоднородные определения в составе трёхкомпонентных словосочетаний подверглись перестановке в 13 случаях: у *казённых хлапчуковых чаравіках* → в *мальчишечьих казённых ботинках*; з *чырвонай пяцікутнай зоркай* → с *пятиконечной красной звёздочкой*; з *паламаным шырокім казырком* → с *широким сломанным козырьком*; з *карымі вузкімі вачыма* → с *узкими карими глазами*; *хромавыя, прыпыленыя днём боты* → *запылённые днём хромовые сапоги*; *балотная брудная вада* → *грязная болотная вода*; у *палявую пухлую сумку* → в *пухлую полевую сумку*; *уедлівы знаёмы свіст* → *знакомый въедливый свист*; з *нямецкага ахоўнага батальёна* → из *охранного немецкого батальона*; *начны прывідны прастор* → *призрачный ночной простор*; *акрываўлены мокры буряк* → *мокрый, окровавленный бурок*; *пад цяжкую, нахіленую брыку* → *под кренящийся тяжёлый воз*; *нецярплівага маладога коніка* → *молодого, нетерпеливого коника*.

Перестановка однородных и неоднородных членов предложения может быть результатом смещения смыслового акцента с одной художественной детали на другую либо следствием стремления автора усовершенствовать просодический аспект предложения.

Приблизительно равное количество примеров иллюстрируют такие виды переводческих трансформаций, как **добавление** и **опущение** словосочетаний – 48 и 44 соответственно.

Добавление является одним из способов достижения декомпрессии текста при переводе. Н. В. Зимовец и Л. А. Кобзарева понимают под декомпрессией «линейное расширение текста при переводе с языка оригинала на переводной язык». При этом они рассматривают расширение текста не столько как «увеличение знакового объёма текста», сколько как «увеличение передаваемой информации с целью приближения её к информации оригинала» [59, с. 1728].

Среди причин декомпрессии переводного текста исследователи называют:

- расхождение систем Я1 и Я2;
- расхождение норм Я1 и Я2;
- расхождение речевых норм (узусов);
- расхождение коммуникативно-релевантных, информационных запасов носителей Я1 и Я2;
- субъективное решение переводчика [59, с. 1730].

Тем не менее, расхождение систем белорусского и русского языков не настолько существенно, чтобы добавление словосочетаний носило множественный

характер. Учитывая, что в данном случае речь идет об АП, то, с нашей точки зрения, субъективное решение автора-переводчика является определяющим фактором декомпрессии текста АП.

Данное положение подтверждается следующим наблюдением: декомпрессия при АП всегда сопровождается расширением, уточнением передаваемой информации, что не всегда способствует приближению её к исходной информации.

Рассмотрим пример: *Усе атрады были ўжо гатовы да выступлення. А камбрыг усхвалявана, нецярпліва прыслухоўваўся да начнога шуму.* [180, с. 92]. При переводе И. Мележ уточнил место совершения действия: *Все отряды были уже готовы к выступлению, а комбриг на краю луга нетерпеливо прислушивался к ночному шуму.* [181, с. 102]. В данном случае происходит неоправданное при профессиональном переводе расширение информации оригинала.

Однако в ряде случаев (8 из 48) декомпрессия не нарушает исходный авторский замысел, наблюдается лишь лексическое развёртывание текста без смыслового искажения: *Ён дачакаўся яго, прыспеў судны дзень, але няхай не думаюць тыя, хто забіваў яго, што яны памруць лёгкай смерцю.* [178, с. 139] → *Он дождался его, суд идёт, идёт по земле. Но пусть не думают те, кто убивал его, что отделаются лёгкой смертью.* [179, с. 514].

Приём компрессии представляет собой сжатие исходного текста при переводе. Компрессия текста достигается путём устранения избыточных элементов высказывания, опущения элементов, восстанавливаемых из контекста или ситуации, а также с помощью перегруппировки синтаксических компонентов (например, замены словосочетания словом) [153, с. 201–203].

В процессе АП компрессия исходного текста происходит вследствие **опущения** избыточных словосочетаний (21 пример из 44). Как правило, упрощаются уточняющие и поясняющие конструкции, что приводит к генерализации смысла: *І тут з-за лесу выслізнаў месяц, яркі, шчарбаты, нібыта быў ён да гэтага на прывязі, на вяроўцы ці нават на ланцугу, на дроце нейкім.* [178, с. 101] → *И тут же из-за леса выскользнула луна, яркая, щербатая, словно была до этого на привязи <...>.* [179, с. 477–478]. Кроме того, авторы-переводчики опускают излишние, с их точки зрения, сравнительные обороты (5 случаев): *Ён застанецца без крыві. І яго, як мокрую анучу, выкінуць на сметнік.* [178, с. 135] → *Он останется без крови, и его выбросят на помойку.* [179, с. 512].

Однако в 23 случаях наблюдается необоснованное опущение словосочетаний, которое влечёт за собой компрессию не только формы исходного текста, но и его смысла. Так, при АП предложения *Лецечка склаў на чамадан рукі, схіліўся над ім, уцягнуў у сябе яго пах, даўно зжытых клапоў; пах яблыкаў, якія колісь захоўваліся ў ім, гэтым чамадане, а цяпер ужо даўно з'едзены; пах цукерак, дзетдомаўскіх паек хлеба, пах яго, Лецечкавага, жыцця – лекаў, дэзінфекцый, жалеза і гумы; дыхнуў гэтымі пахамі, соладка прыжмурыўся і рэзка, рыўком,*

адкінуў вечка. [178, с. 140] словосочетание *гэтымі пахамі* восстанавливается из контекста, словосочетание *гэтым чамадане* является избыточным, остальные же опущения сужают информационное пространство предложения: *Летечка склонился над ним, втянул в себя его запах давно изжитых клопов, яблок, хранившихся когда-то в нём, а теперь давно уже съеденных, конфет, запах его, Летечкиной, жизни – лекарств, дезинфекций, металла и резины. Вздохнул и рывком открыл крышку.* [179, с. 516].

Итак, АП словосочетаний сопровождается заменой синтаксических конструкций, перестановкой главного и зависимого слов, добавлением либо опущением словосочетаний. Однако из всех произведённых авторами-переводчиками трансформаций на уровне словосочетания оправданными с лингвистической точки зрения являются лишь замена притяжательных прилагательных существительными в Р. п., а также перестановка компонентов обстоятельственных конструкций. Причиной остальных изменений можно считать субъективное решение авторов-переводчиков.

2.3.3 Специфика актантных трансформаций при авторском переводе

Преобразования актантной структуры предложения представляют собой недостаточно изученную область в отечественном и российском переводоведении. Наиболее значимыми исследованиями в этой области являются работы профессора В. Г. Гака и его последователей (Л. А. Оньковой, Р. В. Сычёва [110] и др.), которые строятся на сопоставлении русского и французского языков. Работ, затрагивающих указанные аспекты перевода с близкородственных языков, а тем более АП, не существует. Однако наблюдения показывают, что актантные трансформации в АП с белорусского языка на русский обладают специфическими чертами.

Под **актантами** понимаются участники глагольного действия (субъект и объект) [106, с. 16] либо «любой член предложения, обозначающий лицо, предмет, участвующий в процессе, обозначенном глаголом» [37]. Различают актанты **семантические (реальные)** (субъект, объект и др.) и **синтаксические** (члены предложения: подлежащее, дополнение и др.). Соответствие между семантическими и синтаксическими актантами лексемы обозначается термином *диатеза* [148, с. 73].

Однако, являясь коммуникативным актом, АП предполагает возможность рассмотрения актантных трансформаций с коммуникативной точки зрения. В

данном аспекте необходимо различать понятия «семантической роли» и «коммуникативного ранга» участников действия.

Согласно Е. В. Падучевой, **семантическая роль** характеризует актанта «с точки зрения его места в когнитивной структуре» (Агенс, Пациенс, Инструмент, Адресат, Место и др.) [111, с. 93]. **Коммуникативный ранг** характеризует участника действия «с прагматической точки зрения – по отношению к фокусу внимания говорящего» (Субъект, Объект, Периферия, Нуль¹¹) [111, с. 93].

Таким образом, **диатезу** лексемы можно представить как «набор семантических ролей участников с указанием их коммуникативных рангов» [111, с. 97]. Под **актантной трансформацией** мы понимаем изменение соотношения между диатезами в исходных текстах и АП.

Согласно наблюдениям В. Г. Гака, при переводе с французского языка на русский или обратно наиболее частотны актантные трансформации в пассивных, неопределённо-личных и безличных конструкциях, а также взаимозамена актантов в двусоставных предложениях [38]. Для АП с белорусского языка на русский почти с одинаковой употребительностью характерны актантная трансформация безличных конструкций (**146** примеров) и взаимозамена актантов (**144** примера). В гораздо меньшей степени распространены преобразования актантной структуры пассивных и односоставных предложений (**50** и **39** примеров соответственно).

Категория личности / безличности представляет несомненный интерес в аспекте изучения переводческой деятельности с позиций антропоцентричности. Лингвисты относят её к категориям, которые в наибольшей степени зависят от выбора говорящего [16, с. 41]. Применительно к АП данный выбор интересен как в оригинальном контексте, так и в переводном, поскольку осуществляется одним и тем же лицом.

Категория личности / безличности ориентирована на соотношение прагматического и семантического компонентов высказывания, указывая либо на тождество, либо на нетождество говорящего и субъекта действия [18, с. 76]. Значит, для данной категории понятие субъекта действия является определяющим. Согласно классическим дефинициям, безличные предложения представляют собой конструкции, в которых «субъект либо выражен не подлежащим, либо вообще не получил словесного выражения» [16, с. 39].

Е. В. Зарецкий в монографии «Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками)» приводит мнения ряда лингвистов, которые считают, что безличные конструкции унаследованы из индоевропейского праязыка [56, с. 31–32]. Основываясь на этом заключении, можно сделать предположение о

¹¹Ранг Нуль присущ актанту, который не имеет синтаксического выражения при данном глаголе [111, с. 93].

совпадении структурных закономерностей и значений русского и белорусского имперсонала.

Существует множество структурных и семантических классификаций безличных предложений, однако наиболее уместной нам представляется классификация, разработанная А. В. Петровым [114, с. 26–27], т. к. она объединяет структурно-семантические варианты русского безличного предложения: бессубъектные, локативно-субъектные, дативно-субъектные, объектно-субъектные, инструментально-субъектные, неопределённо-субъектные, безлично-результативные, инструментально-тематические, безлично-генитивные, безлично-модальные, безлично-оценочные и контактно-относительные.

Анализ текстов показал наличие трансформаций среди **10** из **12** вариантов безличных конструкций, исключая безлично-результативные и инструментально-тематические в силу их незначительного употребления в исходных текстах и АП. Следует отметить, что в абсолютном большинстве примеров (**118** из **264**, **45%**) безличные конструкции сохраняются при АП. Замена личного предложения имперсоналом наблюдается в **79** случаях (**30%**). Употребление личной конструкции вместо исходной безличной характерно для **67** пар эквивалентов (**25%**). Процентное соотношение употребления различных моделей перевода безличных конструкций наглядно представлено в виде рисунка 2.9.

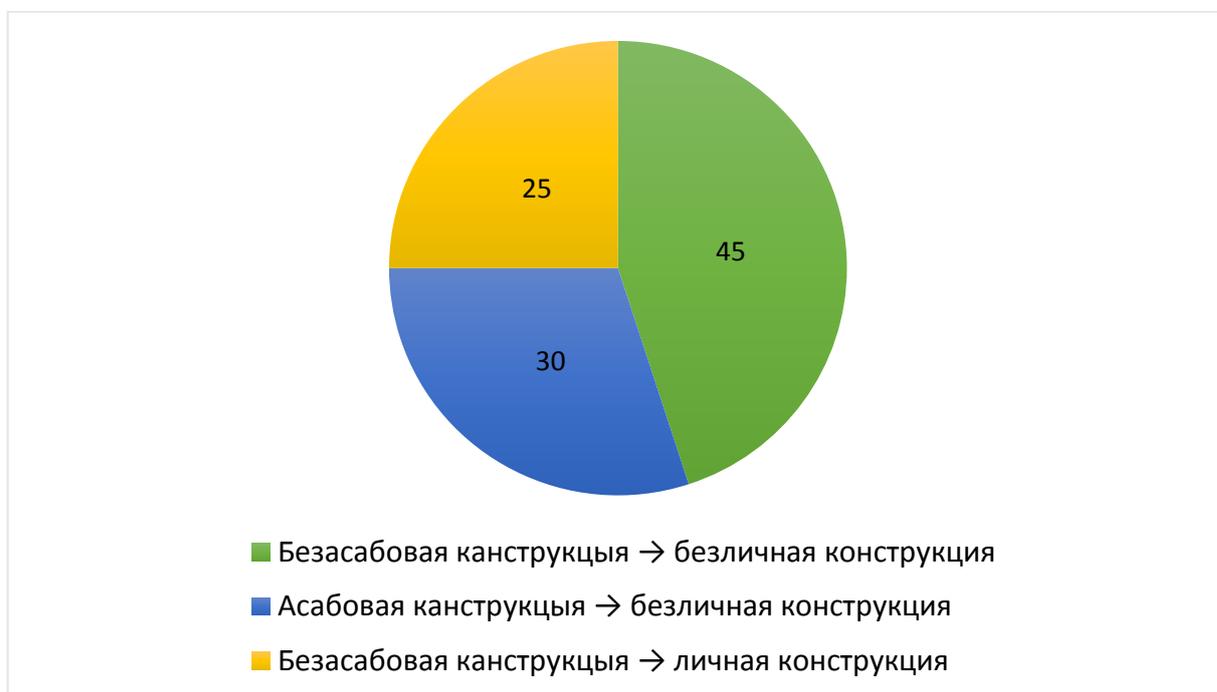

Рисунок 2.9. – Модели авторского перевода безличных конструкций, %

Обратимся к характеристике структурно-семантических вариантов безличных предложений, которые имеют личный эквивалент в исходном тексте либо в АП и представлены на рисунке 2.10.

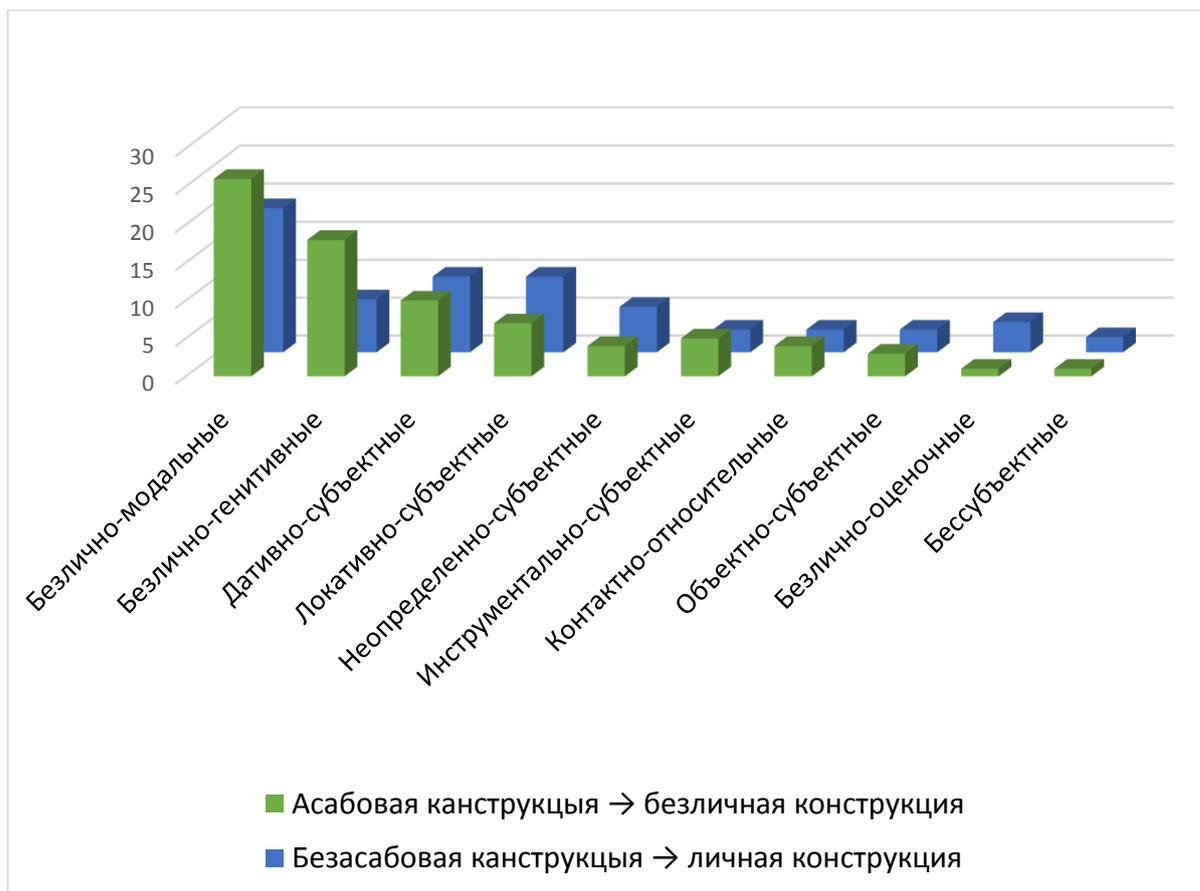

Рисунок 2.10. – Структурно-семантические варианты безличных предложений при авторском переводе

Заметим, что семантика имперсонала во многих случаях не означает полное отсутствие субъекта действия, а лишь делает его отстранённым. Абсолютное большинство трансформаций безличных конструкций в обеих моделях перевода приходится на **безлично-модальные** предложения, в которых выражаются разнообразные отношения между субъектом и действием (возможность, необходимость, желательность и др.) [114, с. 34]. Для выражения субъектного значения используется дательный субъекта: *Але адысці ёй удалося недалёка: наперадзе немцы высадзілі дэсант.* [180, с. 11] → *Но уйти она смогла недалеко: впереди немцы высадили десант.* [181, с. 18] (Агенс-Субъект → Агенс – отстранённый Субъект); *Ну хто ж жыць не хоча!* [176, с. 456] → *Ну кому ж жить не хочется.* [177, с. 496] (Экспериенцер-Субъект → Экспериенцер – отстранённый Субъект) и др.

Подобные предложения могут быть грамматически неполными, однако опущенный инфинитив либо не требуется в составе фразеосхемы (*Калі спіць чалавек, ці да яды яму?* [178, с. 11] → *Когда спит человек, разве ему нужна еда?* [179, с. 388] (Пациенс-Периферия → Пациенс-Субъект)), либо легко восстанавливается из контекста (– *Нам патрэбны следчы, – вымавіў ён <...>.* [176,

с. 491] → – *Нам надо (обратиться) к следователю, – проговорил он <...>*. [177, с. 527] (Пациенс-Субъект → Пациенс-Адресат)).

Употребление **безлично-генитивных** предложений более свойственно для модели перевода «асабовая канструкция → безличная конструкция», т. е. для текстов АП. Для данных предложений характерна семантика бытийности, которая проявляется в отрицании наличия субъекта (*Іх цяпер для яго не існавала <...>*. [180, с. 90] → *Они теперь для него не существовали <...>*. [181, с. 100] (Пациенс – отстранённый Субъект → Пациенс-Субъект)) либо в увеличении его количества (*Лецечка стрымглоў ад Захар’і, адкуль тае і сілы ўзялося*. [178, с. 3] → *И Лечечка бегом от Захарьи, откуда силы взялись*. [179, с. 378] (Пациенс – отстранённый Субъект → Пациенс-Субъект)). По утверждению В.В. Бабайцевой, безлично-генитивные конструкции с отрицанием наличия субъекта «обозначают состояние, обусловленное отсутствием чего-либо» [7, с. 100].

Дативно-субъектные предложения предполагают наличие пассивного отстранённого субъекта и характеризуют психофизическое состояние, которое субъект испытывает вследствие воздействия на него стихийных сил [114, с. 29]: *Чым больш аддаляецца Аўдоця ад таго лесу на беразе балота, тым вальней становіцца ёй*. [180, с. 2] → *Чем дальше уходила Шабуниха от леса, тем увереннее (она) чувствовала себя*. [181, с. 10] (Пациенс – отстранённый Субъект → Пациенс-Субъект); *І жахлівасць напалана Кольку*. [178, с. 4] → *И страшно стало Кольке*. [179, с. 379] (Пациенс – ложный¹² Субъект + Бенефактив-Объект → Пациенс – отстранённый Субъект).

Кроме того, данные предложения могут выражать отношение субъекта к какому-либо событию: – *Гром?! – не наверылася Ніне*. [180, с. 24] → – *Гром?! – не поверила Нина*. [181, с. 30] (Пациенс – отстранённый Субъект → Пациенс-Субъект); – *Жнуць! – ашчасліўлена прамовіў Крывец*. [180, с. 70] → – *Жнут! – будто не верилось Кривцу*. [181, с. 75] (Агенс-Субъект → Пациенс – отстранённый Субъект).

Наличие датива не является обязательным, если субъект действия восстанавливается из контекста: *Але (яму) не сядзелася*. [178, с. 124] → *Но (он) не мог сидеть*. [179, с. 500] (Пациенс – отстранённый Субъект → Пациенс-Субъект); *Рыбак насцярожана паглядзеў у кут – яму не падабаліся няпрошаныя прароцтвы гэтага чалавека: адкуль яму знаць, даруюць ці не*. [176, с. 463] → *Рыбак неприязненно посмотрел в угол – (ему) становилось не по себе от непрошенных пророчеств этого человека: откуда ему знать, простят или нет?* [177, с. 503] (Экспериенцер – отстранённый Субъект + Пациенс-Субъект → Причина – отстранённый Субъект).

¹²**Ложный актант** образуется вследствие замены глагола словосочетанием, состоящим из глагола и существительного и семантически равнозначным исходному глаголу [38, с. 43].

Локативно-субъектные предложения относятся к таким безличным конструкциям, которые при АП часто заменяются личными. В качестве отстранённого субъекта в этих предложениях выступает окружающая среда, «испытывающая» определённое состояние (*У камеры стала зусім цёмна*. [176, с. 469] → *В камере воцарилась темень*. [177, с. 508] (Место – отстранённый Субъект → Место-Периферия + Пациенс – ложный Субъект); *Ён нічога не бачыў тут, маленькае акенца слепа свяціла над столлю, унізе быў змрок*. [176, с. 450] → *Минуту он ничего не мог рассмотреть тут, маленькое окошко сверху слепо светило на потолок, внизу же было темно*. [177, с. 492] (Место-Периферия + Пациенс – ложный Субъект → Место – отстранённый Субъект)) либо часть человеческого организма (*Пачуцці яго тупелі, засцілаліся прывіднай смугой, на-ранейшаму кружылася ў галаве*. [176, с. 363] → *Чувства его дремотно тупели, по-прежнему кружилась голова*. [177, с. 415] (Место – отстранённый Субъект → Пациенс-Субъект); *Пакуль што няблага было б падрамаць якую гадзіну, каб яснайшая стала галава <...>*. [176, с. 467] → *Пока суд да дело, было бы неплохо вздремнуть, чтобы прояснилось в голове <...>*. [177, с. 507] (Пациенс-Субъект → Место – отстранённый Субъект)) [114, с. 29].

В последнем случае следует говорить о «двойственном» субъекте, поскольку имеется (подразумевается) указание не только на часть тела, испытывающую психофизические ощущения, но и на её владельца: *Ступня толькі ўлезла ў халявіну, як у яго зноў закружылася ў галаве <...>*. [176, с. 398] → *Нога только вошла в голенище, как опять закружилась голова <...>*. [177, с. 447] (Пациенс-Периферия + Место – отстранённый Субъект → Пациенс-Субъект); *Спакой, бадзёрасць і нават нейкае замілаванне адчуваў у сабе і Колька*. [178, с. 67] → *Так же чисто и свежо было и на душе у Кольки*. [179, с. 444] (Пациенс-Объект + Экспериенцер-Субъект → Место – отстранённый Субъект + Экспериенцер-Периферия).

Неопределённо-субъектные предложения также относятся к числу малопродуктивных конструкций при АП: *Рыбак ступіў і спыніўся, звывкла (нешта) рыпнула і сціхла пад яго ботамі <...>*. [176, с. 362] → *Сотников шагнул и замер, коротко скрипнул и затих под его бурками снег*. [177, с. 414] (Пациенс – отстранённый неопределённый Субъект → Пациенс-Субъект); *Бахнуў (стрэл) і другі раз, і трэці*. [176, с. 399] → *Потом (что-то) бахнуло в другой раз и в третий*. [177, с. 447] (Пациенс-Субъект → Пациенс – отстранённый неопределённый Субъект). В АП большинство из них выражены причастными конструкциями с семантикой волеизъявления неопределённого субъекта: *Вырашылі гэтую, другую булку хлеба, што засталася ад яе, падзяліць на скібаццы на ўсіх*. [178, с. 77] → *И решено было (кем-то) эту вторую буханку поделить по кусочку на всех*. [179, с. 454] (нулевой Агенс – нулевой Субъект → Пациенс – отстранённый неопределённый Субъект). Отстранённый субъект в данных предложениях

одновременно является «объектом волеизъявления и субъектом результативного состояния» [114, с. 32].

Возможно, малая степень сохранения неопределённо-субъектных предложений при АП объясняется стремлением автора-переводчика акцентировать внимание читателя на источнике волеизъявления или заменить стилистически маркированную безличную конструкцию общеупотребительной, более свойственной живой речи.

В **инструментально-субъектных** предложениях дополнение в творительном падеже совмещает объектно-орудийное и субъектное значения [114, с. 30], что наглядно проявляется при сравнении исходного текста и АП: *І ён ужо нібыта ляцеў, так **павявала лёгкім ветрыкам**, як усё роўна ён сам крыламі, разводзіў гэты ветрык.* [178, с. 36] → *И уже лёгкий **ветерок** полёта прохладой обдувал его тело.* [179, с. 414] (Инструмент – отстранённый Субъект → Пациенс-Субъект).

Семантика исследуемых примеров часто связана с распространением и восприятием запахов, изменением температур: *Ад іх **несла пахам цыгарэт, адэкалону**, чуліся ўрыўкі размоў.* [176, с. 499] → *С их стороны **доносился запах сигарет и одеколона**, слышались обрывки случайных, ничего не значащих фраз.* [177, с. 534] (Инструмент – отстранённый Субъект → Пациенс-Субъект); *Ззаду ўсё **валіў холад** – Сотнікаў няўмела бразгаў дзвярыма, якія не зачыняліся.* [176, с. 373] → *Сзади всё **несло холодом** – Сотников неумело громыхал дверью, тщетно стараясь захлопнуть её.* [177, с. 424] (Пациенс-Субъект → Инструмент – отстранённый Субъект).

В ряде случаев описывается изменение объекта под воздействием внешних сил: *Ранак асвятціўся полымем, **прысады заслаў саляравы дым** – танкі расстрэльвалі полк на дарозе.* [176, с. 366] → *Утро осветилось ярким пламенем горящих тракторов, **посадки застлало соляровым дымом** – танки расстреливали полк на дороге.* [177, с. 418] (Пациенс-Объект + Пациенс-Субъект → Пациенс-Объект + Инструмент – отстранённый Субъект).

Контактно-относительные предложения выражают отношение к тому, что описывается в изъяснительной придаточной части [114, с. 36]. Субъект отношения может выражаться формой датива (*Ніна адчула, што яны, відаць, думаюць аб адным.* [180, с. 26] → *Нине **казалось**, что если не все, то большинство, вероятно, думают об одном.* [181, с. 31] (Экспериенцер-Субъект → Экспериенцер – отстранённый Субъект)) или придаточной изъяснительной частью СП, которая может быть заменена субстантивным словосочетанием (*Але калі праз некалькі кіламетраў, прадраўшыся цераз хмызняк, **выбраліся ў сасновы лес і на прывале праверылі людзей, то выявілася, што прапаў Грэчка.*** [180, с. 19] (= **выявілася прапажа Грэчкі**) → *Но когда через несколько километров, продравшись через кустарник, **выбрались в сосновый лес и на привале проверили людей, обнаружили,***

что пропал Гречка. [181, с. 25] (Пациенс – отстранённый Субъект → нулевой Агенс – нулевой Субъект)).

Субъектное значение в **объектно-субъектных** предложениях заключается в объекте, который А. В. Петров рассматривает как «объект-носитель состояния» [114, с. 30]. Семантика анализируемых конструкций связана с независимыми процессами в окружающей среде (*Часам з вогнішчаў сыпала снапы іскраў, шпурляла навокал галавешкі.* [180, с. 85] → *Там и тут над пожарами взметались снопы искр. Порой падали горящие головни.* [181, с. 92] (Пациенс-Объект / отстранённый Субъект → Пациенс-Субъект)) либо с психофизическим состоянием человека (*Біў кашаль, калацілі дрыжыкі, галава надта балела, і цела каля цёплае печы то мерзла, то аблівалася сцюдзёным потам.* [176, с. 380] → *Донимал кашель, очень болела голова, возле горячей печи его бросало то в жар, то в холод.* [177, с. 430] (Пациенс-Субъект → Пациенс-Объект / отстранённый Субъект)).

Безлично-оценочные предложения также недостаточно продуктивны при АП, в них выражена оценка действия конкретным субъектом часто в сочетании с модальной семантикой [114, с. 35]: *Тады яны маглі збіцца з кірунку, не ў час павярнуць улева, у лагчыну.* [176, с. 387] → *Тогда (им) нетрудно было потерять направление, не вовремя повернуть влево, в низину.* [177, с. 437] (Пациенс-Субъект → Пациенс – отстранённый Субъект). Замена данных конструкций личными предложениями снимает модально-оценочную составляющую, что позволяет читателю оценить событие или явление самостоятельно: *(Яму) Дзіўна і нязвыкла было бачыць на ёй гэты снег, які шчыльным пластом ляжаў і на пяколку і нават замуроўваў закапцелы чалеснік.* [176, с. 356] → *Совершенно нелепым выглядел на ней этот снег, плотным пластом лежавший на загнётке и даже запечатавший устье печи* [177, с. 409] (Экспериенцер – отстранённый Субъект + Пациенс-Объект → Пациенс-Субъект).

Бессубъектные предложения – единственная группа безличных конструкций, которая характеризуется «абсолютной бессубъектностью» [114, с. 28]. Тем не менее, даже с целью выражения семантики состояния окружающей среды авторы-переводчики стремятся использовать личные конструкции вместо имперсонала: *Калі раптам сціхла, Туравец не адразу пачуў, што настала цішыня, бо ў вушах яшчэ звінела.* [180, с. 5] → *Когда вдруг наступила тишина, Туровец не сразу ощутил её: в ушах ещё звенело.* [181, с. 12] (нулевой Агенс – нулевой Субъект → Пациенс-Субъект).

Проанализировав структурно-семантические варианты безличных предложений и связанные с ними трансформации при АП, можно сделать вывод о безусловном преобладании имперсонала в АП по сравнению с исходными текстами. Известно мнение А. М. Пешковского о том, что «история новых языков есть история вытеснения личного предложения безличным» [116, с. 345]. Анализ АП с белорусского языка на русский показал, что их история также есть история

вытеснения личного предложения безличным. Причины данного явления одни лингвисты видят в неконтролируемости и иррациональности русского менталитета [30, с. 55–76], другие подчёркивают семантико-стилистическую выразительность безличных предложений, обусловленную безотчётностью, неосознанностью причин, произвольностью действия-состояния [7, с. 101]. Однако исследование показало, что случаи замены безличных конструкций личными также нередки. Кроме того, с нашей точки зрения, нельзя с уверенностью говорить о произвольности безличных предложений, поскольку анализ выявил наличие субъекта в большинстве из них. Так как в таких предложениях часто отсутствует прямое указание на субъект, то справедливо утверждать (вслед за Н. С. Валгиной), что при АП выбор безличных конструкций при наличии синонимичных личных, т. е. мена диатезы, «объясняется необходимостью по тем или иным причинам **устранить из речи** обозначение производителя действия и носителя признака» [28, с. 169] и тем самым придать лёгкость художественному повествованию.

В монографии В. Г. Гака «Языковые преобразования» представлены **6** видов **взаимозамен актантов** [39, с. 414], выделение которых происходит на основании совмещения синтаксической функции лексемы (подлежащее) с её семантической ролью (Адресат, Орудие, Место, Время и др.) либо коммуникативным рангом (Объект). Усовершенствовав данную классификацию с учётом особенностей собранного иллюстративного материала, мы выделяем **4** вида взаимозамен актантов.

1. Грамматическое подлежащее в АП выражает реальный объект (O_p) действия (**66** примеров). При этом реальный субъект (C_p) выполняет функцию дополнения, а в **30** случаях в роли подлежащего в АП выступает неодушевлённый предмет либо абстрактное явление: *Зрзшиты, випадковай сутычкі (O_p) Рыбак (C_p) не асабліва і баяўся, тым болей у лесе ці нават у полі – у іх была зброя.* [176, с. 352] → *Впрочем, случайная стычка (O_p) в лесу или в поле не очень страшила Рыбака (C_p): у них было оружие.* [177, с. 406]. В. Г. Гак называет такой приём «**синтаксической метафоризацией**», или «синтаксическим анимизмом», считая, что такая метафора «позволяет оживить стиль» художественного произведения [38, с. 47].

Однако В. Г. Гак не упоминает об обратном явлении, когда подлежащее в исходном тексте, выраженное неодушевлённым или абстрактным существительным, при АП заменяется одушевлённым существительным, обозначающим реальный субъект (C_p), или местоимением, указывающим на него. Такой процесс можно назвать **деметафоризацией** реального объекта (O_p), он наблюдается в **13** примерах: *Толькі цяпер ён пачаў ясна адчуваць небяспеку, якая (небяспека (O_p)) зараз адышла (ад яго (C_p)).* [180, с. 95] → *Лишь теперь он*

начинал понимать, какую опасность (O_p) (он (C_p)) только что преодоле¹³ [181, с. 105].

Для АП характерно явление, при котором метафоризованный объект исходного предложения становится субъектом действия, а метафоризованный субъект понижается до ранга объекта или даже уходит на периферию, – **взаимозамена метафоризованных актантов (15 случаев):** *Паўразбураны ўчора будан (Субъект) выстаўляў угару жэрдкі (Объект). [180, с. 64] → Над полуразрушенным вчера шалашом (Периферия) торчали вверху жерди (Субъект). [181, с. 69].*

Взаимозамена актантов, обозначающих живых существ и выраженных одушевлёнными существительными или местоимениями, происходит в 7 случаях: *Тут, у сталоўцы, і натраніў ён (Субъект) на Захар’ю (Объект). [178, с. 77] → Здесь встретился ему (Объект) Захарья (Субъект)¹⁴ [179, с. 454].*

2. Грамматическое подлежащее в АП обозначает субстанцию, находящуюся в отношении включения к субстанции-подлежащему в исходном предложении (целое – часть и т. п.) (31 пример). В 14 случаях происходит синтаксическая метафоризация актанта: *Яна (Субъект) глядзела (вачыма (Нуль)) нахмурана, з-пад крутога ілба. [180, с. 22] → Глаза (Субъект) её (Периферия) из-под выпуклого лба глядели непримиримо. [181, с. 28].*

Деметафоризация субъекта характерна для 13 примеров: *У Ніны (Периферия) была такая пляшчота (Субъект) да дзяўчынкі, нібы гэта была яе родная дачушка. [180, с. 94] → Нина (Субъект) чувствовала такую нежність (Объект) к девочке, словно это была её родная дочурка. [181, с. 104].*

Взаимозамена метафоризованных актантов наблюдается в 3 парах эквивалентов: *Ні разу не заела, ніводзін яе (Периферия) механізм (Субъект) не збракаваў пры стральбе, бой яе быў надзіва спраўны і трапны. [176, с. 397] → Ни разу она (Субъект) не заела, ни единым механизмом (Периферия) не подвела при стрельбе, бой её был удивительно справен и меток. [177, с. 445–446].*

Лишь в 1 примере встречается взаимозамена субъектов, обозначающих живых существ: *З гадзіну яны (Субъект) курылі і слухалі яе (Периферия) скаргі (Объект) на Бога, які не дае ёй смерці і гэтак пакутна расцягнуў яе бязрадаснае жыццё. [176, с. 476] → Пока они курили, бабка (Субъект) устало сетовала (им*

¹³Уточним, что структура как русского, так и белорусского предложения позволяет опускать слова, обозначающие субъект или объект действия, если они избыточны или легко восстанавливаются из контекста.

¹⁴В примерах, иллюстрирующих взаимозамену метафоризованных либо одушевлённых актантов, сложно разграничить реальный субъект и реальный объект действия, поэтому мы считаем субъектом лексему, выполняющую синтаксическую функцию подлежащего, объектом – прямое дополнение, а периферией – другие второстепенные члены предложения.

(Периферия)) *на господа бога, который не даёт ей смерти и так мучительно растянул её никчёмную старушечью жизнь*. [177, с. 515]. В данном примере замена глагола влечёт смену субъектно-объектных отношений.

3. Грамматическое подлежащее в АП выражает причину, орудие действия и др. в исходном тексте (16 примеров). В 11 случаях происходит метафоризация актанта: *Не, гэта не быў страх – ён (Субъект) накутаваў ад бяссілля (Периферия), ад немагчымасці звярнуцца да выпрабаванага сродку – сілы, каб уратаваць сябе*. [176, с. 454] → *Нет, это не было страхом: его (Периферия) донимало бессилие (Субъект), невозможность прибегнуть к испытанному средству – силе, чтобы по-солдатски постоять за себя*. [177, с. 495].

Взаимозамена метафоризованных актантов наблюдается в 5 парах эквивалентов: *Ад гэтага яго радаснага пачуцця (Периферия) з'явілася ціхая ўдзячнасць (Субъект) Сотнікаву за яго заступніцтва*. [176, с. 493] → *Это его обнадёжившее чувство (Субъект) тут же породило тихую благодарность (Объект) Сотникову*. [177, с. 529].

4. Грамматическое подлежащее в АП обозначает место действия в исходном тексте (15 примеров). Лишь в 3 примерах из этой группы происходит метафоризация субъекта: *І тады, падышоўшы, згледзеў: Рыбак (Субъект) стаяў на дарозе (Периферия)*. [176, с. 361] → *И, подойдя, неожиданно увидел: (у Рыбака (Периферия)) под ногами была дорога (Субъект)*. [177, с. 414].

Деметафоризация субъекта либо устранение ложного субъекта характерны для 5 случаев: *Ад неміаў (Периферия) данёсся рогат (Субъект)*. [180, с. 73] → *Немцы (Субъект) хохотали*. [181, с. 77].

Наибольшее число примеров (7) демонстрирует взаимозамену метафоризованных актантов: *Вельмі ж вялікая радасць (Субъект) свяцілася ў вачах (Периферия), каб можна было яе схваць ці прыкрыць іроніяй*. [180, с. 33] → *Очень уж большой радостью (Периферия) светились глаза (Субъект), чтобы её можно было скрыть шуткой*. [181, с. 38].

Иногда взаимозамена актантов усложняется введением **ложного актанта**: *Сотнікаў надта спалохаўся <...>*. [176, с. 484] → *Сотникова охватил испуг <...>*. [177, с. 521]. Обычно ложный актант выражен существительным и семантически аналогичен исходному глаголу, однако при АП это не всегда так: *І з таго часу Лецечка не любіць Бурачка і вінаваціца перад ім*. [178, с. 29] → *И с тех пор в Лечечке жили нелюбовь, и стыд, и страх перед Бурачком*. [179, с. 406]. В процессе АП ложный актант может и устраняться: *У галаве не было ніякіх думак, жыло адно жаданне – дайсці б хутчэй*. [180, с. 3] → *Не было никаких мыслей, жаждала только одного – скорее бы дойти*. [181, с. 10].

Итак, сущность взаимозамены актантов заключается в понижении коммуникативного ранга субъекта исходного предложения и повышении коммуникативного ранга объекта либо участника, находящегося на периферии.

При АП с белорусского языка на русский наиболее распространёнными проявлениями взаимозамены актантов являются синтаксическая метафоризация актантов, деметафоризация актантов, взаимозамена метафоризованных актантов и взаимозамена одушевлённых актантов. Их соотношение представлено на рисунке 2.11.

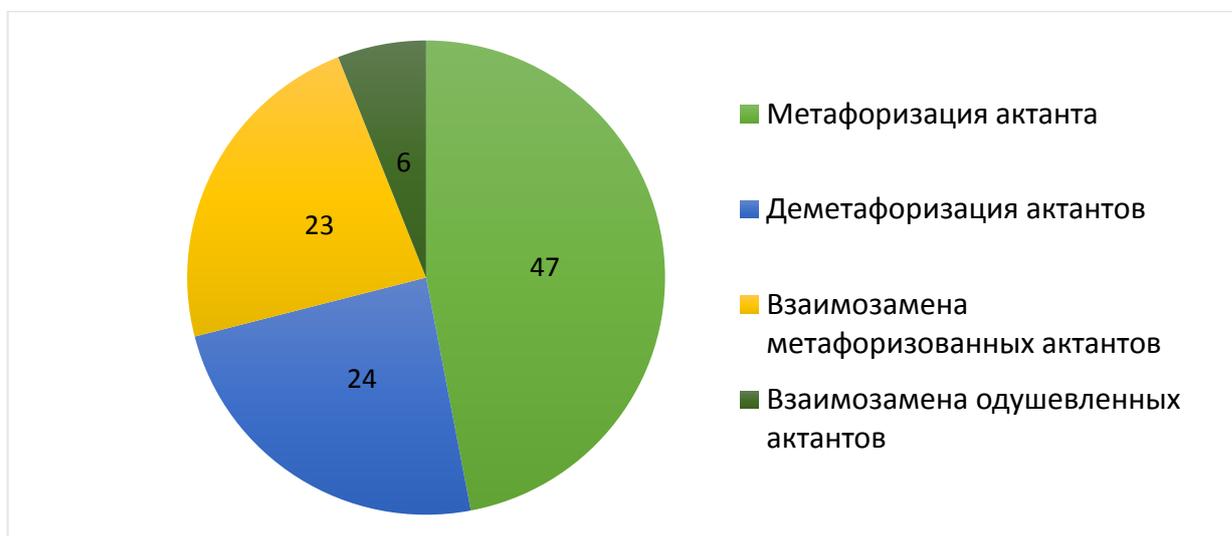

Рисунок 2.11. – Явления, сопровождающие взаимозамену актантов при авторском переводе, %

Из рисунка 2.11 следует, что при АП взаимозамены, связанные с метафоризованными актантами, наблюдаются в среднем втрое чаще, чем взаимозамены, сопровождаемые деметафоризацией. Это объясняется спецификой художественного стиля, его повышенной образностью и общей метафоричностью.

Отличительной чертой АП является также **немотивированная замена субъекта**, когда субъект переводного предложения даже не упоминается в исходном: *Старшы лейтэнант убаку чакаў, калі рота* (Субъект) *ўладуецца*. [180, с. 53] → *Старший лейтенант, стоя в стороне, ждал, пока Гогоберидзе* (Субъект) *приведёт строй в порядок*. [181, с. 58]; *За недаробка Бурачок* (Субъект) *умыўся сёрбавам*. [178, с. 34] → *За «недоделка» Колька* (Субъект) *мазанул Бурачка по харе затирухой*. [179, с. 412] и др.

Залоговые трансформации при переводе вызывают неизменный интерес у современных учёных [10; 130; 146], что обусловлено стремлением определить закономерности функционирования грамматической категории залога в неродственных языках, а также принципы передачи её семантических особенностей в процессе перевода.

В. В. Виноградов признавал сложную природу категории залога, в которой «скрестились пути развития разных грамматических и лексических явлений в

области глагола» [33, с. 518]. Например, пассив совмещает семантическую специфику актанта со вторичной синтаксической функцией подлежащего [148, с. 74]. Особенность залоговой семантики состоит ещё и в том, что она «отражает не столько изменения реального мира, сколько изменения в отношении того, как говорящий хочет представить соответствующую ситуацию и её участников» [117, с. 194], т. е. затрагивает прагматическую составляющую высказывания.

«Историческим зерном категории залога» В. В. Виноградов называет соотношение и противопоставление активных и пассивных оборотов [33, с. 518], тождество которых «обеспечивается тождеством семантических ролей её участников, а прагматические различия коррелируют с приписыванием им в каждом случае разных синтаксических ролей» [117, с. 196]. В связи с этим А. В. Бондарко предлагает определять бинарную оппозицию «актив / пассив» как синтаксическую категорию [20, с. 189], которая выражается в противопоставлении конструкций, отличающихся соответствием носителя глагольного признака логическому субъекту (актив) либо логическому объекту (пассив) [20, с. 193].

В теории актантных трансформаций замена залоговых конструкций при переводе влечёт изменение субъекта и, как следствие, диатезы. По утверждению В. Г. Гака, «пассивный залог является первичным средством актантной трансформации» [38, с. 45]. Однако в отношении АП это не совсем верно: хотя преобразования «актив → пассив» преобладают над преобразованиями «пассив → актив» (**33** случая против **17** соответственно), общее количество залоговых трансформаций (**50**) позволяет поместить их лишь на третье место в ряду актантных трансформаций.

Для установления закономерностей актантных трансформаций при переводе залоговых конструкций необходимо определить их структурно-семантические особенности.

В славянских языках морфологическое ядро актива составляют невозвратные глаголы, морфологическое ядро пассива – страдательные причастия, а возвратные глаголы распределяются между активом и пассивом [20, с. 193]. Асимметричность этой системы подчёркивает более ограниченную роль пассива по сравнению с активом в системе языка и в процессе коммуникации [20, с. 188].

При АП активные конструкции, несомненно, преобладают над пассивными, однако это верно лишь при условии нулевой трансформации. Количество случаев замены актива пассивом почти вдвое превосходит количество обратных замен, что свидетельствует об особенной функции пассива в художественном тексте. Возможно, это связано с функцией пассива, состоящей в «борьбе с исходным подлежащим», которое не устраивает говорящего своей коммуникативной выделенностью» [117, с. 199].

Тем не менее, морфологическая соотнесённость актива и пассива в АП подчиняется общезыковой тенденции: пассивные конструкции со

страдательными причастиями (в т. ч. адъективированными, типа *нужен*) составляют **86%** от их общего количества, пассивные конструкции с возвратными глаголами – лишь **14%**. Для выражения актива используются невозвратные глаголы (**78%**) и возвратные глаголы (**22%**). Общее соотношение морфологической выраженности активных и пассивных конструкций выражено в виде рисунка 2.12.

Рисунок 2.12. – Морфологическая отнесенность активных и пассивных конструкций, подвергшихся трансформации при авторском переводе, %

Ниже представлена структурно-семантическая классификация обнаруженных соответствий залоговых конструкций в исходных текстах и АП.

1. Исходной активной конструкции в АП соответствует пассивная конструкция с нулевым агенсом (**15** примеров): *Адны кажущь, што там праводзіла ўжо аблаву міліцыя* (Агенс-Субъект), *завіла процьму бандытаў* (Бенефактив-Объект) <...>. [178, с. 46] → *По одним сведениям, здесь уже проводила облаву милиция. (Милицией (нулевой Агенс-Ноль)) Поймана масса бандитов* <...> (Бенефактив – реальный Объект). [179, с. 424].

2. Замена активной конструкции исходного текста пассивной конструкцией со смещением акцента с одного актанта на другой наблюдается в **15** примерах: *Рыбак пералез цераз жэрдку і прайшоў на двары да печы, якая (печ (Агенс-Субъект)) сіратліва, адна на ўсім хутары, тырчала з груды, трымаючы на каптуры свяжукую гурбу снегу* (Пациенс-Объект). [176, с. 356] → *Преодолев минутное оцепенение, Рыбак перешагнул жердь и подошёл к печи* (Конечная точка – Периферия), *укрытой шапкой свежего снега* (Агенс-Периферия). [177, с. 409]

3. Исходная пассивная конструкция с нулевым агенсом переводится с помощью активной конструкции (**9** примеров): *Пад наступнай пятлёй (кімсьці*

(нулевой Агенс-Нуль)) *была пастаўлена жоўтая скрынка* (Пациенс – реальный Объект), *а на астатніх двух месцах тырчэлі ў снезе паўметровыя, мабыць, нядаўна адпілаваныя ад бярвяна, цурбаны*. [176, с. 500] → *Под следующей петлёй стоял жёлтый фанерный ящик* (Агенс-Субъект), *а на остальных двух местах торчали в снегу полуметровые, свежееотпиленные от бревна чурбаны*. [177, с. 535].

4. Замена конструкции со страдательным причастием активной конструкцией с лексическим пассивом¹⁵ происходит в 8 случаях: (*Кімсьці* (нулевой Агенс-Нуль)) *Парушана вольніца* (Пациенс – реальный Объект) *ізалятара*. [178, с. 18] → *Пала* (в результате чьих-то действий) *империя* (Пациенс – реальный Объект) *ізолятара*. [179, с. 395].

5. Исходная пассивная конструкция передаётся активной конструкцией со смещением акцента с одного актанта на другой (6 примеров): *Іх неспакойныя твары* (Пациенс – реальный Объект) *асвятляліся белым бляскам* (Агенс-Периферия) *ракет і трапяткімі ўсплёскамі* (Агенс-Периферия) *недалёкіх выбухаў...* [180, с. 99] → *Іх беспокойные лица* (Пациенс-Объект) *освещали мёртвенно-белый отблеск* (Агенс-Субъект) *ракет и кроваво-багровые всплески* (Агенс-Субъект) *недалёких взрывов...* [181, с. 109].

6. В 6 случаях происходит замена активной конструкции с лексическим пассивом конструкцией со страдательным причастием: (В результате чьих-то действий) *Уся іх увага* (Пациенс-Субъект) *цяпер міжвольна засяродзілася на прыступках – адтуль ішла бяда*. [176, с. 471] → *Всё их внимание* (Пациенс – реальный Объект) *было приковано (кем-то (нулевой Агенс-Нуль)) к ступенькам – оттуда являлась беда*. [177, с. 510].

7. Исходная активная конструкция заменяется пассивной конструкцией без повышения статуса пациенса (3 примера): *У адно імгненне знеслі моцныя дубовыя ці то робленыя пад дуб дзверы* (Пациенс-Объект). [178, с. 57] → *В первую же минуту были сорваны (кем-то (нулевой Агенс-Нуль)) массивные дубовые или искусно подделанные под дуб, но всё равно крепкие двери* (Пациенс – реальный Объект). [179, с. 435].

8. В 3 случаях конструкции со страдательным причастием заменяют неполные предложения исходного текста: – *Я* (Агенс-Субъект) *(стаю) на пасту*, – *сказаў ён, – загадана нікога не прапускаць*. [178, с. 29] → – *Я* (Пациенс – реальный Объект) *проставлен (кем-то (нулевой Агенс-Нуль)) к посту*, – *сказал он. – Велено нікого не пускать*. [179, с. 407].

9. Исходной пассивной конструкции соответствует активная конструкция без повышения статуса пациенса (1 пример): *Падвозіліся (кем-то (нулевой Агенс-Нуль)) боепрыпасы* (Пациенс – реальный Объект). [180, с. 105] → *Подвозили (Ф-*

¹⁵Лексический пассив предполагает наличие активного глагола, семантика которого близка к пассиву [20, с. 197].

люди (нулевой Агенс-Нуль)) **боеприпасы** (Пациенс-Объект). [181, с. 116]; или даже с устранением актанта (**1** пример): *Безліч вялізных штабляў скрынак са снарадамі і бомбамі, пакуль маўклівымі, хаваліся ў выкапаных ямах у лясах, (скрынкі (Пациенс – реальный Объект)) **прыкрытыя** зялёным галлём (Инструмент-Периферия). [180, с. 105] → Несчётное число огромных штабелей ящиков со снарядами и бомбами, пока ещё молчаливыми, укрывали в лесах, в выкопанных траншеях, тщательно (**ящики** (Пациенс-Объект)) **маскировали** (Ф-люди (нулевой Агенс-Нуль)). [181, с. 116].*

В таких примерах происходит взаимозамена неопределённо-личных предложений и конструкций со страдательным причастием. Пассив и бесподлежащие односоставные предложения объединяет то, что в них «реализуется стремление говорящего удалить агенс с позиции грамматического подлежащего, понизить его коммуникативный статус в высказывании» [10].

10. Неполная конструкция со страдательным причастием заменяется ситуативно неполным предложением с лексическим пассивом в **1** случае: <...> *Чого ж гэты замок не адчыняецца? Можна, (замок (Пациенс – реальный Объект)) **сапсаваны** (кімсьці (нулевой Агенс-Нуль)), – падумаў было Шашура. [180, с. 97] → <...> Чего ж этот замок не открывается? Может, (замок (Пациенс – реальный Объект)) **испортился** (в результате чьих-то действий)? – подумал с огорчением Шашура. [181, с. 106].*

Итак, при АП преобладает пассивизация конструкций, которая сопровождается наличием нулевого агенса, смещением акцента с одного актанта на другой. Это свидетельствует о стремлении авторов-переводчиков придать действию более стихийный характер, не зависящий от воли персонажей, либо переключить внимание читателя на определённые художественные детали. Взаимозамены пассива и активных конструкций с лексическим пассивом, а также неопределённо-личных и неполных предложений можно рассматривать как семантически равнозначные, поскольку в результате подобных замен коммуникативный статус реального объекта не изменяется.

Преобразование односоставного предложения при переводе с русского языка или его использование вместо других синтаксических конструкций в процессе перевода на русский язык является актуальным предметом исследования в современной лингвистике [6; 48; 108].

Трансформации, затрагивающие безличные предложения, были нами охарактеризованы отдельно в силу их многочисленности. Однако в ходе исследования АП были обнаружены изменения других типов односоставного предложения: неопределённо-личных, номинативных и обобщённо-личных. Из общего количества примеров (**39**) абсолютное большинство (**35 (90%)**) соотносятся с неопределённо-личными конструкциями. На номинативные предложения

приходится лишь **8%** переводческих трансформаций (**3** примера), на обобщённо-личные – лишь **2%** (**1** пример).

Для наглядности представим трансформации односоставных предложений (включая безличные) в виде рисунка 2.13.

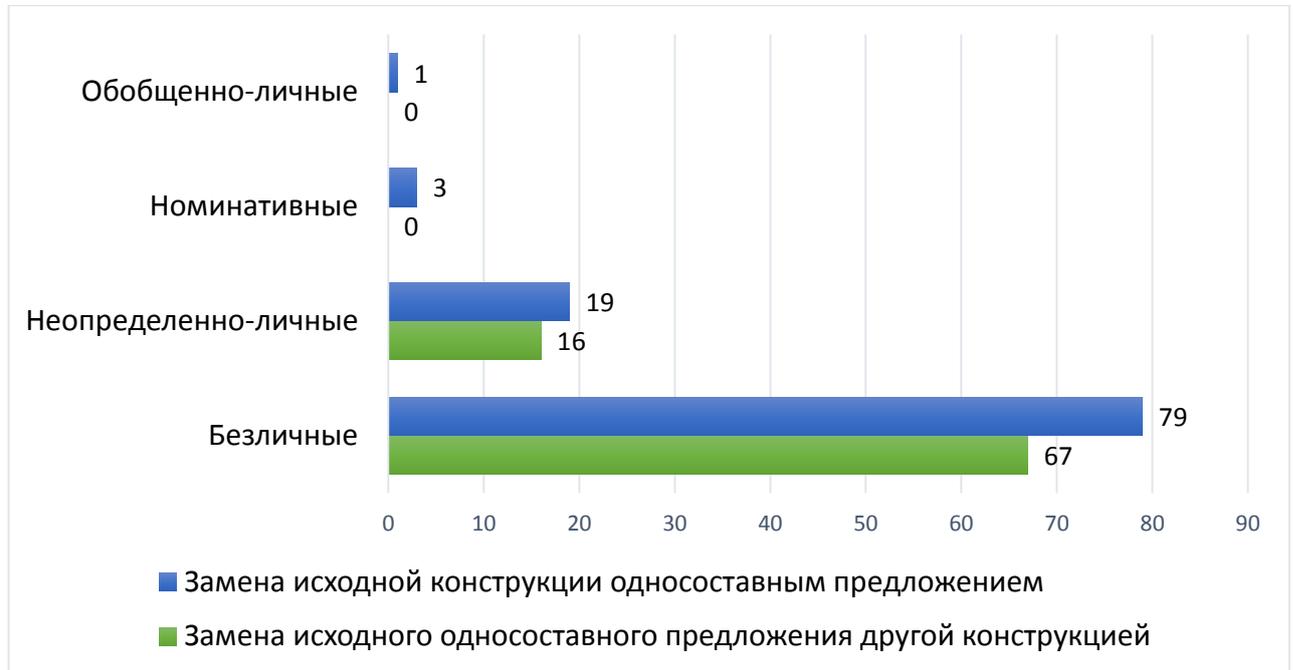

Рисунок 2.13. – Трансформации односоставных предложений при авторском переводе

Из рисунка 2.13 следует, что для всех типов односоставного предложения более характерно употребление в текстах АП, чем в исходных. Причины и особенности трансформации безличных конструкций были рассмотрены выше. Обратимся к характеристике преобразований других типов односоставного предложения.

В. Г. Гак относит **неопределённо-личные** конструкции к средствам достижения актантных преобразований при переводе [38, с. 45]. В таком случае закономерным является вопрос о статусе субъекта в данных предложениях.

И. А. Мельчук предлагает использовать понятие «синтаксического нуля», которое в отношении неопределённо-личных предложений выражается в возможности подстановки существительного в И. п. мн. ч. (Ø-люди) [97]. Т. В. Булыгина считает субъектом неопределённо-личных предложений нулевое местоимение 3 лица мн. ч. (Ø-3 мн.) [25, с. 341]. Для обозначения такого субъекта Е. В. Падучева вводит термин «третьеличный нуль» [112]. В данной работе мы, вслед за Е. Н. Никитиной [107], будем использовать термин «субъектный нуль», понимая под ним формально не выраженный субъект неопределённо-личного предложения.

При АП трансформации затрагивают неопределённо-личные конструкции с двумя типами субъектного нуля по классификации Е. Н. Никитиной [107]:

1) неопределённый субъект, закрытое множество (**32** примера): *Партызанкі* (Субъект) **распытвалі**, хто яны, адкуль, словам і жаночай няшчотай стараліся суцешыць іх. [180, с. 29] → *Малышей* **распрашивали** (**Ф-люди** (Субъектый нуль)), хто они, откуда, словом и женской лаской старались утешить. [181, с. 35]; *Ад яго кінуліся* (**Ф-люди** (Субъектый нуль)) **ва ўсе бакі**. [178, с. 57] → *И толпа* (Субъект) **шархнула**сь от него, как от чумного. [179, с. 435];

2) неопределённый субъект, единичный (**3** примера): *Обер-ефрэйтар* (Субъект) **прынёс** пляшку рому і некалькі кружкаў свежых каўбас, якія ён дастаў у гэтым сяле. [180, с. 86] → *Кляммту* **поднесли** (**Ф-люди** (Субъектый нуль)) несколько кругов свежей колбасы, добытой в деревне. [181, с. 93]; *З боку ад начальства* **крыкнулі** (**Ф-люди** (Субъектый нуль)), відаць, гэта цяпер датычыла яго, *цурбан пад нагамі на момант аслаб*, нават хіснуўся. [176, с. 503] → *Со стороны начальства* **раздалась команда** (Субъект), видно, это уже относилось к нему: *чурбан под ногами на миг ослабел*, пошатнулся. [177, с. 538].

Заметим, что многие текстовые примеры обнаруживают «исполнительскую семантику субъектного нуля» [107], которая связана:

1) с действиями властей, врагов: *Не забывайце*, для чаго вас **наслала Радзіма** сюды. [180, с. 53] → *Чтобы вы никогда не забывали*, для чего **послали** (**Ф-люди** (Субъектый нуль)) вас сюда... [181, с. 58]; <...> *за той час навырасталі малыя*, **забілі** (**Ф-люди** (Субъектый нуль)) *на вайне гаспадара* (Объект) <...>. [176, с. 477] → *За это время повырастали малыя*, **погиб** на финской войне *хозяин* (Субъект) <...>. [177, с. 515];

2) с действиями лиц, выполняющих подчинённую функцию: *Чарняхоўскі* (Субъект) **ўжо чуў** пра гэтыя насыпы <...>. [180, с. 127] → *Черняховскому уже говорили* (**Ф-люди** (Субъектый нуль)) **об этих насыпях** в штабе армии <...>. [181, с. 139].

В таблице 2.20 представлены основные явления, сопровождающие трансформацию двусоставных конструкций в неопределённо-личные при АП.

Таблица 2.20. – Явления, сопровождающие трансформацию двусоставных конструкций в неопределённо-личные при авторском переводе

Сущность явления	Примеры
1	2
Наделение исходного субъекта объектным статусом в АП	<u>9 примеров</u> <i>Устаў ты на ногі, тым жа часам зняўся і шпіталь</i> (Субъект). [178, с. 64] → <i>Встал ты на ноги, тут же летом</i> расформировали <i>и наши госпиталь</i> (Объект).

Продолжение 2.20

1	2
Наделение исходного субъекта объектным статусом в АП	[179, с. 442]; <i>Тым часам Пётра (Субъект) палез на ўслон, але той скасабочыўся і ледзь не паваліўся пад яго каленямі.</i> [176, с. 500] → <i>Петра (Объект) первым заставілі влезць на скамью, которая угрожающе покосилась под его коленями и едва не опрокинулась.</i> [177, с. 535].
Устранение формально выраженного субъекта	<p style="text-align: center;"><u>8 примеров</u></p> <i>Не было асфальту ў той жудаснай ночы, і можна было крочыць на ім, не баючыся, што спатыкнешся аб дзеда са шклянкімі, звернутымі да неба вачыма, што мерцвякі (Субъект) зноў возьмуць цябе ў кальцо і пагоняць у тую ноч.</i> [178, с. 106] → <i>И по асфальту можно было шагать, не боясь, что тебя снова возьмут в кольцо и погонят в ночь.</i> [179, с. 481].
Устранение ложного актанта	<p style="text-align: center;"><u>2 примера</u></p> <i>Упершыню з Лецечкам такое адбылося тады, калі ішоў допыт брывастага, суседа Калягіна.</i> [178, с. 124] → <i>Впервые он поймал себя на этом, когда допрашивали бровастого соседа Калягина.</i> [179, с. 501].

Обратные явления, сопровождающие трансформацию неопределённо-личных конструкций в двусоставные при АП, представлены в таблице 2.21.

Таблица 2.21. – Явления, сопровождающие трансформацию неопределённо-личных конструкций в двусоставные при авторском переводе

Сущность явления	Примеры
1	2
Наделение исходного объекта субъектным статусом в АП	<p style="text-align: center;"><u>6 примеров</u></p> <i>Ці гэта толькі тут так, на пустое, няўдалае месца (Объект) натрапілі?</i> [178, с. 61] → <i>Неудачное, что ли, пустое место попалось?</i> [179, с. 439]; <i>Калісьці ён ірваўся паехаць у Арктыку, потым у вайну, пасля таго, як расстралялі бацьку (Объект), хацеў вярнуцца дамоў, стаць з цягам часу на яго месца, дырэктарам МТС.</i> [180, с. 137] → <i>Когда-то рвался поехать в Арктику,</i>

Продолжение 2.21

1	2
Наделение исходного объекта субъектным статусом в АП	<i>позже, во время войны, после того как погиб отец (Субъект), думал, когда пройдёт лихолетье, когда снова возвратится мирная жизнь, вернуться домой, со временем встать на место отца, в МТС. [181, с. 150].</i>
Добавление формально выраженного агенса	<p style="text-align: center;"><u>5 примеров</u></p> <i>І як ён забыўся, што яе адабралі перад тым, як пасадзіць іх у склеп. [176, с. 509] → И как он забыл, что вчера перед тем, как их посадить в подвал, этот ремень сняли у него полицай (Субъект). [177, с. 543].</i>
Добавление ложного актанта	<p style="text-align: center;"><u>5 примеров</u></p> <i>З вазоў вяла, але ж тым-сім ужо гандлявалі. [178, с. 82] → С возов вяло, но уже шла торговля. [179, с. 459].</i>

Так, понижение коммуникативного ранга субъекта (одушевлённого или неодушевлённого), вызванное меной диатезы, как и устранение формально выраженного субъекта, способствует переключению внимания читателя с производителя действия на само действие. Устранение ложного актанта используется для компрессии текста и придания динамики повествованию.

Мена диатезы, следствием которой является повышение коммуникативного ранга объекта (одушевлённого или неодушевлённого), а также добавление формально выраженного субъекта призваны акцентировать внимание на персонаже либо художественной детали. В результате добавления ложного актанта образуются конструкции, в которых существительные с процессуальной семантикой подчёркивают произвольный характер действия, его обособленность от реального субъекта.

Итак, особенность употребления неопределённо-личных конструкций при АП заключается в их коммуникативном статусе: субъектный нуль «выражает не неизвестность, а несущественность референта субъекта для говорящего» [112, с. 31].

Схожими причинами обусловлена замена двусоставного предложения **обобщённо-личным**: *Так спакойна людзі (Субъект) не жартуюць <...>. [178, с. 4] → Так спакойно не шутят. [179, с. 379].* Данная замена сопровождается устранением формально выраженного субъекта, однако семантика переводного предложения в известной степени синонимична семантике исходного (ср. *людзі не жартуюць* ≈ ‘никто не шутит’ ≈ *не шутят*). Кроме того, несмотря на компрессию синтаксической структуры предложения, его семантика расширяется, приобретая значение нецелесообразности действия [127, с. 679].

В ряде случаев происходит замена двусоставного предложения **номинативной**¹⁶ конструкцией, состоящей из отвлечённого существительного, которое заменяет исходный глагол и имеет схожую семантику, и существительного (местоимения) в Д. п., обозначающего реальный субъект (*Задоволена рыба (С_р), задоволены місяці (С_р)*. [178, с. 95] → *Удовольствие рыбе (С_р), удовольствие луно (С_р)*. [179, с. 472]) или объект действия (*Калі мы іх не падманем, не схітрым, яны нас (О_р) закатуюць*. [176, с. 465] → *Если мы их не проведём, не схитрим, то через день-два нам (О_р) каюк*. [177, с. 505]). Замена глагола с семантикой состояния существительным с тем же значением подчёркивает эмоциональную составляющую синтаксической конструкции, а также указывает на то, что это состояние неподвластно логическому субъекту.

Таким образом, односоставное предложение служит компрессии формы текста, приближает её к разговорному стилю, придаёт динамику и эмоциональность повествованию, а также подчёркивает несущественность субъекта действия в конкретной ситуации.

Т. Н. Брысина утверждает, что «с развитием реализма и появлением новых направлений в литературе односоставные предложения употребляются всё чаще» [24, с. 28]. Соглашаясь с данным мнением, добавим, что развитие АП также способствует распространению односоставных конструкций в художественной литературе.

Однако не все замены, связанные с односоставными предложениями, являются адекватными: *Раней, калі ён адзін, без Захар'і, хадзіў на рынку, усе яны здаваліся яму на адзін капыл, непрыступныя, злосныя, якія дбаюць толькі аб сваім дабры, як больш выгадна тое-сёе прадаць, каб, барані бог, чаго-небудзь у іх не ўкралі (Ф-люди (Субъект) нуль)*. [178, с. 51] → *Раньше, когда он один, без Захары, ходил по базару, все они казались на одно лицо, неприступные, злые, пекущиеся только о своём добре, о том, чтобы он (Субъект) у них ничего не спёр*. [179, с. 429]. В этой относительной свободе изменять не только структуру, но и семантику высказывания, проявляется отличительная черта АП.

¹⁶Наличие в данных предложениях второстепенных членов с объектным значением оставляет открытым вопрос об отнесённости таких конструкций к номинативам. Однако мы разделяем мнение Л. Л. Касаткина, который считает эти предложения «номинативными односоставными с второстепенными членами приосновного типа», поясняющими «предикативную основу в целом» [127, с. 683–684].

2.3.4 Индекс языковых нарушений на синтаксическом уровне

Методом количественного анализа было установлено, что переводческие трансформации на синтаксическом уровне являются достаточно многочисленной группой преобразований при АП: их общее количество достигает **3360**. Однако почти все они обусловлены объективными языковыми процессами, которые по-разному протекают в русском и белорусском языках (например, в посессивных конструкциях), либо идейно-художественными причинами, при которых преобразование синтаксической конструкции служит воплощению писательского замысла (например, при актантных трансформациях).

Языковые нарушения, обусловленные билингвизмом авторов-переводчиков, обнаружены лишь в словосочетаниях со значением посессивности. К ним можно отнести **35** примеров интерференции.

А. В. Исаченко подчёркивает, что употребление прилагательных на **-ов (-ев)** в современной литературе «следует отнести на счёт индивидуального стиля автора» [67, с. 220]. В случае АП индивидуальный стиль писателя находится в прямой зависимости от его билингвальной языковой личности. Значит, сохранение **4** притяжательных прилагательных с суффиксами **-ов (-ев)** в языке АП (*Рыбаковай дапамогі* → *Рыбаковой помощи*; *Рыбаковы ногі* → *Рыбаковы ноги*; *Рыбакову руку* → *Рыбакову руку*; *Кульгаеў (хутар)* → *Кульгаев (хутор)*) не является типичным для перевода с белорусского языка на русский и, вероятно, происходит вследствие билингвизма автора-переводчика.

Индивидуально-авторский стиль как следствие билингвизма проявляется и в **18** примерах, где наблюдается определённая разговорность русского эквивалента, в отличие от нейтральности белорусского: *Лецечкавых рук* → *Летечкиных кулаков*; *Лецечкава вайна* → *Летечкина война*; *Лецечкавага жыцця* → *Летечкиной жизни*; *Лецечкава рука* → *Летечкина рука*; *Лецечкава рыба* → *Летечкина рыба*; *Лецечкава заўтра* → *Летечкино завтра*; *Лецечкаў век* → *Летечкин век*; *ў Лецечкаву групу* → *в Летечкиной группе*; *Лецечкава пагроза* → *Летечкина угроза*; *Лецечкава цела* → *Летечкино тело*; *Лецечкавым крыкам* → *Летечкиным криком*; *Лецечкава пытанне* → *Летечкин вопрос*; *Лецечкавы падарункі* → *Летечкины дары*; *Лецечкаву слязу* → *Летечкину слезу*; *ад Колькавага твару* → *от Колькиного лица*; *у Нінінай галаве* → *в Нининой голове*; *да Нініных грудзей* → *к Нининой груди*; *Валіных разваг* → *Валиных рассуждений*.

Проведённый анализ также выявил **10** случаев употребления в тексте АП притяжательных прилагательных с суффиксом **-ин-**, которые не имеют соответствия в исходном тексте: *Ганкиного* сообщения; *Валины* раздумья; *Гречкиному* решению; *Гречкиными* словами; *Летечкина* нелюбовь; *Летечкиным* воображением; *Летечкин* выпад; *Летечкины* вихры; *Летечкиной* радости; в *Летечкином* сердце.

Кроме того, в одном из предложений наблюдается замена двух исходных имён собственных в винительном падеже притяжательными прилагательными в АП: *Каля горна ў самой кузні правілі гэтую работу двое: мужчына, падобны на Захар’ю, грудзі, што мяхі, і плечы, што мяхі, так аднолькава неабдымныя і выпнутыя грудзі і плечы; дапамагаў кавалю хлапчук-падлетак, ужо на яго падобны больш, на Лецечку.* [178, с. 119] → *У горна в самой кузнице правили эту работу двое: мужик Захарьиного роста с грудью, как кузнечные мехи, которая ушла даже немного в спину, так одинаково покаты и необъёмны были его спина и грудь. Помогал мужику мальчишка-подросток его, Летечкиных, статей.* [179, с. 495].

Диссонанс усиливает пара кулакi *Лецечкі* → *Летечкины* кулаки, где исходное сочетание предпочтительно было бы заменить свойственным белорусскому языку притяжательным прилагательным (*Лецечкавы* кулакi), а существительное в родительном падеже (*кулаки Летечки*), типичное для русского языка, употребить в АП.

Проявлениями интеркаляции следует считать **5** случаев употребления форм белорусского датива с предлогом **к** при глаголах, требующих генитива с предлогом **да**: – *Будзіду (паклічце) ка мне (да мяне)!* [176, с. 449]; *Але перашыек к поўдню (да поўдня), дзе між балот ідзе магістраль, увесь начынен мінамі, фугасамі, шчэрыца гарматамі і дотамі.* [180, с. 128]; *Камандуючага кінула к ветравому шклу (да шкла).* [180, с. 129]; *Чарняхоўскі ступіў да акна, глянуў на вуліцу, па якой ішло некалькі вартавых, – відаць, на змену, хутка павярнуўся к начальніку (да начальніка) разведкі.* [180, с. 132]; *(Выклікаюць) К следчаму (да следчага)!* [176, с. 454]. В перечисленных примерах построение белорусского словосочетания происходит в соответствии с нормами сочетаемости тех же глаголов в русском языке: *позовите ко мне, бросило к стеклу, повернулся к начальнику, вызывают к следователью* и др.

Количественные показатели интерференционных и интеркаляционных нарушений синтаксических норм выражены в виде рисунка 2.14.

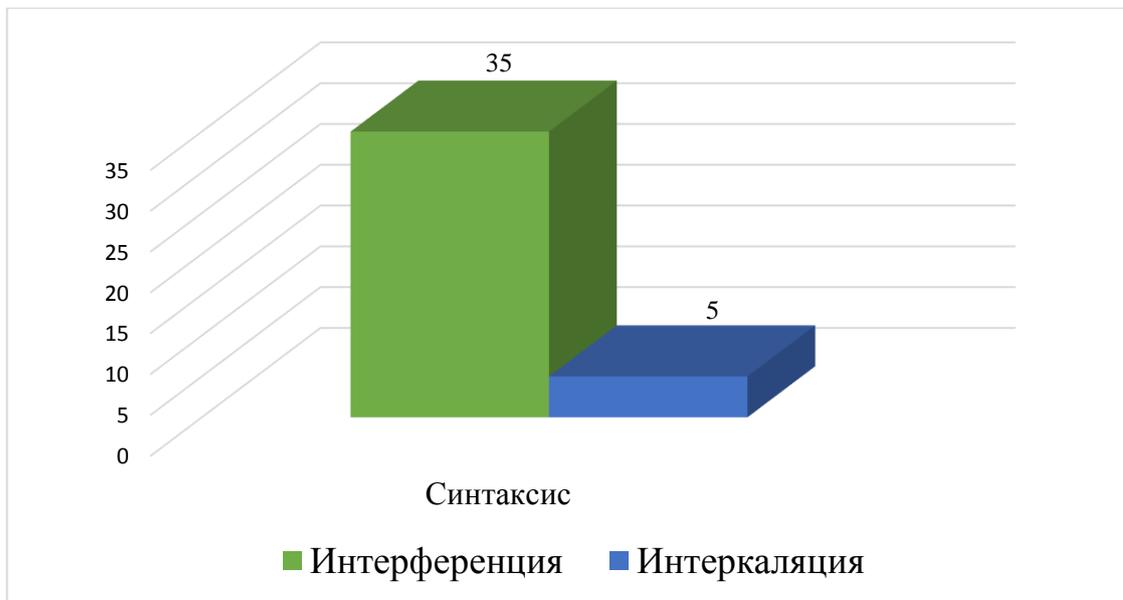

Рисунок 2.14. – Нарушения синтаксических норм в исходных текстах и авторских переводах

Количественные показатели, позволяющие судить о степени спонтанности речевых отклонений на синтаксическом уровне, представлены в таблице 2.22.

Таблица 2.22. – Степень спонтанности речевого отклонения на синтаксическом уровне

Уровень языка	Интерференция		Интеркаляция	
	Прямая речь	Слова автора	Прямая речь	Слова автора
Синтаксический	10	25	2	3

Согласно данным из таблицы 2.22, нарушения на синтаксическом уровне носят преимущественно спонтанный характер, поскольку чаще встречаются в словах автора.

Индекс интерференционных трансформаций на синтаксическом уровне можно представить в виде формулы 2.7.

$$\frac{If(S)}{T(S)} \times 100\% \quad (2.7)$$

где $If(S)$ – количество примеров интерференции на синтаксическом уровне, $T(S)$ – общее количество синтаксических трансформаций.

Индекс интеркаляционных трансформаций высчитывается по формуле (2.8).

$$\frac{I_k (S)}{T (S)} \times 100\% \quad (2.8)$$

где $I_k (S)$ – количество примеров интеркаляции на синтаксическом уровне,
 $T (S)$ – общее количество синтаксических трансформаций.

Индекс языковых нарушений на синтаксическом уровне выражается формулой (2.9).

$$\frac{I_f (S) + I_k (S)}{T (S)} \times 100\% \quad (2.9)$$

Подставив в формулы (2.7), (2.8), (2.9) количественные показатели, получаем следующие результаты.

Индекс интерференционных трансформаций равен **1,04%**:

$$\frac{35}{3360} \times 100\%$$

Индекс интеркаляционных трансформаций равен **0,15%**:

$$\frac{5}{3360} \times 100\%$$

Индекс языковых нарушений на синтаксическом уровне равен **1,2%**:

$$\frac{35 + 5}{3360} \times 100\%$$

Индекс языковых нарушений демонстрирует относительно небольшой процент ошибок в образовании и переводе синтаксических конструкций, обусловленных билингвизмом авторов-переводчиков. Однако значительное преобладание интерференционных трансформаций над интеркаляционными свидетельствует о большей активности синтаксических конструкций, свойственных белорусской речи, при построении автором-билингвом высказывания на русском языке по сравнению с обратным явлением.

2.4 Общий индекс языковых нарушений при авторском переводе

Итоговые наблюдения позволяют сделать ряд выводов относительно степени распространённости и спонтанности интерференции и интеркаляции на различных уровнях языковой системы.

Общее количество примеров интерференции составляет **341**, интеркаляции – **158**. Следовательно, влияние белорусского языка на русский в билингвальном сознании авторов-переводчиков вдвое активнее, чем обратное влияние русского языка на белорусский.

Лексико-фразеологический уровень является благоприятной средой для распространения языковых нарушений как в исходных текстах, так и в АП. На него приходится **83%** проявлений интерференции и **73%** случаев интеркаляции. На втором месте в процентном отношении находятся интерференционные нарушения на уровне синтаксиса (**10%**) и интеркаляционные – на морфологическом уровне (**23%**). Интерференция морфологических единиц (**4%**) и интеркаляция синтаксем (**3%**) занимают третье место. Самыми малочисленными оказались нарушения словообразовательных единиц – **3%** случаев интерференции и **1%** примеров интеркаляции. Сводные данные о нарушениях языковых норм в исходных текстах и АП представлены на рисунке 2.15.

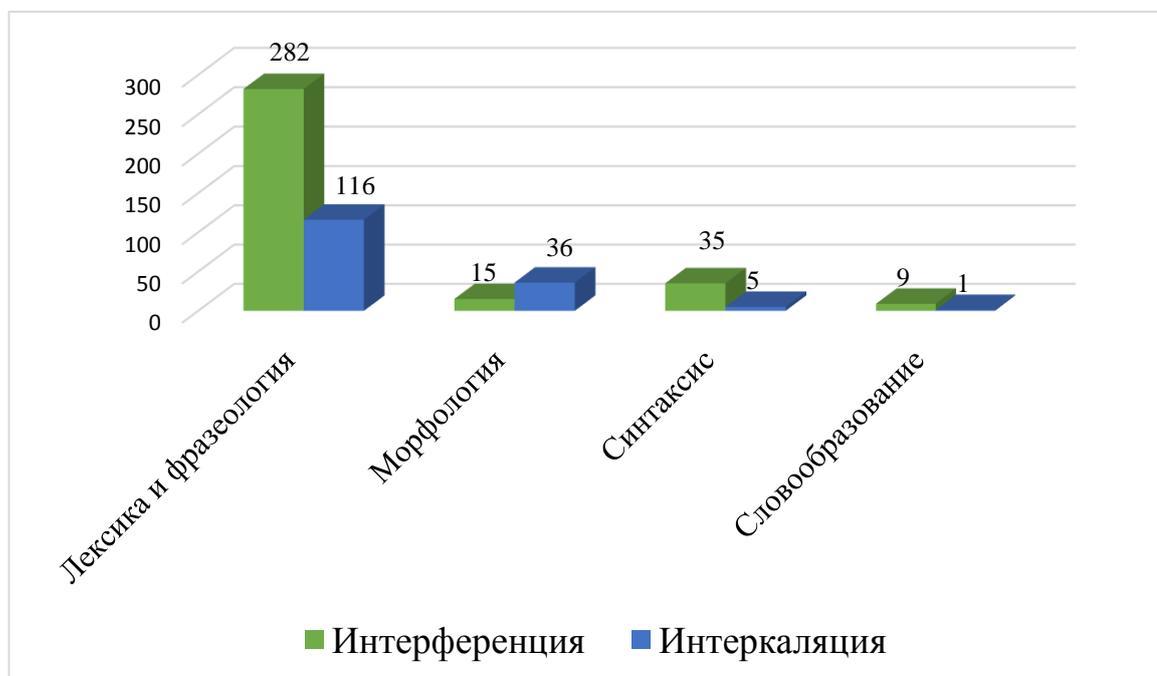

Рисунок 2.15. – Нарушения языковых норм в исходных текстах и авторских переводах

Спонтанность речевых отклонений отражена в таблице 2.23. Согласно представленным данным, интерференция чаще встречается в словах автора, а интеркаляция – в прямой и несобственно-прямой речи. Таким образом, употребление белорусизмов в русскоязычном тексте АП, вероятно, носит спонтанный характер. Нарушения белорусской речи под влиянием русского языка скорее всего выступают в качестве оценочно-характерологических средств.

Таблица 2.23. – Степень спонтанности речевых отклонений

Уровень языка	Интерференция		Интеркаляция	
	Прямая речь / несобственно-прямая речь	Слова автора	Прямая речь / несобственно-прямая речь	Слова автора
Лексика и фразеология	102	180	75	41
Морфология	15	–	5	31
Синтаксис	10	25	2	3
Словообразование	9	–	1	–
Всего	136	205	83	75

Общий индекс интерференционных трансформаций можно высчитать по формуле (2.10).

$$\frac{I_f (L + M + S)}{T (L + M + S)} \times 100\% \quad (2.10)$$

Индекс интеркаляционных трансформаций выражается формулой (2.11).

$$\frac{I_k (L + M + S)}{T (L + M + S)} \times 100\% \quad (2.11)$$

Общий индекс языковых нарушений высчитывается по формуле (2.12).

$$\frac{I_f + I_k}{T} \times 100\% \quad (2.12)$$

Подставление в формулы (2.10), (2.11), (2.12) количественных показателей даёт следующие результаты.

Общий индекс интерференционных трансформаций равен **1,6%**:

$$\frac{81}{20744} \times 100\%$$

Общий индекс интеркаляционных трансформаций равен **0,4%**:

$$\frac{341}{20744} \times 100\%$$

Итак, общий индекс языковых нарушений равен **2%**:

$$\frac{341 + 81}{20744} \times 100\%$$

Значит, при переводе 2 языковых единиц из 100 авторы-переводчики допускают нарушения языковых норм вследствие взаимовлияния систем белорусского и русского языков в пределах сознания билингвальной языковой личности. Неизбежность подобных нарушений кроется в билингвизме писателей. Подтверждение этой мысли находим у Я. Коласа, который писал: «Русский язык не может вызвать в таком полном объёме, когда я пишу, тех ощущений, тех чувств и той колоритности, которые свойственны белорусскому языку, белорусским картинам, в каком даёт белорусский язык, с молоком матери вошедший в мою природу» [75, с. 22].

Выводы по главе 2

1. При авторском переводе с белорусского языка на русский наиболее распространёнными являются лексико-фразеологические языковые трансформации. Общее их количество примерно совпадает с количеством предложений, составляющих корпус исследования. При переводе основного объёма лексических единиц использованы приёмы конкретизации, генерализации и модуляции. Результатом собственно лексических трансформаций в процессе АП чаще становится конкретизация семантики слова, чем её генерализация. Это объясняется стремлением авторов-переводчиков дополнить произведения новыми художественными деталями.

2. В АП исследуемых произведений использованы такие виды **стилистических трансформаций**, как стилистическая компенсация, адекватные замены и смена стилистических коннотаций. Передача стилевых особенностей в процессе перевода происходит в соответствии с принципом эквивалентности. Незначительные стилевые расхождения служат для усиления эмоциональности повествования либо для отражения колорита белорусской речи.

3. Передача имён собственных как объектов межъязыкового и межкультурного заимствования осуществляется путём **транскрипции, транслитерации, трансплантации** либо **субституции**. Кроме того, ряд трансформаций, сопровождающих передачу имён собственных, не относится ни к одной из известных классификаций и является отличительной особенностью АП: **нарушение единообразия (вариативность) перевода; использование приёмов опущения и добавления; замена или видоизменение** отдельных единиц.

4. При АП фразеологизмов часто происходит замена нейтральной лексикой, что придаёт тексту бóльшую эмоциональную сдержанность. Большинство ФЕ являются тождественными, прямыми либо синонимичными эквивалентами. Авторы-переводчики часто не воспроизводят расширение состава и редукцию исходных ФЕ, однако могут расширять их состав. АП белорусских пословиц носит покомпонентный характер и сопровождается упразднением рифмы.

5. Проявления интерференции и интеркаляции при АП в большей степени характерны для лексических эквивалентов и свидетельствуют о преобладающем влиянии белорусского языка на русский в сознании исследуемых писателей. Так как на лексическом уровне интерференция более характерна для слов автора, а интеркаляция – для прямой и несобственно-прямой речи, можно сделать вывод о подсознательном влиянии белорусского языка на русский и намеренном отклонении от норм белорусского языка с целью речевой характеристики персонажей. На лексическом уровне индекс интерференционных трансформаций составляет **1,86%**, индекс интеркаляционных трансформаций – **0,74%**. Индекс языковых нарушений на лексическом уровне равен **2,6%**.

6. При АП причастных и деепричастных конструкций наблюдаются замена, добавление, перестановка и опущение эквивалентов. Наиболее распространены нулевая трансформация и замена конструкций. Замена часто представлена преобразованиями придаточных частей с союзными словами **які** и **што** в причастные обороты в соответствии с общеязыковыми нормами, при которых в белорусском языке определительная придаточная часть сложноподчинённого предложения выражает значение, аналогичное семантике русского причастного оборота. Количество замен деепричастий и деепричастных оборотов другими единицами почти вдвое уступает количеству обратных замен, что обусловлено ограниченной активностью деепричастных конструкций в белорусском языке.

7. Результаты анализа трансформации видовых форм глагола свидетельствуют о стремлении авторов сохранить статично-динамичный баланс исходного текста при АП, что подтверждается практически равным количеством переходов совершенного вида в несовершенный и наоборот, а также преобладанием глаголов с одноактным СГД в текстах АП. Трансформация категории времени существенно не изменяет семантику предложения, т. к. чаще касается пары «настоящее (историческое) – прошедшее время». Случаи одновременного преобразования вида и времени глаголов подчёркивают общую завершённость действий. Примеры полной замены глаголов демонстрируют свободу автора-переводчика в отношении изменения формы и содержания исходного текста при АП.

8. Композитная деривация в АП характеризуется определёнными особенностями: белорусские сложные слова чаще заменяются русскими композитами, отсутствие композитного эквивалента одинаково свойственно исходным текстам и АП; в тексте АП большинству композитов соответствуют слова той же части речи; минимальны трансформации плана выражения и плана содержания сложных слов. Основными видами преобразований плана выражения композитов выступают словообразовательная, грамматическая и орфографическая трансформации. Изменение плана содержания сопровождается конкретизацией либо генерализацией, частичной либо полной заменой значения, опущением либо добавлением дополнительного значения, разграничение которых неоднозначно.

9. Исследование закономерностей трансформации грамматической категории числа имени существительного демонстрирует преобладание форм множественного числа в текстах АП, что свидетельствует об их большей смысловой конкретизации. Преобразования слов анумеральной семантики во многих случаях обусловлены лексико-семантическими и грамматическими особенностями эквивалентов.

10. Большинство нарушений на морфологическом уровне носят интеркаляционный характер. Интерференция на морфологическом уровне встречается лишь в прямой и несобственно-прямой речи, что свидетельствует о её намеренности. Интеркаляция более распространена в словах автора и поэтому отличается спонтанностью. Индекс интерференционных трансформаций равен **1,1%**, индекс интеркаляционных трансформаций – **1,7%**. Индекс языковых нарушений на морфологическом уровне составляет **2,8%**.

11. При АП используются следующие виды трансформации предложений: опущение и добавление, членение и объединение, смещение границ и перестановка, а также актантные трансформации (преобразование односоставных предложений, взаимозамена актантов, активизация / пассивизация конструкций). Следствием замены исходных предложений в процессе АП является декомпрессия текста на 140 синтаксем.

12. При АП словосочетания наблюдаются такие виды трансформаций, как опущение или добавление синтаксем, перестановка главного и зависимого слов, замена синтаксической конструкции. Наиболее распространённым преобразованием является **замена синтаксической конструкции**, которой подверглись единицы со значением посессивности, синтаксемы с обстоятельственным значением образа и способа действия и конструкции, выражающие определительные отношения. При АП посессивных конструкций чаще наблюдается замена белорусского существительного в Р. п. русским эквивалентом, что не противоречит общезыковой тенденции. Большинство примеров перевода единиц с обстоятельством образа и способа действия соответствуют модели, в которой белорусское словосочетание с наречием заменяется русской синтаксемой с творительным социативным, определяющим характер действия. Близость грамматического строя белорусского и русского языков обуславливает взаимозамену имён прилагательных и имён существительных в форме родительного, творительного и предложного падежей. Предпосылкой подобных замен служит определительная семантика, свойственная названным падежам.

13. Для АП с почти одинаковой употребительностью характерны актантная трансформация безличных конструкций и взаимозамена актантов. Гораздо менее распространены преобразования актантной структуры пассивных и односоставных предложений.

14. При АП происходит сохранение безличных конструкций, замена личного предложения имперсоналом и употребление личной конструкции вместо исходной безличной. Анализ структурно-семантических вариантов безличных предложений и связанных с ними трансформации при АП демонстрирует преобладание имперсонала в АП по сравнению с исходными текстами. Однако случаи замены безличных конструкций личными также нередки. Нельзя с уверенностью говорить о произвольности действия в безличных предложениях, поскольку в большинстве из них анализ выявил наличие субъекта. Мена диатезы объясняется необходимостью **устранить из речи** обозначение субъекта, чтобы придать лёгкость художественному повествованию.

15. В результате анализа актантных трансформаций выявлена тенденция к понижению коммуникативного ранга субъекта исходного предложения и повышению коммуникативного ранга объекта либо участника, находящегося на периферии. Наиболее распространёнными проявлениями взаимозамены актантов при АП являются синтаксическая метафоризация актантов, деметафоризация актантов, взаимозамена метафоризованных актантов и взаимозамена одушевлённых актантов. Более высокая частотность взаимозамен, связанных с метафоризованными актантами, по сравнению со взаимозаменами, сопровождаемыми деметафоризацией, объясняется образностью и

метафористичностью художественного стиля. Специфика АП заключается в **немотивированной замене субъекта**, когда в исходном тексте отсутствует упоминание субъекта переводного предложения.

16. Преобладание пассивизации конструкций, сопровождающейся наличием нулевого агенса и смещением акцента с одного актанта на другой, является показателем стремления авторов-переводчиков придать действию стихийность либо привлечь внимание читателя к определённым художественным деталям. Взаимные замены пассивных, активных конструкций с лексическим пассивом, неопределённо-личных и неполных предложений представляются семантически равнозначными, поскольку не изменяют коммуникативный статус реального объекта.

17. Трансформации односоставных предложений неопределённо-личного, номинативного и обобщённо-личного типов демонстрируют бóльшую употребительность односоставного предложения в текстах АП, чем в оригиналах. Односоставное предложение способствует компрессии текста, придаёт повествованию разговорную форму, динамику и эмоциональность, подчёркивая несущественность субъекта действия в развитии событий. Непоследовательное соблюдение принципа эквивалентности при замене односоставных предложений определяет специфику АП, которая заключается в относительной свободе изменять не только внешнюю, но и внутреннюю форму текста.

18. Следствием мены диатезы при АП является понижение коммуникативного ранга субъекта либо повышение коммуникативного ранга объекта. В первом случае, как и при устранении формально выраженного субъекта, происходит переключение внимания читателя с производителя действия на само действие. Во втором, как и при добавлении формально выраженного субъекта, акцентируется внимание на персонаже либо художественной детали. Устранение ложного актанта способствует компрессии текста и придаёт динамичность повествованию. Добавление ложного актанта подчёркивает обособленность действия от реального субъекта. Специфика употребления неопределённо-личных конструкций при АП состоит в их коммуникативном статусе: субъектный нуль выражает несущественность субъекта для говорящего, а не его неизвестность.

19. Почти все переводческие трансформации на синтаксическом уровне обусловлены объективными языковыми процессами либо идейно-художественными причинами. Языковые нарушения, вызванные билингвизмом авторов-переводчиков, обнаружены лишь в посессивных конструкциях и синтаксемах с дативом. Нарушения на синтаксическом уровне носят преимущественно спонтанный характер, т. к. чаще употребляются в словах автора. Индекс интерференционных трансформаций на синтаксическом уровне равен **1,04%**, индекс интеркаляционных трансформаций – **0,15%**. Индекс языковых нарушений на синтаксическом уровне составляет **1,2%**.

20. В билингвальном сознании авторов-переводчиков белорусский язык вдвое активнее воздействует на русский, чем наоборот. Интерференция и интеркаляция наиболее распространены на лексическом уровне, наименее – на словообразовательном. На морфологическом уровне преобладают интеркаляционные нарушения, а на уровне синтаксиса – интерференционные. Интерференция чаще носит спонтанный характер, интеркаляция – намеренный, оценочно-характерологический. Общий индекс интерференционных трансформаций составляет **1,6%**, общий индекс интеркаляционных трансформаций – **0,4%**. Общий индекс языковых нарушений при АП равен **2%**. Предпосылкой подобных нарушений выступает билингвизм писателей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Современная межкультурная коммуникация предполагает существование авторского перевода художественного текста. Авторский перевод, как и неавторский, предназначен для создания иноязычного аналога оригинального текста, однако он обладает своей спецификой, состоящей в том, что коммуникативные роли автора исходного текста, его читателя и переводчика совмещаются в одной языковой личности, которая прибегает к использованию механизмов автокоммуникации.

Авторский перевод возникает в результате речевой деятельности билингвальной языковой личности, способной к восприятию и созданию художественных текстов на двух языках, обладающей двумя типами когнитивного сознания и готовностью к межкультурному общению. Это означает, что тексты, переведённые их создателями на другой язык, представляют особый тип художественного билингвизма [1–А; 2–А; 5–А; 6–А].

2. Создание авторских переводов, подразумевающих контактирование и взаимодействие близкородственных языков, осуществляется в особых условиях. Сходство их языковых систем обеспечивает высокий уровень приближения оригинального текста и переводного, чему способствует также ментальная и культурная близость носителей. Как показывает анализ, авторский перевод с белорусского языка на русский мобилизует в полном объёме языковую, речевую и культурную компетентность билингвальной личности, вынуждает её преодолевать внутренний конфликт, основанный на необходимости выбора средств и способов перевода. При этом близкое родство русского и белорусского языков не означает их идентичности, а следовательно, предполагает выбор адекватных средств создания смысловой и эмоционально-экспрессивной эквивалентности текстов [2–А; 6–А; 11–А].

3. Главная задача авторского перевода заключается в обеспечении эквивалентности оригинального и переводного текста, а точнее – в максимальном приближении текстов оригинала и перевода. Всё это оказывается возможным в результате различных языковых трансформаций, которые условно следует разделить на лексико-фразеологические (собственно лексические, фразеологические и стилистические) и грамматические (словообразовательные, морфологические и синтаксические). Кроме переводческих трансформаций, при авторском переводе имеют место различные изменения оригинального текста.

Пользуясь своими правами создателя и переводчика, писатель дополняет или сокращает при переводе оригинальный текст, корректирует по своему усмотрению его информационный или эмоциональный планы.

Взаимодействие русского и белорусского языков при авторском переводе проявляется в фактах интерференции и интеркаляции, то есть в нарушениях речи билингва на Я2 под влиянием Я1 и обратном влиянии Я2 на Я1 [2–А; 3–А].

4. Основу переводческих трансформаций при авторском переводе с белорусского языка на русский составляют общепринятые белорусско-русские параллели, т. е. то, что условно можно назвать нулевой трансформацией (*дрэва* – *дерево*, *бегчы* – *бежать*, *чырвоны* – *красный* и т. п.). Именно они обеспечивают эквивалентность текстов и проявляются на всех языковых уровнях.

Наибольшее количество изменений касается лексико-фразеологического уровня, на котором осуществляется сужение или расширение состава слов и фразеологизмов, модификация их семантики, стилистической окраски: *дрэвы* → *вербы*; *суніцы* → *ягоды*; *чалавек мой загінуў* → *человека своего схоронила*; *закрычала* (нейтр.) → *заверещала* (разг. неодобр.); *высачэзныя* (разг.) → *огромные* (нейтр.); *Вера Канстанцінаўна ўсё ж увяла яму ў вушы, хто такі быў Маўгли*. (В. Казько) → *Вера Константиновна объяснила всё же ему, кто такой был Маугли*. (В. Козько) и др. Это позволяет автору-переводчику дополнить произведение новыми художественными деталями, придать тексту эмоциональную сдержанность или усилить её.

Изменения на морфологическом уровне касаются в основном причастий и деепричастий и занимают второе место по частотности распространения: *Сапраўды, фашызм – машына, якая здратавала сваімі калясьмі паўсвету і бадай усю Эўропу, хіба можна ўвесь час бегчы ёй напярэймы і размахваць голымі рукамі?* (В. Быкаў) → *Действительно, фашизм – машина, подмявшая под свои колёса полмира, разве можно, стоя перед ней, размахивать голыми руками?* (В. Быков); *Цяпер Рыбак трохі супакоіўся і падумаў, што, можа, яшчэ як-колечы вывернуцца*. (В. Быкаў) → *Теперь Рыбак понемногу стал успокаиваться, подумав, что, может, ещё как-либо удастся вывернуться*. (В. Быков); *Між тым горад прачынаўся ўжо*. (В. Казько) → *Между тем город уже проснулся*. (В. Козько); *дубы* → *дубы-ведуны*; *свістаў-шархацеў вецер* → *с присвистом шуриал ветер*; *клочча* → *клочья*, *тронкі* → *черенок* и др.

Синтаксические трансформации также имеют место, но относятся к малочастотным: *Размова на тым абарвалася, Рыбак і Пётра сцішыліся кожны ў сваім кутку. Сотнікаў не то задрамаў ці, можа, забыўся ў гарачцы*. (В. Быкаў) → *Разговор на этом прервался, Рыбак и Пётр притихли каждый в своём углу*. (В. Быков); *Я там вучыўся, працаваў, у партыю ўступаў, любіў там*. (И. Мележ) → *Учился там, работал. В партию вступал. Любил там*. (И. Мележ); *кулакі Лецечкі* → *Летечкины кулаки*; *пагрозліва тупанула* → *с угрозой топнула* и др.

В целом грамматические трансформации осуществляются в русле нормативных белорусско-русских параллелей, способствуют компрессии и декомпрессии текста в соответствии с идейно-художественными целями автора-переводчика [3–А; 7–А; 8–А; 9–А; 10–А; 12–А; 13–А; 14–А; 15–А; 16–А; 17–А].

5. Как показывает проведённый анализ, при авторском переводе неизбежными являются интерференционные и интеркаляционные результаты взаимодействия белорусского и русского языков. Чаще всего они проявляются на лексическом уровне (в русскоязычном тексте *шибка* (вместо *стёклышко*), *сонейко* (вместо *солнышко*), *бусел* (вместо *аист*), *бачить* (вместо *видеть*); *хазяйка* (вместо *гаспадыня*), *панімаеш* (вместо *разумееш*), *абязацельна* (вместо *абавязкова*), *здрастуй* (вместо *добры дзень*) и др.), реже всего – на словообразовательном (в русскоязычном тексте *украсти* (вместо *украсть*); *уязджайце* (вместо *ад'язджайце*) и др.). На синтаксическом уровне преобладают явления интерференции (*Рыбаковы ногі* → *Рыбаковы ноги*; *Кульгаеў (хутар)* → *Кульгаев (хутор)* и др.), а на уровне морфологии – интеркаляции (*раён умацаван* (вместо *умацаваны*); *перашыек начынен мінамі* (вместо *начынены*); *здымак надрукаван* (вместо *надрукаваны*) и др.). Интерференция чаще отличается спонтанностью, а интеркаляция – намеренностью.

Показателем степени взаимодействия и взаимовлияния белорусского и русского языков при АП является **индекс языковых нарушений**. Общий индекс интерференционных трансформаций составляет **1,6%**, общий индекс интеркаляционных трансформаций – **0,4%**, что свидетельствует о большем влиянии белорусского языка на русский в сознании писателей. Общий индекс языковых нарушений при АП равен **2%**. Предпосылкой интерференционных и интеркаляционных нарушений при АП выступает билингвизм авторов-переводчиков [2–А; 7–А; 17–А].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Результаты исследования могут быть использованы в процессе дальнейшего изучения переводческих аспектов творчества В. Быкова, В. Козько и И. Мележа в учреждениях высшего образования и школах, при подготовке теоретических и практических курсов по сравнительной стилистике, сравнительной лексикологии, лингвокультурологии, филологическому анализу художественного текста, основам перевода и редактирования художественных текстов, а также при выполнении курсовых, дипломных работ, магистерских диссертаций и других исследований, посвящённых проблемам билингвизма и АП [4–А].

Возможности практического использования результатов диссертационного исследования подтверждены актом о внедрении от 19.09.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**Список использованных источников**

1. Агадилова, Л. Ж. Типология билингвальной языковой личности / Л. Ж. Агадилова // Известия НАН РК. Сер. филологическая. – 2010. – № 1. – С. 19–23.
2. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
3. Алимов, В. В. Интерференция в переводе (на материале профессионально-ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации) : автореф. дисс. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / В. В. Алимов ; Воен. ун-т. – М., 2004. – 40 с.
4. Андреева, С. В. Билингвизм и его аспекты / С. В. Андреева // Учёные записки Забайкальского гос. гуман.-пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Сер. Филология, история, востоковедение. – 2009. – № 3 (26). – С. 34–38.
5. Апышев, М. А. Феномен двуязычия : Чингиз Айтматов и Мар Байджиев / М. А. Апышев. – Баку. – 2009. – 156 с.
6. Атакова, Н. С. Синтаксические трансформации односоставных предложений (на материале русско-якутского перевода) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Н. С. Атакова ; Якутский гос. ун-т им. М. К. Аммосова. – Якутск, 2007. – 24 с.
7. Бабайцева, В. В. Современный русский язык : учеб. для студ. пед. ин-тов : в 3 ч. / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1987. – Ч. 3 : Синтаксис. Пунктуация. – 256 с.
8. Багана, Ж. Контактная лингвистика : взаимодействие языков и билингвизм / Ж. Багана, Е. В. Хапилина. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 128 с.
9. Багироков, Х. З. Художественный билингвизм как полилингвальное пространство : к постановке проблемы / Х. З. Багироков // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 2 : Филология и искусствоведение. – 2012. – № 2. – С. 134–137.
10. Байдимирова, А. А. Соотношение русских и английских залоговых конструкций (на материале текстов пьесы А. П. Чехова «Три сестры» и рассказа А. И. Куприна «Олеся» и их переводов на английский язык) / А. А. Байдимирова // Rossica Petropolitana Juniora [Электронный ресурс]. – 2007. – Вып. 1. – Режим доступа : http://www.mir.spbu.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=776:rj-12. – Дата доступа : 06.05.2017.

11. Бархударов, Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
12. Бахтикиреева, У. М. Творческая билингвальная личность : национальный русскоязычный писатель и особенности его русского художественного текста / У. М. Бахтикиреева. – М. : Триада, 2005. – 190 с.
13. Бахтин, М. М. Тетралогия / М. М. Бахтин, В. Н. Волошинов, П. Н. Медведев. – М. : Лабиринт, 1998. – 607 с.
14. Башкова, И. С. Нейропсихологическая характеристика билингвизма / И. С. Башкова, И. Г. Овчинникова // Вопросы психолингвистики. – 2013. – № 17. – С. 53–69.
15. Безроднова, О. М. Причастия и деепричастия в функционально-семантическом поле таксиса (на материале немецкого и русского языков) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. М. Безроднова ; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2009. – 22 с.
16. Березина, О. А. К вопросу о языковой репрезентации категории безличности / О. А. Березина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 4 (025). – С. 39–51.
17. Блягоз, З. У. Контактное русское и родное языков в условиях двуязычия : учеб. пособие / З. У. Блягоз. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского пед. ин-та, 1976. – 76 с.
18. Богданов, В. В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты / В. В. Богданов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. – 88 с.
19. Богин, Г. И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Г. И. Богин ; Ленинградский ун-т. – Л., 1984. – 31 с.
20. Бондарко, А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования / А. В. Бондарко ; РАН ; Ин-т лингвистических исследований. – М. : Языки славянских культур, 2005. – 624 с.
21. Бондарко, А. В. Русский глагол : пособие для студ. и учителей / А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. – Л. : Просвещение, 1967. – 190 с.
22. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / А. В. Бондарко [и др.]. – СПб. : Наука, 1996. – 229 с.
23. Брандес, М. П. Стиль и перевод (на материале немецкого языка) : учеб. пособие / М. П. Брандес. – М. : Высш. шк., 1988. – 127 с.
24. Брысина, Т. Н. Односоставные предложения в прозе М. Ю. Лермонтова / Т. Н. Брысина // Рациональное и эмоциональное в русском языке : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова, Москва, 14–15 нояб. 2014 г. / Моск. гос. обл. ун-т ; редкол.: П. А. Лекант [и др.]. – М. : ИИУ МГОУ, 2014. – С. 27–31.

25. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
26. Вайнрайх, У. Языковые контакты : состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – Киев : Вища школа, 1979. – 263 с.
27. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсгербер ; пер. О. А. Радченко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
28. Валгина, Н. С. Современный русский язык : синтаксис / Н. С. Валгина. – 4-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 2003 – 416 с.
29. Ванников, Ю. В. Проблемы адекватности перевода. Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности / Ю. В. Ванников // Текст и перевод / отв. ред. А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – С. 34–39.
30. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание : пер. с англ. / А. Вежбицкая ; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
31. Велюгин, А. Стих товарищ перевёл / А. Велюгин // Литературная газета. – 1963. – 8 янв. – С. 3.
32. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы : избр. тр. / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1980. – 360 с.
33. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов ; под ред. Г. А. Золотовой. – 4-е изд. – М. : Рус. яз., 2001. – 720 с.
34. Виноградов, В. В. Язык как творчество / В. В. Виноградов. – М. : Просвещение, 1995. – 126 с.
35. Вишневская, Г. М. Билингвизм и его аспекты : учеб. пособие / Г. М. Вишневская. – Иваново : ИвГУ, 1997. – 99 с.
36. Выготский, Л. С. Умственное развитие детей в процессе обучения : сб. ст. / Л. С. Выготский. – М. – Л. : Гос. учебно-пед. изд-во, 1935. – 136 с.
37. Гак, В. Г. Актанты / В. Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / под ред. В. Н. Ярцевой ; Ин-т языкознания АН СССР. – М. : Сов. энцикл., 1990. – Режим доступа : <http://tapemark.narod.ru/les/022c.html>. – Дата доступа : 05.05.2017.
38. Гак, В. Г. Типология преобразований в актантной структуре высказывания при переводе / В. Г. Гак // Вопросы филологии. – 2002. – № 1 (10). – С. 42–47.
39. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
40. Гак, В. Г. Курс перевода. Французский язык / В. Г. Гак, Ю. И. Львин. – М. : Междунар. отношения, 1980. – 360 с.
41. Галь, Н. Слово живое и мёртвое / Н. Галь. – М. : Время, 2007. – 592 с.

42. Гируцкий, А. А. Белорусско-русский художественный билингвизм : типология и история, языковые процессы / А. А. Гируцкий. – Минск : Университетское, 1990. – 175 с.
43. Горегляд, Е. Н. Проблемы синтаксического строя славянских языков : учеб.-метод. материалы / Е. Н. Горегляд ; Витебск. гос. ун-т им. П. М. Машерова. – Витебск, 2012. – 82 с.
44. Градинарова, А. А. Деепричастный оборот в болгарском языке на фоне русского / А. А. Градинарова // *Acta Linguistica*. – 2014. – Вып. 8. – С. 64–95.
45. Граматыка беларускай мовы : у 2 т. / рэд. : К. К. Атраховіч (Крапіва), М. Г. Булахаў. – Мінск : Выдавецтва АН БССР, 1962. – Т. 1 : Марфалогія. – 1962. – 540 с.
46. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 397 с.
47. Гусейнов, Ч. Г. Проблемы двуязычного художественного творчества в советской литературе / Ч. Г. Гусейнов // *Единство, рожденное в борьбе и труде*. – М. : Известия, 1972. – 442 с.
48. Дворакова, З. Односоставные предложения в русском и чешском языках (сопоставительный анализ на материале рассказа Дины Рубиной «Уроки музыки» и его перевода на чешский язык) [Электронный ресурс] / З. Дворакова. – Брно : Масариков ун-т, 2010. – Режим доступа : http://is.muni.cz/th/146490/ff_m_b1/DP_Dvorakova.txt. – Дата доступа : 05.05.2017.
49. Дегтярёв, В. И. Категория числа в славянских языках : историко-семантическое исследование / В. И. Дегтярёв ; отв. ред. Ф. П. Филин. – Ростов н / Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1982. – 320 с.
50. Дергилёва, Ж. И. Художественный антропонимикон в лингвокультурологическом представлении (на материале диалогии И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок») : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ж. И. Дергилёва. – Белгород, 2008. – 242 л.
51. Дзянісава, Н. В. Аўтарскі пераклад. Праблема аўтарскага перакладу прозы ў беларускай літаратуры XX стагоддзя / Н. В. Дзянісава ; навук. рэд. В. П. Рагойша. – Мн. : Бел. выд. тав-а «Хата», 2002. – 100 с.
52. Ермолович, Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М. : Р. Валент, 2001. – 133 с.
53. Жлуктенко, Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия / Ю. А. Жлуктенко. – Киев : Изд-во при Киев. ун-те, 1974. – 175 с.
54. Заболотная, С. А. Межславянский художественный перевод в изучении славистических дисциплин / С. А. Заболотная // *Littera et Lingua* [Электронный ресурс]. – София, 2015. – Режим доступа : <http://www.slav.uni-sofia.bg/naum/lilijournal/2015/12/3-4/szabolotnaja>. – Дата доступа : 05.05.2017.

55. Занковец, О. В. Словообразовательные трансформации при переводе художественных текстов с английского языка на русский / О. В. Занковец, С. А. Давыдова // Межкультурная коммуникация и профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам : материалы II Междунар. науч. конф., посвящ. 87-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2008 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск, 2008. – С. 88–90.

56. Зарецкий, Е. В. Безличные конструкции в русском языке : культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками) / Е. В. Зарецкий. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2008. – 564 с.

57. Захраи, С. Х. Способы передачи русских деепричастных конструкций в персидском языке / С. Х. Захраи, Ш. Хеммат-заде // Молодой учёный. – 2015. – № 4 (84) – С. 769–772.

58. Зверев, А. Д. Словообразование в современных восточнославянских языках / А. Д. Зверев. – М. : Высш. школа, 1981. – 206 с.

59. Зимовец, Н. В. Декомпрессия текста при переводе с русского языка на английский (на материале перевода романа Б. Пастернака «Доктор Живаго») / Н. В. Зимовец, Л. А. Кобзарева // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 11–8. – С. 1728–1731.

60. Зинченко, В. Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме : учеб. пособие / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 224 с.

61. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова ; под общ. ред. Г. А. Золотовой. – М. : Ин-т рус. яз. РАН, 2004. – 544 с.

62. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – 3-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2006. – 440 с.

63. Иванова, С. Ф. Накольні блізкія блізкароднасныя мовы (да вызначэння лінгвістычнай адлегласці паміж беларускай і рускай мовамі) / С. Ф. Иванова // Сацыякультурная прастора мовы (сацыяльныя і культурныя аспекты вывучэння беларускай мовы) [Электронны рэсурс]. – 1998. – Режим доступа : http://kamunikat.fontel.net/www/knizki/brama/prastora/prastora_03.htm. – Дата доступа : 05.05.2017.

64. Иванцова, Е. В. О термине «языковая личность» : истоки, проблемы, перспективы использования / Е. В. Иванцова // Вестник Томского гос. ун-та. – 2010. – № 4 (12) . – С. 24–32.

65. Иванцова, Е. В. Феномен диалектной языковой личности / Е. В. Иванцова. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2002. – 312 с.

66. Исаева, Е. Как переводить деепричастия на шведский язык [Электронный ресурс] / Е. Исаева – М. – 2015. – Режим доступа : <http://minsvenska.ru/deerprichasty/>. – Дата доступа : 05.05.2017.

67. Исаченко, А. В. Грамматический строй русского в сопоставлении со словацким : в 2 ч. / А. В. Исаченко. – 2-е изд. – Братислава : Изд-во Словацкой Акад. наук, 1965. – Ч. 1 : Морфология. – 297 с.

68. Каб не знікалі далягляды // Літаратура і мастацтва. – 2001. – 23 сак. – С. 13.

69. Кадырова, О. М. Эквиваленты турецких деепричастий в русскоязычном тексте (по материалам корпусного исследования) / О. М. Кадырова // Ислам и тюркский мир : проблемы образования, языка, литературы, истории и религии : материалы VIII Международной тюркологической конференции, Елабуга, 22 апр. 2016 г. / Елабужский ин-т. – С. 238–242.

70. Карасик, В. И. Языковая личность : аспекты изучения / В. И. Карасик // Язык и культура : материалы II Междунар. науч. конф., Москва, 17–21 сент. 2003 г. – Ин-т Иностранных языков, 2003. – С. 362–363.

71. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 262 с.

72. Карлинский, А. Е. Взаимодействие языков : билингвизм и языковые контакты / А. Е. Карлинский. – Алматы : КазУМОиМЯ, 2011. – 264 с.

73. Клышка, А. Сумую па прыналежных прыметніках... / А. Клышка // Звязда [Электронный ресурс]. – 2007. – 01 верасня. – Режим доступа : <http://old.zviazda.by/ru/pril/article.php?id=1214&prilid=1212>. – Дата доступа : 05.05.2017.

74. Ключов, Г. Н. Белорусско-русские параллели в передаче личных имён / Г. Н. Ключов // Русский язык : межведомственный сборник / Министерство народного образования БССР, Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск : Университетское, 1981–1992. – Вып. 2. – 1982. – С. 38–57.

75. Колас, Я. Збор твораў : у 14 т. / Я. Колас. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1977. – Т. 13 : Пісьмы 1908–1949. – 679 с.

76. Комарова, Л. Я. Природа социокультурной билингвальной языковой личности / Л. Я. Комарова // Филологични науки. – София, 2013. – Т. 26. – С. 3–7.

77. Комиссаров, В. Н. Общая теория перевода : проблемы переводоведения в освещении зарубежных учёных / В. Н. Комиссаров. – М. : Черо, 1999. – 136 с.

78. Комиссаров, В. Н. Перевод как объект лингвистического исследования / В. Н. Комиссаров // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике : сб. ст. / под общ. ред. В. Н. Комиссарова ; пер. с англ., нем., франц. – М. : Междунар. отношения, 1978. – С. 3–15.

79. Комиссаров, В. Н. Пособие по переводу с английского языка на русский : в 3 ч. : учеб. пособие для пед. ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров,

Я. И. Рецкер, В. И. Тархов. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1960. – Ч. 1 : Лексико-фразеологические основы перевода. – 175 с.

80. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2001. – 424 с.

81. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 253 с.

82. Конопелько, Б. Русско-польские лексико-семантические отношения : на материале семантического поля со значением родства и отношений / Б. Конопелько. – Вроцлав : Изд-во Вроцлавского ун-та, 1980. – 158 с.

83. Кубрякова, Е. С. Словообразование как процесс номинации и его отличительные формальные и содержательные характеристики / Е. С. Кубрякова // Теоретические основы словообразования и вопросы создания сложных лексических единиц : сб. ст. / Пятигорский пед. ин-т. – Пятигорск, 1988. – С. 4–22.

84. Кузнецова, А. В. Билингвальная языковая личность : лингвориторический потенциал в поликультурном пространстве / А. В. Кузнецова // Известия Сочинского гос. ун-та. – 2013. – № 1 (23). – С. 187–190.

85. Кулеш, Г. І. Ускладняльныя дзеепрыметнікавыя канструкцыі ў мове заканадаўства / Г. І. Кулеш // Жыццём і словам прысягаючы... : да 90-годдзя заслуж. работніка адукацыі Рэсп. Беларусь, д-ра філал. навук, праф. М. Я. Цікоцкага : зб. навук. прац / пад агул. рэд. д-ра філал. навук праф. В. І. Іўчанкава. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2012. – С. 346–355.

86. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Кунин. – 3-е изд. – Дубна : Феникс+, 2005. – 488 с.

87. Кэтфорд, Дж. К. Лингвистическая теория перевода / Дж. К. Кэтфорд ; пер. с англ. Л. Черняховской // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике : сб. ст. / под общ. ред. В. Н. Комиссарова ; пер. с англ., нем., франц. – М. : Международные отношения, 1978. – С. 91–113.

88. Лаинович-Стоянович, Н. Сербские эквиваленты русских страдательных причастий настоящего времени в тексте по специальности / Н. Лаинович-Стоянович // Facta Universitatis. Serp. Linguistics and Literature. – 2003. – Вып. 2. – № 10. – С. 375–387.

89. Латышев, Л. К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы её достижения) / Л. К. Латышев. – М. : Международные отношения, 1981. – 248 с.

90. Левитан, К. М. Юридический перевод : основы теории и практики : учеб. пособие / К. М. Левитан. – Москва : Проспект, 2011. – 352 с.

91. Левицкая, Т. Р. Проблемы перевода / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. – М. : Международные отношения, 1976. – 205 с.

92. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1999. – 287 с.

93. Лю Ди. Русское деепричастие как единица перевода : грамматические, семантические и прагматические аспекты перевода на китайский язык : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Лю Ди. – М., 2014. – 196 л.

94. Марина, О. А. Некоторые современные модели порождения речи у билингвов : условия и степень взаимовлияние языков в данных моделях / О. А. Марина // Язык и коммуникация в контексте образования и культуры : сб. науч. тр. / Тверской гос. ун-т ; отв. ред. Л. Рыжова. – Тверь, 2012. – Вып. 4. – С. 99–113.

95. Мартинович, В. Сфагнум [Электронный ресурс] / В. Мартинович. – Режим доступа : http://martinovich.by/?page_id=23. – Дата доступа : 05.05.2017.

96. Маслова, В. А. Homolingualis в культуре / В. А. Маслова ; Министерство образования Республики Беларусь, УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова». – Витебск : ВГУ, 2004. – 214 с.

97. Мельчук, И. А. О синтаксическом нуле / И. А. Мельчук // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. – Л. – 1974. – С. 343–361.

98. Мечковская, Н. Б. Языковая ситуация в Беларуси : этические коллизии двуязычия / Н. Б. Мечковская // Сацыякультурная прастора мовы (сацыяльныя і культурныя аспекты вывучэння беларускай мовы) [Электронный ресурс]. – 1998. – Режим доступа : http://kamunikat.fontel.net/www/knizki/brama/prastora/prastora_01.htm. – Дата доступа : 05.05.2017.

99. Миньяр-Белоручев, Р. К. Общая теория перевода и устный перевод / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М. : Воениздат, 1980. – 297 с.

100. Михайлова, А. Ю. Синтаксические преобразования в сложном предложении при переводе прямой речи с английского языка на русский на материале перевода двух рассказов : Норма Стал «Открытое окно» и Вуд «Зайчонок» / А. Ю. Михайлова // Думать вслух [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.thinkaloud.ru/grad/mikh-grad.pdf>. – Дата доступа : 05.05.2017.

101. Михайловская, Н. Г. Путь к русскому слову / Н. Г. Михайловская. – М. : Наука, 1986. – 176 с.

102. Мунтаха, С. Деепричастные конструкции в функции обстоятельственного детерминанта в современном русском языке и способы перевода их на английский язык : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.04 / С. Мунтаха. – Москва, 1984. – 215 л.

103. Мурзин, Д. Н. Антропологическая ниша в языковой науке / Д. Н. Мурзин // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. – Екатеринбург. – 1995. – С. 11–12.

104. Мюлер, В. Дзеепрыметнікі і дзеепрыслоўі беларускай мовы : утварэнне, функцыянаванне, пераклад / В. Мюлер // Мова – Літаратура – Культура : матэрыялы VI Міжнар. навук. канф., Мінск, 28–29 кастр. 2010 г. / Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2010. – С. 132–138.

105. Мякшин, К. А. Коммуникативно-функциональный потенциал глаголов современного английского языка, вводящих прямую речь / К. А. Мякшин, А. В. Хромцова // Международный электронный научный журнал «Science Time» / под общ. ред. С. В. Кузьмина. – Казань : Общество Науки и Творчества, 2014. – Вып. 3. – С. 77–82.

106. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 320 с.

107. Никитина Е. Н. Неопределённо-личные предложения [Электронный ресурс] / Е. Н. Никитина. – Москва, 2011. – Режим доступа : http://rusgram.ru/Неопределенно-личные_предложения. – Дата доступа : 05.05.2017.

108. Новикова, М. Г. Синтаксические преобразования на уровне предложения при переводе с английского языка на русский язык на примере коротких рассказов С. Моэма : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / М. Г. Новикова ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2009. – 25 с.

109. Огнева, Е. А. Художественный перевод : проблемы передачи компонентов переводческого кода / Е. А. Огнева. – 2-е изд., доп. – М. : Эдитус, 2012. – 234 с.

110. Онькова, Л. А. Межъязыковые преобразования в актантной структуре высказывания при переводе [Электронный ресурс] / Л. А. Онькова, Р. В. Сычёв // Индустрия перевода. – Пермь : ПНИПУ, 2014. – С. 59–63. – Режим доступа : http://pspu.ru/upload/pages/30748/Onkova_L.A._Sychoy_R._Mezhazykovyje_preobrazovanija_v_aktantnoj_strukture_vyskazyvanija.pdf. – Дата доступа : 05.05.2017.

111. Падучева, Е. В. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики / Е. В. Падучева // Семиотика и информатика. – М. : Русские словари, 1998. – Вып. 36. – С. 82–107.

112. Падучева, Е. В. Неопределённо-личное предложение и его подразумеваемый субъект / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 2012. – № 1. – С. 27–41.

113. Паршин, А. Н. Теория и практика перевода / А. Н. Паршин. – М. : Русский язык, 2000. – 161 с.

114. Петров, А. В. Категория безличности в современном русском языке : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Петров ; Моск. пед. гос ун-т. – М., 2007. – 43 с.

115. Петрухина, Е. В. Русский глагол : категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований) : учеб. пособие / Е. В. Петрухина. – М. : МАКС Пресс, 2009. – 208 с.

116. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 8-е изд., доп. – М. : Яз. славян. культуры, 2001. – 544 с.

117. Плунгян, В. А. Общая морфология : введение в проблематику : учеб. пособие / В. А. Плунгян. – 2-е изд., испр. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.

118. Попович, А. Проблемы художественного перевода / А. Попович. – М. : Высшая школа, 1980. – 200 с.
119. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – Киев : СИНТО, 1993. – 192 с.
120. Проскуркин, В. М. Стилистическая компенсация и другие способы передачи просторечной лексики (на материале переводов рассказов В. М. Шукшина на немецкий язык) / В. М. Проскуркин // Мир науки, культуры, образования. – 2008. – № 2 (9). – С. 60–62.
121. Рагойша, В. П. Проблемы перевода с близкородственных языков : белорусско-русско-украинский поэтический взаимоперевод / В. П. Рагойша. – Минск : Изд-во БГУ, 1980. – 184 с.
122. Рахимжанов, К. Х. О типологии билингвальной языковой личности / К. Х. Рахимжанов, М. К. Акошева // Scientific world [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/philosophy-and-philology-213/linguistics-and-foreign-languages-in-the-world-today-213/17747-213-007>. – Дата доступа : 05.05.2017.
123. Реформатский, А. А. Лингвистика и поэтика / А. А. Реформатский. – М. : Наука, 1987. – 263 с.
124. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика : очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – 3-е изд. – М. : Р. Валент, 2007. – 244 с.
125. Розенталь, Д. Э. Справочник по правописанию и стилистике [Электронный ресурс] / Д. Э. Розенталь. – 1997. – Режим доступа : http://rosental-book.ru/styli_xlii.html#sect179. – Дата доступа : 05.05.2017.
126. Русская грамматика : в 2 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980–1982. – Т. 2 : Синтаксис. – 1980. – 709 с.
127. Русский язык : учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений / Л. Л. Касаткин [и др.] ; под ред. Л. Л. Касаткина. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 768 с.
128. Русских, А. Лексико-семантические трансформации существительных при переводе художественного текста с польского на русский и белорусский языки / А. Русских // Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego. – 2012. – № 2. – С. 92–112.
129. Сардарова, А. А. Переводчик как билингвальная языковая личность / А. А. Сардарова // Профессионально ориентированный перевод : реальность и перспективы : сб. науч. трудов VIII Междунар. науч.-метод. интернет-конф., Москва, 08–14 апр. 2013 г. / РУДН ; под ред. Н. Н. Гавриленко. – М. : РУДН, 2013. – С. 237–244.

130. Свирская, Е. Э. Особенности перевода форм пассивного залога с немецкого языка на русский язык / Е. Э. Свирская // Альтернант-2015 [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : <http://conf.grsu.by/alternant2015/index-161.htm>. – Дата доступа : 05.05.2017.

131. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Прогресс-Универс, 1993. – 654 с.

132. Серов, Н. В. Теория и практика перевода : пособие для студ. филол. фак. ун-тов и фак. иностр. яз. пед. ин-тов / Н. В. Серов, А. Б. Шевнин. – Элиста : КГУ, 1979. – 125 с.

133. Сикалюк, Ю. И. Способы воспроизведения индивидуального стиля Ивана Франко в автопереводах (на материале немецкого и украинского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ю. И. Сикалюк. – М., 2015. – 231 л.

134. Синица, И. А. Языковая личность ученого-гуманитария XIX века / И. А. Синица. – Киев : Издательский Дом Дмитрия Бураго, 2006. – 352 с.

135. Словарь русского языка : в 4-х т. [Электронный ресурс] / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/01.htm>. – Дата доступа : 05.05.2017.

136. Солодухо, Э. М. Теория фразеологического сближения : на материале языков славянской, германской и романской групп / Э. М. Солодухо. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 296 с.

137. Станишева, Д. С. Творительный социативный / Д. С. Станишева // Творительный падеж в славянских языках / под ред. С. Б. Бернштейна. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1958. – С. 41–75.

138. Станкевич, Р. Янка Купала, Якуб Колас и Максим Богданович в Болгарии. Генезис рецепции [Электронный ресурс] / Р. Станкевич. – Режим доступа : http://liternet.bg/publish16/r_stankevich/belarus/05_02.htm. – Дата доступа : 05.05.2017.

139. Сушкевич, П. В. Антропонимы в переводе повести В. Быкова «Облава» на русский язык / П. В. Сушкевич // Язык и социум : материалы IX Междунар. науч. конф., 3–4 дек. 2010 г., Минск : в 3 ч. / редкол. : Л. Ф. Гербик (отв. ред.). – Минск : РИВШ, 2011. – Ч. 3. – С. 208–211.

140. Сцяцко, П. У. Культура мовы / П. У. Сцяцко. – Мінск : Тэхналогія, 2002. – 444 с.

141. Тарасова, М. А. Переводы современной англоязычной поэзии на русский язык в аспекте потенциальности : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / М. А. Тарасова. – М., 2014 – 296 л.

142. Телегина, Е. В. Основные особенности грамматической категории числа в русском и английском языках / Е. В. Телегина // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 6. – С. 62–65.

143. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки рус. культуры», 1996. – 288 с.

144. Топоркова, Ю. А. Особенности перевода испанских причастных оборотов на русский язык / Ю. А. Топоркова // Междунар. науч. журнал «Символ науки». – 2015. – № 7. – С. 114–116.

145. Ушакова, А. П. Грамматические формы категории принадлежности в русском и сербском (сербохорватском) языках : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.02 / А. П. Ушакова ; Челябинск. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2011. – 58 с.

146. Фокин, С. Б. Трансформация грамматической категории залога при переводе (на материале испанского и украинского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.16 / С. Б. Фокин ; Киевск. нац. ун-т имени Т. Шевченко. – Киев, 2004. – 20 с.

147. Хованская, Е. С. Авторский перевод. Причины обращения / Е. С. Хованская, О. В. Праченко // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанск. гос. аграрн. ун-та (Науч. журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. – Краснодар : КубГАУ, 2014. – № 05 (099). – Режим доступа : <http://ej.kubagro.ru/2014/05/pdf/96.pdf>. – Дата доступа : 05.05.2017.

148. Циммерман, И. Синтаксические функции актантов, залог и переходность / И. Циммерман // Проблемы теории грамматического залога. – Л. : Наука, 1978. – С. 71–79.

149. Черепкова, А. А. Использование синтаксической трансформации при переводе страдательного залога в технической литературе / А. А. Черепкова, Х. С. Шагбанова // Студенческий научный форум : материалы V Междунар. студ. электронн. науч. конф., 15 февр. – 31 марта 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.scienceforum.ru/2013/pdf/9239.pdf>. – Дата доступа : 05.05.2017.

150. Черепок, К. В. Перевод причастия и причастных оборотов с английского языка на русский / К. В. Черепок // 68-я науч. конф. студентов и аспирантов Белорус. гос. ун-та : сб. работ : в 3-х ч. – Минск : БГУ, 2011. – Ч. 3. – С. 56–59.

151. Чудинов, В. А. Проблема языкового субъекта [Электронный ресурс] / В. А. Чудинов. – Режим доступа : <http://chudinov.ru/problema-yazykovogosubekta/>. – Дата доступа : 05.05.2017.

152. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. – М. : Воениздат, 1973. – 280 с.

153. Швейцер, А. Д. Теория перевода : статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 216 с.

154. Щетинкин, В. Е. Пособие по переводу с французского языка на русский / В. Е. Щетинкин. – М. : Просвещение, 1987. – 160 с.

155. Эфтор, О. В. О подходах к изучению языковой личности / О. В. Эфтор // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. Вып. 86, Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 37 (328). – С. 117–120.

156. Яскевіч, А. Сумежжа : мова, пераклад, вытокі прозы / А. Яскевіч. – Мінск : Мастац. літ., 1994. – 253 с.

157. Bassnett-McGuire, S. Translation studies / S. Bassnett-McGuire. – New York : Methuen & Co. Ltd., 1991. – 176 p.

158. Catford, J. C. A linguistic theory of translation / J. C. Catford. – London : Oxford Univ. Press., 1965. – 103 p.

159. De Roubaix, L. Where boundaries blur : André Brink as writer, bilingual writer, translator and selftranslator / L. De Roubaix // Versatility in translation studies : selected Papers of the Cetra research seminar in translation studies [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access : <https://www.arts.kuleuven.be/cetra/papers/files/de-roubaix.pdf>. – Date of access : 05.05.2017.

160. Falceri, G. Nancy Huston, self-translation and a transnational poetics / G. Falceri // Ticontre. Teoria testo traduzione. – 2014. – № 2. – P. 51–66.

161. Gentes, E. Bibliography on self-translation / E. Gentes // Self-translation [Electronic resource]. – 2017. – Mode of access : <http://self-translation.blogspot.de/>. – Date of access : 05.05.2017.

162. Grosbart, Z. Heterofemia międzyjęzykowa, czyli skutki nadmiernego zaufania do intuicji translatorskiej / Z. Grosbart // Wielojęzyczność literatury i problemy przekładu artystycznego / red. E. Balcerzan. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź. – 1984. – S. 29–44.

163. Grosbart, Z. Specyfika przekładu w ramach języków słowiańskich / Z. Grosbart // Poetyka i stylistyka słowiańska : materiały konf. Komisji Poetyki i Stylistyki Słowiańskiej Międzynarodowego Komitetu Słowistów, Warszawa, 18–20 kwietnia 1972 ; red. S. Skwarczyńska. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1973. – S. 111–119.

164. Kaleta, R. Białorusko-polska homonimia międzyjęzykowa : praca doktorska / R. Kaleta. – Warszawa, 2011. – 301 s.

165. Kenny, D. Equivalence / D. Kenny // Routledge Encyclopaedia of translation studies / M. Baker. – London and New York : Routledge, 1998. – P. 77–80.

166. López L.-Gay, P. Conversación con Jorge Semprún. Sobre autotraducción. De los recuerdos y sus formas de reescritura / P. López L.-Gay // Quaderns : Revista de traducció. – 2008. – № 16. – P. 157–164.

167. Mohdeb, Y. L'autotraduction littéraire, entre traduction et réécriture, le cas de Rachid Boudjedra [Electronic resource] / Y. Mohdeb. – Mode of access : http://www.academia.edu/6156621/Lautotraduction_litt%C3%A9raire_entre_traduction

_et_r%C3%A9criture_le_cas_de_Rachid_Boudjedra. – Date of access : 05.05.2017.

168. Munday, J. *Introducing translation studies* / J. Munday. – London ; New York : Routledge, 2001. – 222 p.

169. Nida, E. *Language structure and translation* / E. Nida. – Standford : Standford University Press, 1975. – 283 p.

170. Nida, E. *Towards a science of translating* / E. Nida. – Leiden : E. J. Brill, 1964. – 331 p.

171. Pym, A. *Exploring translation theories* / A. Pym. – London – New York : Routledge, 2010. – 190 p.

172. Snell-Hornby, M. *Translation studies : an integrated approach* / M. Snell-Hornby. – Amsterdam – Philadelphia : J. Benjamins, 1988 – 172 p.

173. Tanqueiro, H. *Un traductor privilegiado : el autotraductor* / H. Tanqueiro // *Quaderns : revista de traducci?* – 1999. – № 3. – P. 23.

174. Whyte, C. *Against self-translation* / C. Whyte // *Translation and literature*. – 2002. – № 11/1 (Spring). – P. 64–76.

175. Xiang Yinhua. *Equivalence in translation : features and necessity* / Xiang Yinhua // *International journal of humanities and social science*. Vol. 1. – 2011. – № 10 – P. 169–171.

Список источников иллюстративного материала

176. Быкаў, В. У. Сотнікаў / В. У. Быкаў // *Поўны зб. тв. : у 14 т.* – Мінск : Саюз беларускіх пісьменнікаў ; М. : ТАА «Выдавецтва «Время», 2005. – Т. 3 : *Аповесці*. – С. 351–510.

177. Быков, В. В. Сотников / В. В. Быков // *Повести : Дожить до рассвета ; Его батальон ; Волчья стая ; Сотников ; Обелиск : пер. с белорус.* – Мінск : Маст. літ., 1988. – С. 405–543.

178. Казько, В. А. Суд у Слабадзе / В. А. Казько. [Электронный ресурс]. – 2002. – 151 с. – Режим доступа : <http://kamunikat.org/8643.html?lang=PL&pubid=18656>. – Дата доступа : 05.05.2017.

179. Козько, В. А. Судный день / В. А. Козько // *Судный день : повести*. – М. : Мол. гвардия, 1988. – С. 378–524.

180. Мележ, И. П. *Збор твораў : у 6 т.* – Мінск : Беларусь, 1969–1971. – Т. 2 : *Мінскі напрамак : раман у 3 кн.* – Кн. 1 : *Хмары на світанні* [Электронный ресурс] / И. П. Мележ. – 1970. – 384 с. – С. 1–150. – Режим доступа : <http://www.pdf.kamunikat.org/download.php?item=19482-1.pdf>. – Дата доступа : 05.05.2017.

181. Мележ, И. П. *Минское направление : роман : в 3 кн. : пер. с бел. авт.* / И. П. Мележ. – М. : Сов. писатель, 1973. – 760 с. – С. 1–165.

Список публикаций соискателя

1–А. Никитина, Н. Е. Языковая личность : проблемы осознания её сущности и современная лингвистическая интерпретация / Н. Е. Никитина // Весці БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – Минск : БГПУ, 2015. – № 2. – С. 34–37.

2–А. Нікіціна, Н. Я. Адметнасці аўтарскага перакладу з беларускай мовы на рускую ў кантэксце агульнаасветнай перакладчыцкай практыкі / Н. Я. Нікіціна // Беларуская лінгвістыка / Ін-т мовы і літаратуры імя Я. Коласа і Я. Купалы НАН Беларусі ; рэдкал.: А. А. Лукашанец (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2016. – Вып. 76. – С. 89–96.

3–А. Никитина, Н. Е. Лингвистические трансформации как показатель адекватности профессионального и авторского переводов (на примере романа И. Мележа «Мінскі напрамак») / Н. Е. Никитина // Вестник Самарского ун-та. История. Филология. Педагогика. – Самара. – 2016. – № 3.2. – С. 304–308.

4–А. Никитина, Н. Е. Перевод как цель и средство обучения в практике преподавания русского языка в Республике Беларусь / Н. Е. Никитина // Русский язык и литература. Сер. «У дапамогу педагогу». – 2017. – № 6. – С. 58–64.

5–А. Никитина, Н. Е. Авторский перевод и деятельность языковой личности в сфере межкультурной коммуникации / Н. Е. Никитина // Карповские научные чтения : сб. науч. статей. – Вып. 9 : в 2 ч., Минск, 13–14 марта 2015 г. / редкол.: А.И. Головня (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2015. – Ч. 2. – С. 96–100.

6–А. Никитина, Н. Е. О статусе авторского перевода в контексте ситуации билингвизма / Н. Е. Никитина // Філологічний часопис : зб. наук. праць / гол. ред. О. Ю. Зелінська. – Умань : Візаві, 2016. – Вип. 1 (7). – С. 37–48.

7–А. Никитина, Н. Е. Об особенностях передачи топонимов при авторском переводе с белорусского языка на русский / Н. Е. Никитина // Славянские языки : системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : сб. науч. тр. VII Междунар. конф., Брест, 26–27 ноября 2015 г. : в 2 ч. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол. : Л. А. Годуйко [и др.] ; под общ. ред. О. Б. Переход. – Брест : БрГУ, 2016. – Ч. 1. – С. 217–220.

8–А. Никитина, Н. Е. Топонимическое пространство художественного текста как отражение этнокультурной специфики народа / Н. Е. Никитина // Региональная ономастика : проблемы и перспективы исследования : сб. науч. статей / сост. : А. М. Мезенко, Е. А. Зайцева, О. В. Шеверина ; под науч. ред. А. М. Мезенко. – Витебск : ВГУ, 2016. – С. 268–271.

9–А. Никитина, Н. Е. Композитная деривация в условиях авторского перевода с белорусского языка на русский / Н. Е. Никитина // Слово в языке, речи, тексте : сб. науч. статей / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина; под общ. ред. Н. Р. Якубук ; редкол.: Л. А. Годуйко [и др.]. – Брест : БрГУ, 2016. – С. 313–316.

10–А. Никитина, Н. Е. Из наблюдений над эквивалентностью языковых единиц в авторском переводе с белорусского языка на русский (на материале рассказа Р. Боровиковой «Кофе для домашнего») / Н. Е. Никитина // XVII Респ. науч.-метод. конф. молодых ученых : сб. материалов, Брест, 15 мая 2015 г. : в 2 ч. / М-во образования Респ. Беларусь, Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина ; под общ. ред. А. Е. Будько. – Брест : БрГУ, 2015. – Ч. 2. – С. 130–132.

11–А. Никитина, Н. Е. К проблеме выявления особенностей взаимодействия русского и белорусского языков при авторском переводе / Н. Е. Никитина // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 окт. 2015 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т, фак. социокультур. коммуникаций ; под. ред. О. И. Уланович. – Минск : Колорград, 2015. – С. 107–110.

12–А. Никитина, Н. Е. Антропонимическое пространство повести В. Быкова «Сотников», её авторского перевода на русский язык и изучение деятельности билингвальной языковой личности / Н. Е. Никитина // Беларуская мова ў XXI стагоддзі : асноўныя тэндэнцыі развіцця (да 80-годдзя акадэміка А. І. Падлужнага) : зб. матэрыялаў Міжнар. навук. канф., Мінск, 28–29 кастр. 2015 г. / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. – Мінск : Права і эканоміка, 2015. – С. 250–257.

13–А. Никитина, Н. Е. К проблеме стилистической адекватности авторского перевода / Н. Е. Никитина // Динамические процессы в лексике и грамматике славянских языков : сб. материалов Междунар. интернет-конф., Умань, 30–31 дек. 2015 г. [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : <http://slavonic-languages.webnode.com.ua/news/nadezhda-nikitina-k-probleme-stilisticheskoy-adekvatnosti-avtorskogo-perevoda/>. – Дата доступа : 05.05.2017.

14–А. Никитина, Н. Е. Проблема фразеологической эквивалентности в авторских переводах с белорусского языка на русский / Н. Е. Никитина // Кулешовские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Могилёв, 21 апр. 2016 г. / под общ. ред. С. Э. Сомова. – Могилёв : МГУ. – 2016. – С. 151–155.

15–А. Никитина, Н. Е. Соотношение видо-временных форм глаголов при авторском переводе с белорусского языка на русский / Н. Е. Никитина // Язык – литература – культура (к 90-летию со дня рождения проф. Л. М. Шакуна) : сб. материалов Междунар. науч. конф., Минск, 15–16 сент. 2016 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т. – Минск. – 2016. – Ч. 1 – С. 90–93.

16–А. Никитина, Н. Е. Реализация грамматической категории числа имени существительного при авторском переводе с белорусского языка на русский / Н. Е. Никитина // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф., Минск,

17–18 нояб. 2016 г. / редкол. О. И. Уланович [отв. ред.] и др. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 195–198.

17–А. Никитина, Н. Е. Об особенностях замены посессивных конструкций в условиях авторского перевода с белорусского языка на русский / Н. Е. Никитина // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология : актуальные вопросы и перспективы развития : материалы I Респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Минск, 23–24 февр. 2017 г. / редкол.: О. Г. Прохоренко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 203–206.

Классификации переводческих трансформаций

Таблица А1. – Классификации переводческих трансформаций по соотнесённости с уровнем языковой системы

Уровень языковой системы	Рецкер Я. И. [124]	Серов Н. П., Шевнин А. Б. [132]	Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. [91]	Миньяр-Белоручев Р. К. [99]	Щетинкин В. Е. [154]	Комиссаров В. Н. [81]	Латышев Л. К. [89]
1	2	3	4	5	6	7	8
Лексический	<u>Лексические трансформации:</u> дифференциация, конкретизация, генерализация значений, смысловое развитие, антонимический перевод, целостное преобразование, компенсация.	<u>Лексические трансформации:</u> конкретизация, генерализация, замена причины следствием, антонимический перевод, компенсация.	<u>Лексические трансформации:</u> замена, добавление, конкретизация, генерализация, опущение.	<u>Лексические трансформации:</u> генерализация, конкретизация.	<u>Лексические трансформации:</u> генерализация, конкретизация, смысловое согласование, антонимический перевод, адаптация, экспликация, амплификация, компенсация.	<u>Лексические трансформации:</u> транслитерация, переводческое транскрибирование, калькирование, лексико-семантические замены (модуляция, конкретизация и генерализация).	<u>Лексические преобразования:</u> замены лексем синонимами, зависящими от контекста.
Грамматический: морфологический и синтаксический	<u>Грамматические трансформации:</u> замена частей речи или членов предложения.	<u>Грамматические трансформации:</u> опущение, перестановка, добавление и транспозиция.	<u>Грамматические трансформации:</u> перестановка, опущение, добавление, перестройка и замена предложений.	<u>Грамматические трансформации:</u> пассивизация, замена частей речи и членов предложения, объединение предложений или их членение.	<u>Грамматические трансформации:</u> замена, перестановка, опущение, добавление.	<u>Грамматические трансформации:</u> дословный перевод (синтаксическое уподобление), грамматические замены (замены членов предложения, форм слова, частей речи) и членение предложения.	<u>Морфологические преобразования</u> одной части речи в другую или замена её несколькими частями речи. <u>Синтаксические преобразования</u> слов, словосочетаний и предложений.

Продолжение А1

1	2	3	4	5	6	7	8
Стилистический			Стилистические трансформации: компрессия, расширение, синонимические замены, описательный перевод, компенсация.		Стилистические трансформации: модуляция.		Стилистические преобразования: трансформация стилистической окраски слова.
Семантический				Семантические трансформации: синонимические, метафорические замены, логическое развитие понятий, антонимический перевод, компенсация.			Семантические трансформации: замены деталей-признаков.
Несколько уровней						Комплексные трансформации (лексико-грамматические): экспликация, антонимический перевод, компенсация.	Трансформации смешанного вида: антонимический перевод, конверсная трансформация.